

"Мой странный друг (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пролог.

Ты будешь военным...

— Ты будешь военным, — повторил несколько раз мужчина средних лет в военном кителе, строго глядя на стоящего перед ним мальчика.

— Но военные убивают людей! Я не хочу никого убивать! — из уст маленького мальчика такие слова прозвучали неожиданно.

Лицо мужчины помрачнело.

— В нашей семье все военные. Это почетно. Наша семья этим гордится. И ты должен этим гордиться! — видя, что мальчик хочет возразить, мужчина добавил, — иди, это уже решено. Ты должен гордиться тем, что будешь военным.

Не по-детски умные глаза ребенка смотрели в глаза своего отца. В глубине взгляда своего сына он прочел слово «Нет!», это его начинало злить. Мальчик еще так мал, а уже не подчиняется его воле. Откуда это в нем? Их семья, все мужчины в ней, были военными, и это считалось за честь. И вот, его сын говорит ему такие вещи, которые никто не смел никогда произнести. Его сын, его младший сын! Почему он такой?

— Иди. И подумай хорошенько, что ты говоришь, — мужчина помолчал, а затем произнес слова, которые прозвучали как приговор, — ты будешь военным!

Мальчик не стал больше спорить, он повернулся и, уходя, незаметно стер с глаз слезы обиды.

Выйдя из дома, он взял велосипед.

Поездка на велосипеде отвлекла его от грустных мыслей. Он представлял, что это не велосипед, а конь — настоящий, большой и он едет на нем через лес. Он специально ехал по лесной тропинке, неровность которой и выступающие корешки деревьев подбрасывали велосипед, и это создавало ощущение, как ему казалось, поездки верхом на лошади.

Лес закончился, он ехал через поле между колосьями созревающей пшеницы. Впереди, низко над дорогой летали ласточки:

«Наверное, к дождю», — подумал мальчик.

Он остановился у небольшого пруда, частично заросшего камышами и невысоким кустарником. В глади пруда отражалось небо и редкие облака. Стоял летний полдень. Солнце было в самом зените. В траве стрекотали кузнечики. Огромные стрекозы кружили над его гладью, ища свою жертву.

Мальчик сел у кромки пруда, рядом лежал велосипед. Он мысленно представил, что это его конь, который сейчас попил воды и ест траву рядом с ним. От этих мыслей ему стало не так одиноко — ведь его верный друг рядом с ним.

Мысли опять перенеслись к последнему разговору с отцом. Таких разговоров было много. Сначала на его возражения все смеялись, думая, что он маленький и не понимает, что говорит, но потом — он внутренне почувствовал это — его стали воспринимать по-другому.

Мама — он так ее любит. Но почему он чувствует, что она сторонится его? Он видит с какой любовью она относится к его двум старшим братьям и его сестре, какая душевная искренность происходит между ними, когда они общаются. А с ним — ведь она тоже говорит ему ласковые слова, но только внутри он чувствует холод...

Когда все поменялось? С того момента, когда он поделился с родными ему людьми, что не хочет быть военным, как все в его семье.

Нет, он обманывает себя, это началось раньше — с самого момента его осознанного восприятия себя и окружающих. Уже тогда он чувствовал свое отторжение. Он всегда это чувствовал. Наверное, истинные чувства нельзя заменить на поддельные. Он стал изгоем. Одиночкой.

Сначала он пытался это исправить. Старался быть ближе к ним. Хотя их разговоры, обсуждения и события их жизни, его не привлекали. Ему это было не интересно и скучно. Но он делал вид, что ему это интересно, он старался быть с ними.

Чтобы сломать так стремительно растущую стену непонимания между ним и его семьей, он стал делиться с ними своими переживаниями, мыслями, чувствами. Считая, что его искренность разрушит эту стену.

Но он ошибся! Его не понимали. Не понимали совсем: ни его мечты, ни его переживания, ни его мысли. Его желание быть с ними единым целым обернулось в прямо противоположное. Он стал изгоем. Он стал совсем чужим для них. Ему было больно понимать, что он другой, что он думает, мечтает и воспринимает мир по-другому. А это было неприемлемо в их семье.

В один миг стена, которую он пытался разрушить, превратилась в неприступную преграду, которую он уже никогда в своей жизни не сможет разрушить...

Глаза опять стали мокрыми от слез, внутри все больно сжалось.

«Мама, папа, ну почему? Я ведь так вас люблю!»

Мальчик плакал, смотря в бездонную синеву неба. Плакала его душа, так и не обредшая тепло семейной любви, одинокая душа, страдающая в непонимании, за что ее не любят...

Затем он стер ладонью слезы. Внутри него появилось новое чувство. Он понял, что уже ничего не исправишь, ничего не изменишь. Он должен быть сильным. Он будет сильным!

— Клянусь, я никогда больше не буду плакать, — сказал мальчик, глядя в глубину синего неба.

Сзади слышались шаги, мальчик обернулся. На тропинке стоял подросток, намного старше него.

— Ты чего здесь делаешь? Это мое место — я здесь рыбу ловлю, — сказал подросток, держа в одной руке удочки, в другой — ведро.

— Здесь не написано, что это твое место. Хочу и буду здесь, — огрызнулся мальчик, вставая и готовясь к драке.

Подросток внимательно смотрел на мальчика. Перевес в силе явно был не на стороне мальчишки, который был маленьким и щуплым. Одни глаза — большие, зеленые. Но какой бесстрашный — настоящий пацан!

— У меня лишняя удочка есть, можем вместе порыбачить, — спокойно произнес подросток, проходя мимо мальчика, — кстати, меня Прохором зовут.

— Кай, — буркнул мальчик, все еще ожидая нападения.

— Странное имя.

— Я его ненавижу.

— Почему?

— Потому что все говорят, когда его слышат, как ты: «странное имя», — злобно проговорил мальчик.

— Тогда я не буду так больше говорить, — очень серьезно произнес Прохор, — так и будешь стоять? Бери удочку!

— Я не умею ловить рыбу.

Прохор засмеялся.

— Правда? — но, видя растерянный вид Кая с удочкой в руке, спокойно сказал, — я научу тебя!

***

К вечеру, когда в ведре плескалась пойманная рыба, Кай сказал, что ему пора возвращаться домой. Прохор понимающе кивнул и протянул руку.

— Завтра придешь? Я опять здесь рыбу ловить буду.

— Приду!

— Значит, теперь вместе рыбачить будем...

Возвращаясь на велосипеде домой, Кай счастливо улыбался, поняв, что он в этом мире не одинок. Он нашел такого же, как он — изгоя, одиночку, того, кого никто не понимает и не принимает.

В тот день они много говорили, рассказывали о своей жизни, делились друг с другом своими мыслями, мечтами. В этот день каждый из них понял, что нашел друга, друга на всю жизнь...

Лишь одно омрачало сегодняшний день — это слова, звучащие в ушах Кая:

«Ты будешь военным!»

Глава 1

В гарнизоне было тихо. Относительное спокойствие на фронтах вносило размеренность в жизнь военных.

Кай вот уже вторые сутки проводил в палатке Варфоломея.

Он полулежал на солдатской койке, подложив под спину подушку. На нем была защитная военная форма, небрежно застегнутая на несколько нижних пуговиц. В распахнутом вырезе можно было увидеть нательную майку и поблескивающий на цепочке крест. Камуфляжные брюки были заправлены в грубые армейские ботинки. Одну ногу Кай поставил на кровать, чтобы удобнее было играть на гитаре.

Вот уже вторые сутки они пили, пользуясь моментом затишья. Такое бывало редко. Им повезло.

Кай в очередной раз провел пальцами по струнам. Ребята, сидевшие за столом, посмотрели в его сторону.

— Давай, нашу забацай, — сказал Перец. — Что тянешь?

В палатке, помимо знакомых Кая, было много офицеров — те, кто был допущен сюда из других частей.

Известие, что Кай тоже находится у Варфоломея, всех порадовало: он всегда рассказывал новости, о которых они даже и не слышали, да и поговорить с Каем было интересно, поэтому все чуть ли не с дарами приходили к Варфоломею, чтобы только он пустил и разрешил остаться.

Шли вторые сутки таких посиделок. Одни люди приходили, другие уходили.

Сейчас, под утро, в палатке было меньше народу. Кто-то лежал на кроватях, кто-то сидели за столом, на котором еще осталось море закуски и выпивки. Под ногами катались пустые бутылки, которые самые сознательные подбирали и уносили в мусор.

В целом картина не соответствовала армейской дисциплине. Все были одеты не по уставу: расстегнутые кители, многие в одних майках. Курили здесь же. Полог палатки был откинут, чтобы впустить утреннюю свежесть и немного избавиться от дыма.

Кай затянулся и потушил сигарету. Еще раз провел рукой по струнам. Вспомнил, что давно не играл на гитаре. Полуприкрыл глаза и чуть склонил голову к струнам, из-за чего непокорный локон упал на его красивое лицо; низким, невероятно красивым голосом он запел:

Пришел приказ — и по тревоге мы встаем.

Взяв автомат, садимся молча в самолет.

В рассветный час, когда земля еще спала,

В Афганистан приказа воля занесла.

Афганистан, красивый, дикий горный край,

Приказ простой: иди вперед и умирай.

Но как же так, ведь на дворе весна давно,

А сердце лишь тоской и горечью полно.

Афганистан — грохочет где-то пулемет,

Афганистан... Вчера погиб мальчишек взвод.

Их командир с свинцом в груди на землю пал,

"Россия, Мать", — он перед смертью прошептал.

Голос его чуть дрогнул. Он замолчал, перестав играть. Повисла тишина. Все тоже молчали; те, кто первый раз слышали, как он поет, были поражены таким голосом.

— Тебе налить? — Варфоломей понял, что Кай вспомнил что-то свое, задумался. А вспоминать ему было что: столько лет на войне.

— Перец, передай ему стакан. Закусить дать?

Кай залпом выпил уже теплую водку.

— Нет, — сказал он, затем согнулся над гитарой, как бы сжимая ее, потом опять откинулся на подушку. Так же с полуприкрытыми глазами продолжил:

Афганистан, красивый, дикий горный край,

Приказ простой: иди вперед и умирай.

Но как же так, ведь на дворе весна давно,

А сердце лишь тоской и горечью полно.

Мой друг упал, лицо красивое в крови,

Он умирал вдали от матери-земли.

Последний раз смотрел в чужие небеса

Он мне сказал: "Свободным будь, Афганистан!".

Афганистан, красивый, дикий горный край,

Приказ простой: иди вперед и умирай.

Но как же так, ведь на дворе весна давно,

А сердце лишь тоской и горечью полно.

"Кто молод был, тот за минуту постарел" —

Сказал отец, когда на сына посмотрел.

Все тот же он, лишь с сединою на висках,

Тоска и грусть в его, как шар земной, глазах.

Афганистан, проклятый, дикий горный край,

Приказ простой: иди вперед и умирай.

Но как же так, ведь на дворе весна давно,

А сердце лишь тоской и горечью полно.

— Здорово! Аж мурашки по коже! — Перец был всегда несдержан и выражал свои эмоции бурно.

— Зачем такое поешь? Нравится себе душу рвать воспоминаниями? — Варфоломей пристально смотрел на Кая, который все так же полулежал на кровати.

— Мне все равно. Нет никаких воспоминаний! Давно уже ничего нет.

— Крутого из себя корчишь? Ты, конечно, крут, мы тебе и в подметки не годимся, у тебя даже воспоминаний нет! Сила воли великая! А у нас есть, мы-то не ровня тебе, о великий Кай, наш супергерой! — окончательно выйдя из себя, прокричал взбешенный словами Кая Фрол, опять найдя повод сцепиться.

Кай вскочил с постели, отшвырнув гитару. Фрол с грохотом встал из-за стола, резко вскинув вверх руку, ударил Кая в солнечное сплетение. Удар получился слабым: Фрол был пьян и плохо координировал свои движения. Кай схватился за стол, но сразу пришел в себя, восстановив дыхание.

Между ними, моментально оценив ситуацию, возник Варфоломей.

— Отставить, господа офицеры! — командным голосом сказал Варфоломей. — Ты чего? Совсем допился? — он посмотрел на кипящего от гнева Фрола.

— Зачем ты так, Фрол? Мне жаль, если ты действительно считаешь меня не ровней себе. Ты мой друг! — в голосе Кая не было обиды за удар. Он хотел, очень хотел, чтобы между ними воцарился мир. Как жаль, что Фрол постоянно к чему-то придирается.

Чтобы не раздражать Фрола своим присутствием, Кай пошел к выходу из палатки.

— Стой, ты куда? — спросил Варфоломей.

— К себе.

— Торпедо, выход перекрой, верни этого супергероя на место, — распорядился Варфоломей.

Огромный Торпедо полностью заслонил своей могучей фигурой выход из их палатки. Военная майка не скрывала его мощные бицепсы, которые сейчас вздулись от напряжения.

За спиной у Кая стоял Перец, он был чуть ниже Торпедо, но тоже еще тот шкаф. Два дюжих десантника, а между ними Кай, который выглядел как невысокий, худой подросток.

Драться он с ними точно не хотел, хотя мог положить их в доли секунды. Сейчас ему хотелось уйти: его задели слова Фрота и его поведение. Ему всегда было неприятно осознавать, что все считают его другим, особенным. Но он-то в чем виноват? Он просто выполняет свою работу — воюет и все.

Воспользовавшись секундным замешательством Кая, Торпедо и Перец накинулись на него и практически на руках вернули его на место.

— Сиди здесь, — сказал, улыбаясь, Торпедо, — нехрен фигней страдать! Фрол перепил, с кем не бывает.

Кай, понимая, что сопротивляться глупо, остался сидеть на кровати.

В палатке повисла тишина, никто больше не вмешивался в эту разборку.

У входа появился Майор Батулин.

— Ну что тут у вас происходит? Допились до драки? — майор успел застать окончание разборки между Каем и Фролом.

Все находившиеся в палатке вскочили по стойке смирно.

— Вольно, — майор обвел взглядом присутствующих. — Ну и вид у вас, господа офицеры. Прямо сброд какой-то, — он вздохнул. — Варфоломей, Кай, срочно в штаб, там уже все собрались, есть задание. В порядок себя приведите. Жду в машине.

— Что случилось, что его ни свет ни заря принесло? — говорил Торпедо, смотря, как Кай и Варфоломей приводят в порядок форму.

— Вот сейчас и узнаем, — сказал Варфоломей, выходя из палатки.

Когда они вошли в штаб, там действительно уже все собрались. Кроме полковника и его помощников присутствовал капитан разведки роты Давыдов Денис Владимирович по кличке Гусар с двумя офицерами и комбат Петренко Сидор Иванович по кличке Сидр со своими людьми.

— Присаживайтесь, господа офицеры, — полковник жестом пригласил всех садиться за стол.

— Что-то основные герои выглядят не свежо? — он с укором посмотрел на Кая и Варфоломея.

О том, что в палатке Варфоломея уже второй день стоит кутеж, он слышал, а теперь видел по их лицам и внешнему виду, что отдыхали ребята хорошо.

Кай по привычке полез за сигаретами.

— Курить запрещаю, — строго сказал полковник.

— Минералочки бы сейчас или пивка ребятам, а то на них жалко смотреть, — пошутил всегда веселый Сидр.

Полковник пропустил шутку мимо ушей и перешел к сути их сбора. Оказалось, банда духов спустилась в долину и начала кошмарить мирный кишлак. Задача группы Варфоломея: скоординировав действия с разведкой и пехотой в лице комбата Петренко, оттеснить духов из кишлаков в долине и погнать их в горы. Банда большая, но, почувяв на себя охоту, уйдет в горы. Уничтожать их не было приказа, только попугать, пусть убираются.

План простой, разведка даст точные данные, в каком они кишлаке, комбат устраивает шумное нападение, а Кай и Варфоломей со своими ребятами берут три БТР и гонят отступающих до гор.

Действовать нужно было незамедлительно. БТР должны быть на контрольной точке к десяти часам утра. Утром духи не ждут нападения, они расслаблены, поэтому нужно не упустить время для сюрприза.

Кай успел заскочить к себе переодеться. Он надел бронежилет, каску, обвесился оружием и сверху намотал арабский шарф, зная, как пыльно будет на дороге и в долине. Если дышать через шарф, песка наешься намного меньше.

О, этот песок! Как он его ненавидел! Он везде, а вдобавок к нему еще и палящее солнце!

За ним заехал БТР. Варфоломей и Фрол были в одном БТРе, Торпедо и Иван — в другом, а в третьем ехали Кай и Перец. Кай взял управление на себя. Перец держал связь по рации и координировал его движения.

Они были уже близки к точки прибытия. Вдруг впереди они увидели бронированный Мерседес и джип, дорогу которым преградили с двух сторон машины боевиков, и дерущихся людей.

— Кай, как слышишь? — зашипела рация. Это был Варфоломей.

— Слышу тебя!

— Впереди духи япошек мочат. Мы вроде сейчас с япошками дружим. Может, помочь косоглазым?

— Давай поможем, а то они попали, — Кай тоже понял, что бронированная машина принадлежит японцам, по флагу.

БТР Торпедо, на полном ходу врезался в машину боевиков и столкнул ее в пропасть. Кай тоже самое сделал со второй машиной. БТР Варфоломея поливал огнем убегающих в горы бандитов.

Чтобы удобнее обстреливать бегущих в гору людей, Кай и ребята вылезли из БТРов и залезли на броню машин. Автоматными очередями они стреляли по отступающим духам, те отстревались, но шквальный огонь и фактор неожиданности сыграл решающую роль в сражении, противник отступал. Перец и Торпедо “поливал” их длинными очередями, зная что в толпе пули достигнут цели.

Кай стрелял прицеливаясь, при этом держа под контролем все происходящие. Он краем глаза заметил направленный на Фрола прицел ружья. Выстрелил первым, увидел как дух падает с камня на котором стоял.

Вскоре выстрелы стихли. Варфоломей контрольно добил несколько корчившихся тел на склоне. Судя по разбросанным трупам, вряд ли кому удалось скрыться.

Варфоломей обернулся к японцам, которые стояли у мерседеса, глядя на своих спасителей. Для них все произошедшее было полной неожиданностью.

На неплохом английском Варфоломей сказал:

— Рад, что мы успели вовремя. Надеюсь, у вас серьезно никто не пострадал. Вы можете ехать. Здесь не стоит задерживаться.

БТР Кая стоял практически напротив дверей бронированного мерседеса. Кай сел на броню, отложил автомат, роясь в карманах в поисках сигарет.

Один из японцев открыл заднюю дверь Мерседеса, остальные почтительно склонились. Из машины вышел высокий молодой человек с не совсем японской внешностью, но чуть более, чем у европейца раскосые глаза выдавали в нем принадлежность к этой нации. На вид ему было около тридцати, а может меньше. Одет он был как с японской гравюры: шаровары, заправленные в сапоги, кимоно, шелковый пояс, мечи на талии. Он был красив загадочной восточной красотой.

Окинув всех присутствующих внимательным взглядом, он обратился к Варфоломею на практически чистом английском со словами благодарности.

Выслушав его, Кай ответил на идеальном японском языке:

— Аккуратнее нужно быть! Не стоит здесь ездить с такой немногочисленной охраной.

Все обернулись к Каю, который, проговорив это, наконец нашел сигареты и закурил.

Высокий японец, не отрываясь, смотрел на Кая, затем ответил тоже на японском:

— Вы прекрасно говорите на моем языке. Я учту ваши советы. Спасибо за помощь. Меня зовут Тоями Такеру, — он поклонился и пристально посмотрел в глаза Каю.

"Серые глаза, удивительно для японца", — подумал Кай.

Лежащая рядом рация зашипела.

— Ребята, Сидр гонит их, вы где? — донеслось из нее.

Кай ответил:

— Будем через двадцать минут!

— Слышали? Там уже началась заварушка! Нас только не хватало, — крикнул он ребятам.

Уже залезая в машину, он обернулся к Тоями и так же на японском произнес:

— Было приятно познакомиться, но поболтать не могу: нас ждет веселье в другом месте.

Его БТР рванул с места.

Тоями так и остался стоять, провожая взглядом уходящие вдаль по дороге машины.

Он был поражен. Услышать от русского — да, он определённо русский:

такое идеальное произношение! Этот юноша поразил его. Такие аристократические черты лица и такие глаза — они как драгоценные изумруды, завораживали, вспыхивая зелеными огоньками.

«Он совсем молодой, намного моложе меня. Я даже не знаю его имени».

Как бы прочтя его мысли, Изоа, стоящий с ним рядом, произнес:

— Это Кай.

«Ах да, многие рассказывали какие-то мифические истории о его военных подвигах», — подумал он. Хотя, теперь он был готов поверить в их правдоподобность, увидев, как тот лихо отстреливал убегающих бандитов. Но он и предположить не мог, что Кай так выглядит и такой молодой.

Тоями дал приказ ехать: задерживаться здесь было действительно опасно.

Всю дорогу мысли об этом юноше не покидали его.

«Да, точно! Я столько о нем слышал, но никогда не придавал этому значения. Говорят, Кай прекрасно владеет мечом, ему нет в этом равных. А эти истории о его героизме! Вроде он здесь давно. Но почему? Что его здесь держит? Ему это все нравится? Сколько сразу вопросов. Я бы хотел ему их задать».

Тоями улыбнулся: «Хотел бы задать — глядя в эти зеленые глаза...»

Он прислушался к себе: странное чувство, давно он это не ощущал — желание увидеть еще раз кого-то.

Ему стали все безразличны. Он многое познал и испытал за свои годы, постепенно теряя интерес ко всему. Вернее, он просто жил: хорошо выполнял свою работу, в свободное время встречался с друзьями и позволял себе развлекаться так, как ему хочется.

Откуда теперь в нем это желание встретится еще раз?

Тоями отвернулся к окну, смотря на мелькающий пыльный пейзаж.

«Мы еще увидимся с тобой, Кай!»

Глава 2

На боевую точку они прибыли вовремя. Завязался бой. Под шквалом огня бандиты стали отступать из кишлака в горы, попадая там под обстрел их БТРов.

План был разработан тактически правильно: бандиты выбиты с занимаемых позиций, часть из них ушла в горы; в то же время из своих практически никто не пострадал, лишь немногие получили незначительные ранения.

Выполнив задание, они вернулись в гарнизон. И сразу же их вызвали к полковнику на отчет.

Кай сидел за столом и крутил в руке каску. У него из ума не выходил странный японец Тоями. Не ожидал он здесь такого встретить. Такой пронзительный взгляд.

«Почему он на меня так странно смотрел?»

— Кай, пошли, — Варфоломей уже встал из-за стола, возвращая его в реальность. — Все, можно идти, совещание закончилось! Ты о чем думаешь?

Он не стал отвечать, только махнул рукой. Они молча вышли и сели в машину.

— Устал, что ли? — Варфоломея странное поведение Кая уже начало беспокоить.

— Довези до блатных, я обещал Себастьяну зайти.

Варфоломей хотел возразить, что, может, не надо сразу после задания, может, сначала необходимо прийти в себя, но, посмотрев на Кая, решил: пусть идет. Его беспокоило еще и поведение Фрола, эти постоянные наезды на Кая. Он видел: Кай искренен в своих словах о дружбе с Фролом, но это еще больше бесило его. Утренняя стычка не выходила из головы. Он понимал, что лучше сейчас ему не быть у них в палатке.

Варфоломей довез его до казарм блатных, высадил у блокпоста, где стояла охрана Себастьяна.

Кай пришел как раз к обеду. Появившись в гостиной в полном обмундировании, с платком на шее, он выглядел, словно герой боевика.

Не замечая восхищенных взглядов, он поздоровался со всеми и сел за стол на освобожденное для него место.

— Что, пострелять ездил? — спросил Шер, оглядывая его боевой вид.

— Да, было дело. Из кишлака духов гнали. По дороге япошек освободили — их машины бандиты обстреливали, а здесь мы на трех БТРах. Машины бандитов смели в обрыв БТРами, остальных достреляли. Ну, а потом погнали духов из кишлака в горы. В общем, было весело, — грустно сказал Кай, распутывая платок на шее и расстегивая верхние пуговицы камуфляжа.

— Поешь, — один из ребят поставил перед Каем тарелку с едой.

Кай, как обычно, на автомате взял вилку и начал ковыряться ей в тарелке.

— Что там у вас с Фролом произошло? Руки распускает? — Себастьян пристально смотрел на Кая.

— Ничего серьезного, просто выпили немного лишнего, бывает.

— У Фрола теперь это часто "бывает", — зло сказал Шер. — Пора ему кое-что объяснить.

Кай отложил вилку и посмотрел на Шера — ему не понравился тон, которым Шер это произнес. Это была не угроза Фролу — это было принятое решение по отношению к нему.

— Что вы решили? — Кай вышел из-за стола.

— Что ты так за него волнуешься? Он все время докапывался до тебя, сегодня вообще драться полез и с нами вел себя неуважительно — мы не забыли его высказываний, — Шер говорил зло, в нем нарастала ярость с каждым словом. — Или ты думаешь, мы простили и забыли?

Шер тоже вышел из-за стола и теперь стоял напротив Кая.

— Я уйду, — Кай шагнул к выходу, понимая, что сейчас нужно вернуться к Варфоломею, чтобы их предупредить о решении блатных. Хотя его решение и не было озвучено вслух, все и так было понятно. Фрола они не оставят!

Шер и трое его подручных преградили ему дорогу.

— Хочешь предупредить? Или помешать нам? — Шер цинично улыбался, смотря на Кая.

— Пропусти.

— А то что? — в голосе Шера слышалась усмешка. Перевес в силах явно не в пользу Кая.

Кай шагнул вперед, и ему на встречу двинулись трое ребят, которых он несколькими точными движениями раскидал по углам. Шер отлетел последним. Но от двери Кая отделяла целая гостиная.

Все находящиеся в ней встали и замерли, готовясь вступить с ним в схватку.

В руке у Кая блеснул пистолет.

— Не двигаться. Я уйду.

— Я прошу тебя остаться, — Себастьян встал из-за стола, где сидел все это время, молча наблюдая за происходящим. Он стал медленно приближаться к Каю.

Кай с пистолетом в руке начал отступать к стене.

— Ты выстрелишь? — спокойно спросил Себастьян, глядя ему в глаза.

— Разрешите мне уйти, пожалуйста!

— Ты выстрелишь?! — Себастьян продолжал приближаться.

— В тебя — никогда, — тихо сказал Кай, чувствуя, что спиной уже уперся в стену — отступать было некуда.

Себастьян вплотную приблизился к нему, медленно поднял руку и взял из его руки пистолет. Затем защелкнул на руке Кая браслет наручника.

— Дай вторую руку, — сказал Себастьян.

Кай чувствовал, как напряжение последних минут уходит. Силы его покидали. Он безвольно стоял и смотрел на Себастьяна.

Себастьян сам взял его вторую руку и защелкнул наручник, а после резко отвернулся и, возвращаясь на свое место, сказал:

— Отведите его в камеру. Только общите сначала.

— Себастьян, послушай, я прошу, оставь Фрола! — недавно раскиданные им братки теперь грубо обшаривали его карманы. Вытащили оружие, нож и мобильник, положили на стол перед Себастьяном, потом подхватили Кая под руки и потащили к выходу из гостиной.

— Наручники с него не снимайте, — сухо сказал Себастьян, смотря в другую сторону.

— Выслушай меня! Фрол... оставьте Фрола, мы с ним вместе на войне... он боевой товарищ, мы столько сражались вместе! Себастьян! — запинаясь, говорил Кай.

Его вытолкнули за дверь и потащили по коридору в сторону, где располагались камеры.

— А он хорош! Трех моих и меня, как кегли, раскидал! Я и не ожидал, — Шер даже не обиделся такому поступку Кая. — А ты был уверен, что он не выстрелит в тебя? — спросил он Себастьяна.

— Да, уверен. Это единственный человек на земле, в котором я уверен, — задумчиво произнес Себастьян.

— Он тебе не простит это, — сказал Иртыш, наблюдавший всю картину, но не считавший нужным вмешиваться. — Ты сейчас потеряешь друга из-за какой-то мрази Фрола.

— Мы живем по своим понятиям, Фрол их нарушил — следовательно, ему нужно преподать урок, — в голосе Себастьяна слышались нотки сомнения.

— Кай не простит тебе. Ты хочешь тронуть его боевого товарища — это перебор! Что ему делать? Ты ставишь его между выбором: ты или этот. Глупо! Не нужно этого делать, не ставь его перед таким выбором. Он давно его сделал — ты его друг! Он за тебя сам готов пулю словить, — Иртыш говорил спокойным, рассудительным голосом. — Я, можно сказать, жизнь уже прожил, а вот такого друга не встретил, — с грустью произнес он.

Себастьян отвернулся, достал сигареты, закурил. На душе у него было мутно. Он понимал, что Иртыш прав. Но что ему оставалось делать? Он сейчас между двух огней — Кай и его дружба и братва и их принципы.

— Ну что, когда идем мочить Фрола? — Шеру не терпелось — он любил издеваться над людьми.

— Когда скажу, тогда и пойдете, — жестким голосом сказал Себастьян. — Пусть твои следят за ним.

— Понял.

Шер позвал своих в сторону, чтобы распределить роли в слежке за Фролом.

***

Кая затолкали в камеру.

Камеры были оборудованы в отдельном корпусе. Они всегда востребованы. Здесь содержались те, кого «перевоспитывали». Небольшая комната с решеткой на маленьком окне, в углу — кровать, сбоку — параша — вот и все удобства.

Его втолкнули внутрь, дверь со скрежетом закрылась.

Он подошел к окну, но оно было достаточно высоко — не заглянуть.

Почувствовав, что усталость наваливается на него, Кай сполз по стене и сел на пол. Посмотрел на свои руки, скованные наручниками. Как же он ненавидит её, беспомощность, полную беспомощность!

Рой мыслей не давал покоя:

«Все стало очень сложно!

Фрол! Нет, я не обижаюсь на него. Ну, ударил — пустяк! Мы столько воевали вместе, да я за него любого порву. Конечно, на него находит это — желание придраться ко мне; возможно, он даже меня ненавидит, впрочем, не он один».

Он знал, его многие ненавидят за то, что начальство относится к нему по-другому, не так, как ко всем.

«Но если бы они знали! Если бы только знали, почему я здесь! И почему ко мне такое отношение».

Быть здесь — это его проклятие, его участь, его приговор, его пожизненный срок. А избавление — это смерть! И если бы не его вера, он сделал бы шаг и прервал этот замкнутый круг. Но он не может. Это его крест, и он должен его нести до конца.

«Как тяжело, как больно, когда люди все воспринимают настолько плоско и однобоко, считая меня привилегированным и ненавидя за это. У меня здесь даже друзей-то и нет. Я один, совсем один все эти годы. А это так тяжело — быть одному!»

Кай вспомнил о Себастьяне. Конечно, Себастьян его друг. Но он не военный, он заключенный, отбывающий здесь свой срок в штрафбате. Правда, из штрафбата он сделал государство в государстве, а себя поставил руководить всеми — ну и молодец, честь ему и хвала.

«Себастьян молодец. Навел порядок. Жестко, конечно, но по-другому здесь нельзя. Люди только тогда подчиняются беспрекословно, когда боятся своего руководителя, зная, что за неподчинение им грозит смерть».

Да, Себастьян — мой друг. Хорошо, что я могу к нему приехать и вот так отдохнуть, хотя сегодня отдых явно не удался.

Я понимаю Себастьяна, почему он здесь меня закрыл. Даже не обижаюсь на него».

Себастьяну тяжело сохранять власть здесь, среди людей, которым терять давно нечего. Это штрафбат, и их отправляют на передовую, когда знают, что шансов выжить нет. Что может подчинить этих людей? Только жестокий лидер!

«Сейчас Себастьян не может по-другому поступить со мной, иначе его власть пошатнется».

Я тоже прибегнул к единственному способу — воспользовался пистолетом. Но Себастьян знал, что я никогда в него не выстрелю. Я лучше в себя выстрелю!» — Кай улыбнулся, вспоминая их первую встречу. Это было давно. Столько лет прошло, но их по-прежнему многое связывает. Они многое пережили вместе. У него сейчас к нему даже обиды нет за то, что посадил его здесь в наручниках.

Потом он вспомнил о Фроле.

«Варфоломей и ребята... Что теперь будет?! Я не предотвратил это и не смог предупредить!

Как все запутано. Я должен был что-то сделать. Но что? Как теперь спасти Фрола»?!

Кай откинул голову и прижался затылком к стене, закрыл глаза. От вихря мыслей и своей беспомощности в неотвратимости происходящего накатило чувство слабости в теле. Он просто сидел у стены и ждал.

В памяти всплыли пронзительно серые глаза, так странно смотрящие на него. Он вспомнил этого странного японца: черные прямые волосы, идеальный порядок которых нарушил легкий ветерок, боевые мечи на поясе, развевающиеся полы кимоно...

Скрежет железной двери прервал его воспоминания. Внутри вошел человек, и дверь за ним закрылась.

Себастьян увидел сидящего у стены Кая с бледным лицом и закрытыми глазами.

— Тебе нехорошо? — с беспокойством в голосе спросил Себастьян, склоняясь над ним.

— Зачем пришел? — Кай зло посмотрел на него.

Наткнувшись на его взгляд, Себастьян отступил на шаг назад, затем сел на кровать.

Повисла тишина. Никто не начинал говорить первым.

— Сними, пожалуйста, наручники — рукам больно, — Кай посмотрел на Себастьяна. — Пожалуйста. Не убегу, обещаю. Ненавижу, когда наручники надевают: сразу плохие воспоминания накатывают, — Кай уже не злился, руки действительно болели, но главное — это отвратительное чувство беспомощности.

Себастьян услышал в словах Кая мольбу о помощи. Он не мог, не хотел мучить его. Ни физически, ни душевно.

Он опустился на одно колено перед ним и аккуратно расстегнул наручники.

— Тебе закурить дать? — спросил Себастьян и, не дожидаясь ответа Кая, раскурил сигарету и дал ему. Закурил вторую для себя. Потом вернулся обратно на кровать.

Опять повисла тишина.

— Я не могу так поступать с тобой, не хочу. Никто не тронет Фрола. Пока. Если он не нарвется на что-то более серьезное — тогда я ничего уже обещать тебе не смогу.

Кай смотрел в глаза Себастьяну, когда тот говорил. Он чувствовал искренность его слов. Именно поэтому между ними и установились дружеские отношения. Ведь он знал, что под маской жестокости и властности Себастьян скрывает свою душу, которая не зачерствела в этой войне.

Себастьян подошел к Каю и протянул руку, чтобы помочь встать.

Кай обхватил его ладонь своей. Встал. Они обменялись рукопожатиями.

— Пойдем, ты свободен. Останешься сегодня у нас?

— Нет, я поеду. Сейчас мое присутствие здесь нежелательно: это взбесит Шера.

— Я провожу тебя до машины.

Молча выйдя на улицу, где уже стемнело, они закурили еще раз. Разговорились. Говорили обо всем подряд, как всегда.

Так бы и болтали дальше, но нужно было ехать.

Себастьян сказал своим, чтобы довезли Кая, куда он скажет. Еще раз обменявшись рукопожатиями, Кай сел в машину.

Вернувшись в гостиную, Себастьян наткнулся на горящий негодованием взгляд Шера.

— Ты его отпустил?! — прохрипел он. — Что, на сегодня все отменяется?! Что-то я не понял, что здесь происходит. Какая то параша: Фрол нас опускает, а мы все терпим!

Себастьян резко схватил Шера за ворот одежды.

— А теперь слушай меня! Я не хочу из-за куска го**а потерять Кая. Он единственный, кто нас поддерживает, кто нам помогает. Или вы все это забыли? Когда вас на передовую бросают, кто вас там прикрывает, кто не дает, чтобы вас как пушечное мясо использовали? Кто с вами в окопах сидит? Кай! Кто здесь перед начальством вас отмазывает, все для нас делает? Фрол стоит того, чтобы навсегда потерять расположение Кая? Стоит?! Нет! Мы с Фролом разберемся. Но так, чтобы Кай на нас обиды не затаил. Не время сейчас Фрола трогать. Не время...

Себастьян оттолкнул от себя Шера. Грозно обвел всех взглядом.

— Все всё поняли?! — в такие минуты он был страшен. Это был лидер, вождь, расчетливый политик, умный руководитель. Он знал, что нужно сказать своим подчиненным, чтобы его власть не только не пошатнулась, а, наоборот, укрепилась.

Все молча склонили головы.

Власть Себастьяна была непоколебима над всеми ними.

Иртыш довольно улыбнулся. Хороший у него ученик, хоть и молод еще, но таким можно гордиться!

***

Кай попросил довезти его до квартиры. Уже на подъезде к ней дорогу им резко преградил другой УАЗик, из которого выпрыгнул офицер и подбежал к их машине.

— Почему телефон не работает? Тебя уже все обыскались! Там духи оборону прорвали, где японцы стоят. Они помощи просят. Выезд через двадцать минут. В штаб пулей, там все! — прокричав это, офицер прыгнул в свою машину и уехал, видно, еще кого-то искать.

— Ну что, тебя в штаб везти? — спросил браток, сидящий справа от водителя.

— Да, в штаб.

— А ты спишь когда-нибудь? — почти заботливо спросил он.

— Там до огневой точки ехать прилично, вот и посплю.

— В БТРе-то? — Немного помолчав, ответил он. — Ты телефон у нас забыл. Привезти?

— Пусть у вас полежит, а то последний пулей прошило, фотки классные на комп не успел перебросить. Жалко было.

Ребята на переднем сидении переглянулись. Кай говорил это спокойно, без геройства, обыденно. Это была его повседневная жизнь.

Машина остановилась около штаба. Кай попрощался с ними и пошел внутрь.

В штабе было много народу. Полковник планировал масштабную акцию, поэтому вызвал основной офицерский состав.

Каю сразу уступили место за столом, дали сводки и данные о происходящем. Ввели в курс дела.

Суть его такова. Лагерь Такеру был разбит рядом с кишлаком в низине ущелья.

При словах о Такеру Кай сразу вспомнил этого высокого японца и их встречу на дороге. Значит, ему второй раз его спасать придется?

К ним должно было прийти подкрепление, но оно задержалось. Одно из бандформирований спустилось с гор в ущелье и напало на их лагерь. Самая ближайшая подмога — только их бригада.

Руководство сверху рвет и мечет, так как в сложившейся политической ситуации нужно оказать помощь союзнику. Ведь так долго все шли к подписанию договора о совместных действиях. Наконец-то русские и японцы объединились. И эта помощь укрепит их дружеские отношения.

Распланировав действия, они пошли к выходу, где их ждали БТРы.

Поспать в дороге особо не удалось. Постоянно работала рация, передавали последние данные меняющейся картины боя, да и трясло так, что все тело болело, как будто его били палками.

До японцев ехали всю ночь, и только к утру их бригада оказалась на месте.

Первую часть задания они выполнили достаточно легко. Под напором БТР и идущей сзади пехоты духи отступили в горы, но не все — часть из них осталась в кишлаке. Пришлось оставить БТРы и пойти прочесывать кишлак. И русские, и японцы — все ринулись в бой.

Кишлак оказался достаточно большой. Духи были везде. Хаотичная стрельба слышалась отовсюду.

Прочесывая улочку за улочкой, Кай заметил дерущегося японского воина; он узнал его — это был Тоями. Почему-то он был один, без своей свиты. С мечами на него наседали пять духов. Тоями удавалось держать их на расстоянии, отбиваясь своим мечом.

Кай, оценив расстановку противников, хотел снять двоих из автомата, но понял, что кончились патроны. Не медля ни секунды, он бросился к одному из духов, всадил в него нож, одновременно выхватывая у него меч из руки. И в следующем прыжке оказался спиной к спине с Тоями. Тот резко обернулся, его глаза расширились.

— Вот, проходил мимо, увидел, как ты здесь веселишься, решил присоединиться. Не против? — говорил Кай на японском, одновременно отражая удары двух духов.

— Я рад тебя видеть, — ответил тот, тоже отражая удары своим мечом.

Быстро прикончив нападавших, Кай и Тоями стали продвигаться по улочкам кишлака. Им удивительно быстро удалось работать вместе — один прикрывал, другой стрелял или рубил, и наоборот. Они сразу стали понимать друг друга с полуслова. Четыре пары глаз намного лучше двух. А смелости им обоим было не занимать.

В очередной раз расправившись с пятью противниками, они присели за стеной, чтобы перезарядить оружие и перевести дыхание.

— Давай покурим, — сказал Кай, доставая сигареты и одновременно перезаряжая автомат.

Тоями взял у него сигарету, прикурил и вернул Каю.

Кай жадно затянулся. Его лицо было перемазано кровью, грязью и копотью от взрывов. Но это не портило его. Утонченные черты лица приковывали взгляд Тоями. Возможно, он дольше, чем позволяли приличия, задержал на нем свой взгляд.

— Ну что, продолжим веселье? — задорно сказал Кай и подмигнул, затем выкатился из укрытия, снял автоматной очередью с крыши двух духов. Их тень он заметил несколько секунд назад.

Тоями не заметил противника, в отличие от Кая. Он вдруг осознал, что их бы здесь накрыло автоматной очередью, если бы не Кай.

— Тоями, на счет три, справа, — услышал он и понял, что справа противник. Дождавшись сигнала, выскочил и поймал духа на острие своего меча — тот вошел аж по рукоятку.

Так с боем и продвигались они по кишлаку, пока стрельба не затихла. Противник был уничтожен.

Наконец, они дошли до места сбора всех частей.

— Господин Такеру, мы вас искали, — к Тоями бежали его подчиненные.

— С вами все в порядке? — спросил Изоа, оглядывая его с ног до головы.

— Изоа, Кай спас меня от смерти. С ним сегодня я сражался плечом к плечу.

Изоа почтительно склонился перед Каем.

— Ты меня тоже спасал, что теперь считаться-то. Нормально сработали.

— Пить хотите? — Изоа протянул Тоями флягу.

Он взял флягу и первым делом дал ее Каю.

— Очень вовремя, — Кай стал жадно пить, потом вытер рукавом губы и протянул флягу Тоями, который тоже поднес ее к губам, смотря в глаза Кая.

— Представляешь, сигареты потерял, — как бы не замечая этого пристального взгляда на себе, сказал Кай, шаря по карманам.

Тоями взял сигареты у Изоа и протянул их Каю.

— Ты будешь курить? — спросил Кай у Тоями. Тот отрицательно покачал головой, — тогда я заберу у тебя все, мне еще до гарнизона тащиться, а курить нечего.

— Кай, ну где ты, тебя все обыскались, пора ехать! — высунувшись из подъезжающего БТРа, прокричал Перец.

Кай по привычке протянул руку Тоями, хотя у японцев это было не принято. Они обменялись рукопожатиями, на долю секунды Тоями задержал его руку в своей.

Странное тепло от его ладони приятно согревало кожу.

Затем, поняв, что его рука свободна, Кай, поклонившись на японский манер, попрощался с остальными и лихо запрыгнул на проезжающий БТР.

Тоями проводил его взглядом.

Он был поражен им. Так сражаться! Мечом он владеет намного лучше него — это бесспорно. И жизнь он ему сегодня спас. Сражается жестоко, без доли колебания рубит врага. Жестокость? Нет, это дух воина. А техника рукопашного боя! Часть приемов он знал, но остальные? Интересно, сколькими восточными единоборствами он владеет? Кай не перестает его удивлять...

Удивлять?! Его никто давно уже ничем не удивляет. Опять эта мысль не давала ему покоя. Удивить его? Да, это поразительно. А еще он хочет его видеть. Странное желание для человека вроде Тоями.

Он и сейчас чувствовал тепло его ладони, такие тонкие пальцы, как у музыканта. Это прикосновение. Почему оно так четко отпечаталось в его памяти? Откуда в нем это желание прикоснуться к нему еще раз?

***

Вернувшись к себе в штаб и разобравшись с текущими делами, Тоями позволил себе пойти пообедать.

Как хорошо, что в офицерской столовой был Коджи.

Они обменялись поклонами. Коджи, хоть уже и пообедал, решил задержаться за столом, составить компанию своему другу.

— Ты странно выглядишь, — Коджи заметил перемены в друге, — глаза блестят, ожил прямо! Говорят, вас сегодня русские спасли. Они тебя впечатлили?

— Да, они спасли нас.

— Ты мне явно что-то не договариваешь.

Коджи был старше Тоями лет на пять, но во многом искушеннее его и опытнее. И сейчас от него не ускользнуло странное состояние его друга.

— Я уже второй раз встречаю русского юношу. Ты, наверное, о нем тоже слышал. Его зовут Кай. Он помог в первый раз, когда на мою машину напали на горной дороге, и сегодня помог во второй раз. Если бы не он, я бы с тобой сейчас здесь не сидел.

— Я слышал о Кае, но никогда его не видел. Ты говоришь, он молод?

— Да, очень. Меня это тоже поразило. О нем столько легенд ходит, слухов о его подвигах. Я и не предполагал, что он так выглядит.

— Как выглядит? — Коджи стал о чем-то догадываться

— Он красив! Мне даже больше нечего добавить... Он не похож на русского, хотя я не знаю, как должны выглядеть русские. Такой утонченный профиль, благородные черты лица, знаешь, как у европейских монархов, может, он царской крови? — Тоями улыбнулся. — Больше всего меня поразили его глаза — огромные, искрящиеся, зеленые, я даже не могу их описать толком. Их надо видеть. Кстати, он невысокого роста и худенький... хрупкий... талия такая тонкая, — Тоями прикрыл глаза, еще раз вспоминая его образ.

Коджи откинулся на спинку стула и тихо засмеялся.

— Друг мой, ты влюбился!

— Не говори глупостей!

— Я-то тебя хорошо знаю, слишком хорошо, — Коджи положил свою руку на руку Тоями, — ведь это я тебе открыл мир любви, разве ты этого не помнишь?

Тоями медленно вынул свою руку из-под руки Коджи.

— Это было давно, не стоит сейчас об этом вспоминать, — в голосе его чувствовался холод, по тону его ответа было понятно, что ему не очень приятно это воспоминание.

— Как хочешь, — Коджи пристально посмотрел в глаза Тоями, но, видя в них лишь холодный блеск, решил не поднимать больше тему их давних отношений. — Так что там с Каем? Чем все закончилось?

— Бой закончился, он поехал к себе.

— И все?

— А что могло быть еще?

— Но ты ведь хочешь еще раз его увидеть?

— Да!

Глава 3

Братки Себастьяна, высадив Кая у штаба, как приказал Себастьян, пришли к нему на отчет.

— Кая доставили в штаб. У него сегодня очередная ночь развлечений: на японский лагерь напали духи. Нужно японцев спасти и духов в горы отжать. Вот все, что мы знаем.

— Он телефон забыл, отвезете ему, — выслушав их, сказал Себастьян.

— Нет, он сказал, что прошлый телефон пулей задело. Не хочет этот брать с собой.

Себастьян нахмурился. Поблагодарил ребят.

«Теперь остается только надеяться, что с ним все будет в порядке», — подумал он о Кае.

Он всегда переживал за него, хотя никогда не показывал вида. Здесь чувства нужно скрывать. Жестокая жизнь блатных пацанов диктовала свои правила. Каждый, кто распускал нюни, попадал под клеймо «петуха» и опускался. Таковы законы зоны. Он сам их установил.

Отвернувшись, Себастьян поцеловал крест на груди, мысленно прося защиты для Кая.

***

К вечеру следующего дня в гарнизон вернулись БТРы и машины с пехотой.

Кай помнил о своем телефоне, поэтому после доклада в штабе и подробного разбора полетов утреннего боя он решил заехать к Себастьяну, чтобы забрать телефон.

Но разбор полетов шел долго.

Кай молча присутствовал при этом, понимая, что это его участь. Он не может отсюда уйти. Нужно дожидаться разрешения полковника.

Наконец, всех отпустили.

— Ты куда сейчас? — Варфоломей догнал Кая на лестнице.

— Я у Себастьяна забыл телефон, поеду заберу.

— Я довезу тебя.

Кай понял, что спорить бесполезно. Варфоломей не отступит: он беспокоится за него и не хочет отпускать одного.

Подъехав к казарме блатных, Кай пошел внутрь, а Варфоломей остался его ждать в машине: его присутствие там никого бы не обрадовало.

— И снова здравствуйте, — сказал Кай, входя в гостиную. Лицо и одежда его были перепачканы копотью и кровью.

— Я за мобильником.

— Как все прошло? — заметив внешний вид Кая, спросил Себастьян.

— Да как всегда. Мочилово. Они в кишлаке засели. Несколько часов их оттуда вычищали. Улочки узкие, еще мирное население везде. Особо не постреляешь. Приходилось на мечях рубиться. Хорошо, что уже светать начало: хоть что-то видно. Короче, кишлак зачистили, а кто не успел, тот опоздал...

— Тебе опять на задание, или есть время на отдых? — спросил Себастьян.

— Все, пока отдых, сколько уже можно...

— Останься у нас, тебе поспать нужно. Ты уже вторые сутки без сна, — Себастьян подошел и, обняв за плечи Кая, стал придвигать его к столу. — Давай выпьем!

В руке у Кая оказалась рюмка с коньяком.

— Пей! — Себастьян чокнулся с ним, но сам не стал пить. Пристально посмотрел на Кая.

— Там меня Варфоломей в машине ждет, — Кай залпом выпил коньяк.

— Я сам схожу и все ему объясню. Тебе нужно отдохнуть от такого ритма жизни.

Рюмка Кая опять наполнилась.

— Пей, — сказал Себастьян.

Коньяк приятно растекся по жилам. Напряжение и усталость, которые сдерживал Кай, выплеснулись наружу. Эти дни он жил в каком-то безумном ритме. И вот теперь пришла расслабленность.

Себастьян помог руке Кая донести рюмку до губ. Кай выпил еще.

Рюмка опять наполнилась.

— Пей.

Кай видел взгляд Себастьяна — такой внимательный, заботливый. Это его тронуло.

Он чувствовал, что его уже шатает и земля плывет из-под ног, только рука Себастьяна на плече оставляла его в вертикальном положении.

Он выпил еще. Ушло напряжение последних суток; бой, стрельба — все забывалось; оставалось только чувство приятной легкости и расслабленности.

После третьей рюмки Кай стал медленно обмякать, оседать. Себастьян крепче обхватил его за плечи. Ребята рядом помогли. Поймали на руки.

— Отнесите в комнату этого героя. Охрану на двери поставьте, — Себастьян смотрел, как ребята бережно подняли и понесли Кая.

— Он, наверное, действительно очень устал. Ты правильно сделал, что напоил его. Немного коньяка — и все, его вырубило, — сказал Иртыш, наблюдая за действиями Себастьяна.

— Пойду с Варфоломеем поговорю, чтобы не беспокоился.

Себастьян пошел к выходу.

У ворот стоял УАЗик, рядом с ним ходил Варфоломей и нервно курил.

— Здравствуй, — сказал Себастьян и протянул руку.

Варфоломей смерил его взглядом, потом тоже протянул руку.

— Где Кай? — настороженно спросил Варфоломей.

— Я знаю, ты о нем заботишься, но поверь мне, сегодня он будет у меня в безопасности. — Себастьян посмотрел в глаза Варфоломею.

Такой прямой, честный взгляд. Себастьян не мог причинить вред Каю.

— Хорошо, я тебе верю.

Варфоломей протянул руку, они еще раз обменялись рукопожатиями. Затем он сел в УАЗик и уехал.

«Нужно проверить Кая», — вспомнил Себастьян, возвращаясь внутрь. Как там его ребята донесли: три рюмки, и его просто вырубил. Иногда Себастьян думал, что Кай железный. Но нет, он ошибался: Кай обычный, просто держится хорошо. А сейчас выпил коньяка, и лихая бравада сошла с него. Хорошо, он его придерживал, иначе упал бы.

Он зашел в комнату, куда принесли Кая.

Тот лежал на кровати. Себастьян чуть наклонился к нему — спит.

Выключил лампу на тумбочке и вышел. Обернулся к охране.

— Чтобы глаз не сомкнули на посту! — строго приказал он.

Хоть это и было его «царство», но он никому не доверял. Никогда и никому. Поэтому охрану на комнату Кая он выставял всегда, так же, как и на свою комнату.

***

Кай очнулся ото сна. Был день. Он лежал на кровати во всей униформе и чувствовал себя отдохнувшим. Коньяк дает такой прекрасный результат, что Кай полностью восстановил свои физические и душевные силы.

В гостиной, куда он зашел, сейчас было не многолюдно. За столом сидели Себастьян и Иртыш.

— Ты как? — спросил Себастьян, внимательно глядя на Кая.

— Хорошо.

— Принесите Каю поесть, — распорядился Себастьян.

— Только не это! Я потом поем. Можно воды? — Кай пытался найти способы отвертеться от кормления.

— Я прошу тебя: поешь, — строго сказал Себастьян.

Кай взял вилку, поковырялся в тарелке, положил еду в рот. Видя пристальный взгляд Себастьяна, повторил это еще раз. Ему пришлось заставлять себя есть, понимая, что это важно для его друга.

— Я уже сыт, — Кай отложил вилку. — Ну, пожалуйста, не заставляй меня есть больше! Я не могу столько есть! — Кай со страдальческим лицом согнулся над тарелкой.

— Вот уж не думал, что еда может доставлять столько мук, — веселым голосом сказал Иртыш, наблюдая муки Кая над тарелкой еды. Потом, помрачнев, добавил: — ты так и не чувствуешь

вкуса еды?

— Нет, но я уже привык, — обреченно ответил Кай, смотря на еду, вкуса которой он давно не ощущал.

— Может, выпьем? — предложил Себастьян им троим.

Кай воспринял это как разрешение покинуть стол с едой и переместился в кресло напротив Иртыша. В другое кресло сел Себастьян.

Это было прекрасное время. Кай наслаждался обществом друзей. Они отдыхали, пили коньяк, разговаривали. Ему было хорошо с ними.

Вечерело. Все окна были открыты. В воздухе почувствовалась прохлада, зной дня уходил. Застрекотал кузнечик.

— Спой что-нибудь, пожалуйста, ты так хорошо поешь, — попросил Иртыш. Было странно услышать от него такую просьбу. Он вообще никогда ничего не просил. И тем более не выказывал свое отношение к творчеству Кая.

— Что ты хочешь, чтобы я спел?

— Что-нибудь для души, — задумчиво произнес Иртыш.

Каю принесли гитару.

Услышав, что Кай будет петь, народ начал собираться вокруг них.

«Что-нибудь для души», — подумал Кай. Внутри больно защемило.

«Но вот, стоило о душе подумать, так сразу накрывает».

Воспоминания — как он хотел, чтобы они не приходили! Зачем?! Ведь шансов вернуться туда у него практически нет!

Он вспомнил осенний лес, свежесть утреннего воздуха, тронутого первыми заморозками. Шорох опавших листьев под ногами, блеск инея на траве. Синеву неба и легкое дуновение ветра, срывающего листки с веток.

Осень.

Ему нравилась осень, ее начало. Это незаметное увядание красок лета, приглушенные тона, свежесть воздуха. Первый легкий налет снега, тающего под лучами еще сохранившего тепло солнца.

Как давно он этого не видел, как давно...

«Проход — друг мой! Ты обещал, что вытащишь меня отсюда! Пожалуйста! Сдержи свое обещание. Я буду ждать! Я долго ждал — но это неважно. Я буду ждать сколько нужно. Главное знать, что ты сдержишь свое слово. Только это дает силы жить!»

Кай нежно перебрал струны гитары и запел:

В плавнях шорох, и легавая застыла чутко.

Ай да выстрел! Только повезло опять не мне.
Вечереет. И над озером летают утки.
Разжирели. Утка осенью в большой цене.
Снова осень закружила карусель мелодий.
Поохочусь, с ветерком по нотам прокачусь.
И сыграю... Если я ещё на что-то годен,
И спою вам... Если я на что-нибудь сгожусь.
Я помню, давно, учили меня отец мой и мать:
Лечить — так лечить! Любить — так любить!
Гулять — так гулять! Стрелять — так стрелять!
Но утки уже летят высоко...
Летать — так летать! Я им помашу рукой.
Не жалею, что живу я часто как придётся...
Только знаю, что когда-нибудь, в один из дней,
Всё вернётся, обязательно опять вернётся —
И погода, и надежды, и тепло друзей.
Так поскучаем, чтобы радостней была минута
Нашей встречи, а она уже не за горой.
Вновь весной из полёта возвратятся утки,
Стосковавшись по озёрам с голубой водой...
Я помню, давно, учили меня отец мой и мать:
Лечить — так лечить! Любить — так любить!
Гулять — так гулять! Стрелять — так стрелять!
Но утки уже летят высоко...
Летать — так летать! Я им помашу рукой.
Как весной за лисой гонялся быстрый кречет,
Так и ныне он свою добычу сторожит.
Не прощайтесь, говорю я вам: до скорой встречи,

Все вернется, а вернется — значит будем жить.

Не прощайтесь, говорю я вам: до скорой встречи,

Все вернется, а вернется — значит будем жить.

Я помню, давно, учили меня отец мой и мать:

Лечить — так лечить! Любить — так любить!

Гулять — так гулять! Стрелять — так стрелять!

Но утки уже летят высоко...

Летать — так летать! Я им помашу рукой.

Летать — так летать! Я им помашу рукой

Летать — так летать! Я им помашу рукой.

Аккорды гитары растворились в тишине. Каждый думал о своем: о том, что им было дорого, о том, что было спрятано глубоко в душе. О том, о чем было так больно думать и вспоминать здесь, на обожженной солнцем земле, политой кровью. Они вспомнили о России.

Тишину нарушил звонок телефона в кармане у Кая. Чувствуя, что он сейчас в центре внимания, он достал трубку. Звонил Шейх. Нужно отвечать.

— Ребят, извините, друг звонит, должен ответить, — Кай встал и, отойдя в сторону, стал отвечать на арабском языке.

— Здравствуй, Аршад. Рад тебя слышать.

— Я очень зол на тебя. Телефон отключен, не перезваниваешь. Я великий Шейх Аршад и такого неуважения к себе не потерплю!

Кай понимал, что это напускной гнев и на самом деле Шейх рад, что до него дозвонился. Хотя с Шейхом он предпочитал не шутить. Уж очень непредсказуем был он и его принципы жизни, которые никто не имел права нарушать.

— Извини. Не хотел тебя обидеть, — Кай хотел разрулить ситуацию. Кто его знает, вдруг Аршад сердится?

— Хочешь моего прощения? Приезжай! Я в отеле Ривьера Плаза.

В трубке раздались гудки.

Кай улыбнулся. Если в Плазе, значит Шейх гуляет и хочет видеть его на «празднике жизни». Может, и злится, но нужно ехать. Там, на месте разберется, насколько Шейх на него зол.

— Мне нужно ехать, — Кай посмотрел на Себастьяна, который ожидал этих слов, наблюдая телефонный разговор Кая. — Шейх хочет видеть меня, он сейчас в Камрате. — Он не хотел это скрывать от Себастьяна. — Давно не виделись. Пока затишье, хочу съездить.

— Бухать с Шейхом поехал. О ваших веселых вечеринках потом легенды ходят, — сказал Шер с завистью в голосе.

— Да, с Шейхом можно нормально оторваться, — подтвердил Кай слова Шера.

— Конечно! Что ты с нами сидишь! Ты-то не заключенный! — Зло произнес Шер.

Кая задела его слова. Но ответить на этот выпад ему было нечем.

— Поезжай, — Себастьян протянул Каю руку.

Иртыш тоже обменялся с ним рукопожатием.

Кай махнул всем рукой, понимая, что сейчас лучше уйти и ничего более не говорить.

— Шер, если еще раз ты заденешь Кая своими словами, я прострелю тебе голову, — очень серьезно сказал Себастьян, после того как Кай вышел за дверь.

Он был взбешен поступком Шера. Но сдержал гнев.

«Не сейчас. Еще не время! Как жаль, что сегодняшний вечер так закончился».

Себастьян был рад, что Кай едет в город. Он на него не обижается. Наоборот. Ведь он мог сразу уехать или быть где угодно — он ведь не заключенный, он свободен. Но, несмотря на это, он с ними. Разделяет их участь.

«Жалко, что Шер этого не понимает и не ценит».

Себастьян обменялся взглядами с Иртышем.

«А вот Иртыш это ценит в Кае».

***

Кай сразу решил ехать на своем джипе.

Заехал в штаб. Он даже не сомневался, что найдет там полковника. Тот никогда рано не уходил. Ведь на нем такая ответственность.

Зайдя к полковнику в кабинет, он попросил разрешение на увольнительную — съездить в город.

Полковник грустно покачал головой и сказал, что если бы даже не разрешил, это ничего бы не изменило: Кай все равно бы уехал. Поэтому он может ехать. Только очень, очень его просит, чтобы информация о его отдыхе не просачивалась в прессу. И вообще вести себя скромнее, не позорить честь мундира. Ведь он офицер!

Смирненно выслушав очередную нотацию, Кай вышел от Петра Ивановича.

Охрана гарнизона уже привыкла быстро открывать ворота при виде летящей машины Кая. Все знали: Кай тормозить не будет — вынесет ворота, что он делал неоднократно.

Они еле успели распахнуть железные створки, как мимо них пронесся джип Кая, из которого слышалась очень громкая музыка, и скрылся из глаз.

Кай всегда ездил быстро, очень быстро.

Он включил в джипе все приборы, которые только существовали для оценки ситуации на дороге. Навигатор, системы спутникового слежения, тепловые датчики отслеживания присутствия людей, поисковики мин и определители скопления металла.

Пока все было спокойно. Можно смело ехать.

Громко играла музыка. Настроение было хорошее. Он рад увидеть Шейха, несмотря на достаточно сложные отношения с ним, все равно рад!

Кай доехал до города всего за три с небольшим часа: на дороге не встретилось ни одного проблемного участка, и скорости он не снижал.

Заехал к себе на квартиру переодеться. Надел дорогой костюм от какого-то известного модельера, белую рубашку, галстук. Постарался пригладить непослушные волосы, еще влажные после душа. Дорогие ботинки, хорошие часы — он с легкостью себе мог такое позволить. Тем более в отель Ривьера Плаза не принято ходить в обычной одежде. Это самая дорогая закрытая гостиница в городе. Здесь останавливались только богатые люди. Поэтому и выглядеть нужно соответствующе.

Пока он одевался, его машину помыли. Смыли с нее пыль дороги. В темноте его джип приятно поблескивал полированными боками, отражая свет уличных фонарей.

В отеле его хорошо знали. Перед ним открыли двери, приветственно улыбаясь.

Провели в зал, где сидел Шейх со своей свитой.

Шейх Аршад и его свита сейчас были в национальных восточных одеждах.

Аршад, развалившись, сидел на диване. Диваны располагались вокруг стола. Все внутреннее убранство гостиницы показывало роскошь этого заведения. Спереди от стола была невысокая сцена, на которой извивались танцовщицы. Негромко звучала музыка.

Справа от Шейха сидел его верный евнух Максуд, по другую руку — начальник охраны и верный друг Гиффар, его «правая рука». Они также развалились на диванах. Остальная свита стояла поодаль, готовая выполнить любую прихоть своего хозяина.

Кай подошел к столу. Встретил взгляд Аршада. Замер, не зная, серьезно ли он на него сердится или шутит.

Шейх сделал грозное лицо, но, видя растерянно-виноватый взгляд Кая, сжалился над ним.

— Ага! Что, напугался гнева моего? — спросил он, вставая из-за стола с распростертыми объятиями.

— Честно — да! Я же знаю — в гневе ты страшен, — серьезно сказал Кай.

Они обнялись, как принято — два раза. Аршад прижал его к себе и задержал объятия чуть дольше, чем требовало обычное приветствие.

— Я очень рад тебя видеть целым и невредимым, — оглядывая Кая, сказал радостно Аршад.

Затем отпустил, показывая рукой, что он может садиться.

— Слышал о твоих последних славных делах. Духов погоняли. Японцев спасли.

— А ты обижаешься, что не звонил. Сам же знаешь, что был занят.

— Если бы я на тебя не наехал, ты бы не примчался, — лукаво сказал Аршад.

— Ну вот, все подстроил, — весело сказал Кай

— Я хотел тебя видеть, не обижайся, — слова Шейха прозвучали искренне.

Кай посмотрел в его глаза.

— Я не обижаюсь. Спасибо. Мне приятно, что ты хочешь меня видеть подле себя.

— Ну все! Лирическая часть закончилась, — вступил в разговор Максуд. — Кай ехал сюда несколько часов. Нужно покормить дорого гостя, да и мы еще не ели. Эй! — он взмахнул рукой.

— Пусть несут на стол.

Официанты засуетились и начали накрывать стол всевозможными яствами.

Аршад и Кай давно не виделись, и им было о чем поговорить за едой. Правда, Кай, как обычно, больше ковырялся в тарелке, чем ел.

Сегодня он пил виски и запивал колой. Он любил так пить виски. Кола смягчала вкус. Не чувствуя вкуса еды, он по-прежнему ощущал вкус напитков. Вот так странно бывает. Доктора так и не смогли ему объяснить это явление. Просто сказали — нервное расстройство.

Шейх и его окружение не пили, как принято по их вере.

Зато потом принесли кальян с травкой, которым они затягивались весь оставшийся вечер.

Их дружеская беседа потекла более плавно, размеренно под сладко-горький вкус дурманящего дыма. Кальян передавался по кругу.

Кай тоже несколько раз затянулся. Почувствовал легкость во всем теле и отсутствие каких либо проблем.

«Вот это самое главное — ни о чем не думать. Просто жить. Так легче».

Мимо них прошел высокий молодой человек, одетый в черный костюм.

— Тоями, — непроизвольно вырвалось у Кая.

Молодой человек обернулся.

Кай понял, что нужно объяснить все всем.

Он перешел с арабского на английский.

— Шейх Аршад, позволь представить тебе Тоями Такеру. Это с ним вместе я сражался вчера плечом к плечу.

Тоями был шокирован: сначала увидеть здесь Кая, а затем в его обществе самого Шейха Аршада!

Он подошел к их столу, учтиво поклонился и выразил свое глубокое уважение к Шейху и его окружению.

Шейх внимательно посмотрел на Кая и Тоями. Затем встал, поприветствовав японского гостя, пригласил его за их стол. Тоями сел напротив Кая.

Тоями объяснил, почему здесь. Оказывается, его высшее командование тоже здесь, так как ведет переговоры с англичанами. Поэтому остановились в этом отеле. Он вернулся после переговоров и решил выпить на ночь. И вот — он застал здесь Кая!

Кай в свою очередь кратко рассказал Шейху их первую и вторую встречи и совместные боевые действия.

— Я очень рад, что у тебя появился боевой товарищ, — искренне сказал Шейх. — Друг моего друга — мой друг!

Шейх сам рассказал Тоями, как давно они знакомы с Каем и сколько их связывает, не вдаваясь в определенные подробности их взаимоотношений.

В процессе разговора Тоями предложили выпить и разделить с ними кальян. От кальяна он категорически отказался, объяснив это неприемлемым для него. Шейх понял и больше не настаивал. Зато он разделил с Каем виски, правда, пил его чистым, без колы, но со льдом и не так много.

Сидя напротив Кая, Тоями впервые видел его в гражданском.

«Модный костюм — как он ему идет! — рубашка, галстук».

Взгляд Тоями скользил по Каю, который расстегнул несколько пуговиц рубашки и ослабил узел галстука.

Тоями залюбовался им.

«Как с картинки дорогого модного журнала... хотя нет, такую аристократическую юношескую красоту я не встречал в глянцевых изданиях».

Кай тоже поразился виду Тоями в гражданском.

«Ему идет этот строгий стиль, ничего лишнего. Хорошо смотрится».

Тоями не позволил себе ослабить галстук. Соблюдал все формальности.

— Может, разбавим нашу мужскую компанию? — Предложил Максуд и взмахнул рукой.

Появились танцовщицы — полуголые красотки в прозрачных одеждах.

Музыка зазвучала громче. Девушки извивались напротив них.

Две подсели к Шейху. Он расслаблено полулежал на диване, выпускал дым из кальяна, разрешая им невинно ласкать себя.

Еще две сели к Каю. Кай затянулся в очередной раз сладким дымом. Перед глазами поплыла картинка происходящего. Почувствовав руки девушек у себя на шее и груди, он откинулся на спинку дивана, не сопротивляясь их ласкам.

Две сели рядом с Тоями и тоже хотели одарить его лаской, но он перехватил руку одной девушки, нежно, но беспрекословно, показав этим, что не хочет большего. Девушки поняли, просто остались сидеть с ним рядом.

Шейх уловил это движение, увидел его и Максуд. А еще они видели горящий взгляд серых глаз, постоянно смотрящих на Кая.

Шейх и Максуд в очередной раз посмотрели друг на друга.

Было уже поздно. Кай понимал, что нужно прекращать курить и пить и пора идти спать. От девушек он явно сегодня ничего не хотел.

— Аршад, разреши, я пойду. С меня на сегодня достаточно веселья.

— Кого-нибудь возьмешь? — спросил Максуд, показывая на девушек.

— Я спать, — сказал Кай, вставая, но покачнулся.

Тоями тут же пришел на помощь: придержал его за талию, но сразу отпустил, как только Кай обрел равновесие.

— Я благодарю за сегодняшний вечер, мне тоже пора идти, — учтиво поклонился Тоями.

Кай двинулся в сторону выхода. Походка его была неуверенна.

— Проводите его в номер, — Шейх рукой подозвал двух своих слуг.

— Я его провожу, не беспокойтесь, — спокойно сказал Тоями и хотел уже идти.

— Возьми ключ от его номера. Он забыл, — Максуд передал ключ от номера, который для Кая заранее снял Шейх, побеспокоившись о его удобстве.

Тоями взял ключ, еще раз поклонился и пошел догонять Кая.

Максуд и Шейх переглянулись еще раз.

— Мне это кажется? — удивленно спросил Шейх.

— Кажется что? — ответил Максуд. — Горящие страстью серые глаза, которые пожирали Кая весь вечер?! — он усмехнулся.

— Мы правильно сделали, что отпустили их вдвоем? — оживленно спросил Шейх, еще не зная, как на это реагировать.

— Сами разберутся. Каю давно не хватало такого человека рядом. Они воины. А дальше договорятся. Вот только Кай не пойдет дальше дружбы с ним.

— Я тоже знаю, что не пойдет. А жаль! Глупо себе отказывать в удовольствии, тем более когда тебя так страстно хотят, — Шейх вздохнул. — Хорошо, кстати, они смотрятся вместе.

Они засмеялись.

Шейх сразу увидел этот блеск в глазах Тоями. Нет, это не блеск похоти. Уж он в этом разбирается. Это большее. Любовь? Возможно...

Для Шейха такие отношения были вполне обыденными. Но он пока не встретил в своей жизни человека, который бы вот так пылко на него смотрел. Или чтобы он так же смотрел на кого-то. Хотя нет, он готов был смотреть так на Кая, но Кай не готов быть с ним, а он не готов взять силой то, что хотел получить по любви. И это был их замкнутый круг.

Аршад это понимал и довольствовался малым, тем малым, что иногда позволял себе прикасаться к нему и быть с ним. Их отношения были невинны и непорочны, как у детей, играющих в любовь.

***

Тоями догнал Кая уже у лифта. В лифт они зашли вместе. Двери закрылись. Кай чуть пошатнулся, когда лифт тронулся, почувствовал опять руку Тоями на своей талии, но не придал этому значения. Подумал, что тот не хочет, чтобы он упал, вот и держит его.

Руку Тоями так и не убрал, пока ехал лифт.

Двери открылись; они вышли вместе в роскошный коридор с мягким ковром. На стенах висели картины в изящных позолоченных рамах, приглушенное освещение создавало приятную атмосферу комфорта. Было уже поздно, безлюдно.

Кай почувствовал, что его прижали к стене. Он непонимающе поднял глаза на Тоями.

Попытался его оттолкнуть. Тоями перехватил его руку.

— Ты что? — спросил он, но затем увидел глаза Тоями напротив своих глаз. Такие пронзительные, серебристые. Тоями смотрел на него, и от этого его мысли начинали путаться. — Тоями,пусти, — Кай уже и не знал, то ли злиться, то ли просить. Взгляд Тоями сбивал его с толку. Он потерялся, не знал что делать.

Еще несколько секунд они стояли так. Потом Тоями отступил от Кая.

— Я к себе, — озадаченно сказал Кай, забыв, что даже не взял ключи от номера.

— Я тебя провожу. Вот твои ключи, — Тоями показал ключи.

Каю было нечего ответить, он пошел за ним к своему номеру, находясь в странном состоянии и не совсем понимая, что происходит.

Подойдя к двери своего номера, Кай развернулся.

— Тоями, спасибо, что проводил. Можно тебя не приглашать в номер?

Тоями сделал шаг к нему; Кай отступил назад, уперся в стену. Опять увидел эти глаза.

«Как странно он смотрит!».

Кай терялся под этим взглядом. Даже заставить себя разозлиться не мог.

— Тоями... — неуверенно сказал он.

— Разрешите, я поцелую тебя, — спокойным голосом сказал Тоями.

Кай моментально протрезвел.

— Я не буду злиться на тебя, мы даже останемся друзьями, но ты сейчас же уйдешь! Будем считать, что мы перебрали лишнего, — сейчас он говорил твердо, с нотками стали в голосе.

— Ты считаешь, что мое желание к тебе возникло под влиянием алкоголя?

— Я не хочу это обсуждать. Мне эта тема неинтересна.

— Почему?

— Для меня неприемлемо то, что ты предлагаешь.

— Я ничего не предлагаю. Это всего лишь поцелуй. Что в этом такого?

— Сделай, пожалуйста, от меня шаг в сторону. Я бы не хотел применять к тебе силу, — глаза Кая недобро сверкнули.

— Ты все привык решать силой?

— Отойди от меня! — сейчас Кай уже не шутил.

Тоями это понял. Вспомнил, как искусно Кай владеет техникой восточных единоборств и решил, что лежать на ковре от подсечки — это не лучшее

завершение сегодняшнего вечера.

Он сделал шаг в сторону и, неотрывно смотря в глаза Каю, сказал:

— Сейчас ты победил, но запомни: я всегда добиваюсь того, чего хочу. Всегда! Я сделаю так, что ты сам — добровольно! — разрешишь поцеловать себя. При всех! Слышишь? Будет по моему! Это я тебе обещаю!

Затем резко развернулся и пошел к лифту: его номер был на другом этаже.

Кай так и остался стоять у двери, прижавшись спиной к стене. Он не ожидал такого! Он даже думать об этом не хотел; у него мозг отказывается думать о всем сейчас произошедшем и тем более это анализировать!

И в довершении всего гневная речь Тоями. Он был просто шокирован. И его угроза. Да, это прозвучало как угроза. Поцелуй при всех. Добровольно!

— Псих! — произнес Кай и пошел к себе в номер. — Спать! Слышишь! Спать и ни о чем не думать!

Примечания: <h2></h2>

Автор песни « Утиная охота» Александр Розенбаум

Глава 4 (1 часть)

Ближе к полудню в номер Кая постучали, он еще спал. Зашел один из слуг Шейха и, склонив голову, сказал, что Шейх хочет его видеть. Нужно было вставать, хотя Кай так любил поспать. Это редкая возможность — спать в мягкой уютной кровати, а не свернувшись калачиком под

солдатским одеялом в казарме или землянке.

Приняв душ, после которого он почувствовал себя намного лучше, Кай пошел одеваться. В задумчивости посмотрел на висящую в гардеробе одежду. По приказу Шейха, Каю всегда предоставляли в номер все необходимое для него. Вот и сейчас на выбор было несколько костюмов от каких-то известных модельеров.

«Аршад всегда очень внимателен ко мне», — приятная мысль.

Кай выбрал темный приталенный костюм модного молодежного фасона и темную рубашку, без галстука, оставив несколько пуговиц сверху незастегнутыми.

От выпитого и выкуренного вчера голова чуть побаливала, поэтому он захватил темные солнцезащитные очки. Сейчас солнечный свет раздражал, вызывая болезненную пульсацию в висках.

Но эта тихая пульсирующая боль была несравнима с той тупой болью, что разрывала его изнутри. Вчера он просто лег и заснул. Это было для него как подарок. Просто заснуть и не позволить себе думать о происходящем.

А сейчас — сейчас его внутренний голос говорил с ним. И то, что он слышал, было намного больнее, чем физическая боль в голове.

Он вспоминал слова Тоями, и было неприятно осознавать, как он его воспринимает.

«Но почему? Где я повел себя неправильно? Почему он решил, что можно ко мне так относиться? Почему?!»

Кай вздохнул, пытаясь унять неприятное ощущение от таких мыслей.

«Как все неожиданно: я встретил на своем пути человека, который мог бы стать моим другом. Мы сражались плечом к плечу. Хотя это и странно, но я ему сразу поверил, ни секунды не сомневаясь в нем. Но, вместо дружбы, он, оказывается, хочет от меня другого!».

Идя по коридору, Кай с презрением посмотрел на свое отражение в огромном зеркале на стене. Оттуда на него смотрел стройный невысокий юноша с зелеными глазами и благородными чертами лица.

«Одиночество — вот твой удел! Смирись. Ты всегда будешь одинок! Тебе или завидуют и ненавидят тебя, или хотят тебя, как пед**а. Он не будет твоим другом — он хочет тебя. Ты нужен ему лишь для удовлетворения его похоти!» — внутренний голос издевался над ним, проникая в сознание и произнося слова, какими называют таких, как он.

Кай остановился, прижался разгоряченным лбом к холодной стене. Ему потребовалось несколько минут, чтобы справиться с бушевавшими внутри эмоциями. Потом он выпрямился и пошел в сторону веранды.

Шейх и его свита обедали на открытой веранде, обвитой диким виноградом, который создавал тень, пропуская через листья лишь лучики солнечного света.

За столом сидели все: Шейх Аршад, Гифар, Максуд и Тоями. Они оживленно обсуждали что-то между собой.

Кай удивился тому, что Тоями пришелся по душе Шейху: тот редко кого к себе допускал. А здесь — просто давние друзья — так непринужденно болтают!

Кай опять вспомнил вчерашнее — слова Тоями, о том, что он хочет от него. Он прогнал эти мысли.

«Не хочу об этом думать! Мы просто вчера напились. Вот всему объяснение! Тоями тоже пил. Хватит корить себя. Я ни в чём не виноват. Глупость все это».

Кай поздоровался со всеми и, не снимая солнцезащитных очков, сел за стол на мягкий диван.

— Воды, пожалуйста, — сказал Кай учтиво склонившемуся официанту.

— Ты как? — обеспокоено спросил Шейх, смотря, как Кай отпивает воду из стакана.

— Спасибо, все нормально. Хорошо вчера посидели, — Кай отпил еще воды и отстраненно стал смотреть в сторону.

— Извините, господа. Мне пора идти, — вставая, сказал Тоями. — Было приятно познакомиться.

Шейх встал из-за стола и дважды обнялся с Тоями, как было принято у него на родине. То же сделали Гифар и Максуд.

Этой трогательной сценой прощания Кай был потрясен.

«Почему они так быстро приняли его к себе? Шейх вообще ни с кем не сближается. Всех держит на расстоянии».

Только Кай за долгие годы заслужил его признание и доверие — и то по определенным причинам. А здесь! Он вчера увидел Тоями, а сегодня они обнимаются, как давние друзья.

«Странно все это», — подумал Кай.

Тоями, попрощавшись со всеми, подошел к Каю.

Кай, внешне оставаясь спокоен, внутренне весь сжался.

Тоями пристально на него посмотрел, затем сказал:

— Я сдержу свое слово, которое дал тебе, — затем поклонился и вышел.

Аршад дождался, когда Тоями скроется за дверью веранды, повернулся к Каю. Он был заинтригован такими словами.

— Можно спросить, что он обещал тебе? — спросил Шейх.

— Ничего... глупость все это... проехали, — Кай пытался сохранить спокойствие, думая об обещании Тоями.

— Ты так ничего и не понял? — взорвался Шейх, более не в силах себя сдерживать.

— Что я должен понять? — раздраженно спросил Кай, понимая, что не хочет услышать ответа.

Шейх пересел к Каю на диван, взял его за плечи, развернул к себе и снял с него солнцезащитные очки.

— Посмотри на меня!

Кай, знал, что против священной особы, которой как раз и является Шейх, не стоит делать резких движений, поэтому спокойно все снес.

— Что я должен понять? — Кай смотрел в жгучие черные глаза Аршада.

— Он полюбил тебя! — Аршад до боли сжал руками плечи Кая.

Кай, понимая, что вчерашний пьяно-обкуренный бред плавно перешел на сегодняшний день, уже хотел вырваться из рук Шейха, но сдержал себя.

— Можешь отпустить меня? — спокойно произнес он.

Шейх пристально посмотрел в глаза Кая. В них была пустота. Он не увидел там любви. Как жаль! Он так хотел, чтобы эта пустота в его глазах ушла. Он все делал для этого. Но, каждый раз заглядывая в глаза Кая, он видел там одиночество и тоску.

— Ты не можешь полюбить его? — Шейх отпустил плечи Кая и сейчас просто смотрел на него.

— Нет, — жестко и безразлично сказал Кай.

— Почему?

— Точно потому же, почему отказал тебе.

Аршад резко толкнул Кая и прижал к спинке дивана. Рукой провел по его щеке, подбородку, шее, затем его пальцы стали медленно прикасаться к пуговицам рубашки Кая.

— Но ты мне кое-что позволял, — горячие дыхание Аршада обжигало его щеку, лицо Шейха было совсем рядом.

— Я был твоим пленником. У меня не было выбора, — Кай чувствовал руку Аршада, она была горячей, пальцы Шейха ласкали его кожу. Тепло его пальцев он чувствовал даже сквозь ткань рубашки. Давно забытые воспоминания появлялись в сознании.

— Неужели твой плен у меня был настолько мучителен? — Аршад продолжал ласкать рукой его шею и шелк рубашки на груди. Он вдыхал тонкий аромат парфюма Кая, круживший голову.

— Нет, я благодарен тебе, что ты понял меня и не пошел на то, что для меня неприемлемо.

Кай не сопротивлялся ласкам Аршада, просто ждал. Ему удалось справиться с эмоциями. И сейчас он был совершенно спокоен.

Пальцы Аршада расстегнули верхние пуговицы его рубашки, в ее вырезе блеснул золотой крест на цепочке. Аршад резко отстранился.

— Это всегда будет стоять между нами?

— Да, — холодным голосом произнес Кай.

Аршад опять приблизился к Каю, провел пальцами по его нервно сжатым красивым губам.

— А Тоями?

— Мы можем больше не говорить о нем? — голос звучал сухо и безразлично.

Аршад убрал руку, вздохнул и, медленно встав, вернулся на свое место.

Кай опять надел солнцезащитные очки, спрятав под ними глаза.

Больше эта неприятная для Кая тема не поднималась. Аршад не хотел портить их встречу, поэтому остаток дня пролетел незаметно, в дружеских разговорах и приятном застолье.

На следующие утро Кай, предупредив Аршада, уехал к Гору.

***

Аршад тоже на другой день выехал из отеля. Направляясь в лимузине к своему самолету, он опять задумался о разговоре с Каем.

— Максуд, скажи, что-нибудь сможет изменить решение Кая?

— Ты о его отношениях с мужчинами? — Максуд сидел напротив него, задумчиво смотря в окно. Услышав вопрос Шейха, он, подумав, ответил: — Нет. И поэтому ты его и уважаешь. Его принципы и взгляды, несмотря на его юный возраст, непоколебимы. У этого юноши железная воля и четкая позиция в жизни. Вспомни, ты ведь пытался его изменить. Столько соблазнов. И что?

— Но я мог взять силой то, что хотел. Он был полностью в моей власти.

— Ты готов сломать его?

— Нет. Не готов. Я люблю его. И поэтому хочу, чтобы он был счастлив, — Аршад помолчал, вспоминая грустные глаза Кая. — Он один, совсем один! Ты видел его глаза? Там печаль и одиночество. Ему нужен друг, тот, кто поймет его душу, согреет теплотой, любовью.

— Он не примет этого от Тоями.

— Тоями не отступит. Я видел блеск его глаз. Он тоже один, давно один. Ему тоже знакомо, что значит одиночество души. Как странно, что они встретились здесь, — Аршад посмотрел на полуразрушенные от взрывов дома, мимо которых они проезжали.

— Мы не знаем, что нас ждет и когда. Будем надеяться, что Тоями хватит терпения сломить эту стену, которую Кай воздвиг вокруг себя.

— Может, он позволит ему просто быть рядом с собой? — с надеждой в голосе спросил Аршад.

Максуд лишь улыбнулся в ответ.

***

Из отеля Тоями забрал Коджи на своей машине. У Коджи были дела в городе, и теперь они вместе возвращались в штаб.

— Рассказывай, что произошло. Я же по тебе вижу, что что-то случилось, — от Коджи не ускользнул странный блеск глаз друга. Он действительно хорошо его знал. Хотя внешне Тоями выглядел, как обычно — был совершенно невозмутим.

— Я встретил Кая.

Коджи резко развернулся к Тоями. Они сидели рядом на заднем сиденье представительского Мерседеса, который вел водитель.

— Не поверишь, в одном отеле в обществе Шейха Аршада. Оказывается, они давние друзья.

— Самого Шейха Аршада! Шейх красавец. Я видел его пару раз на приемах. Жгучие черные глаза, орлиный нос. Высокий, стройный. Молодость и красота — все при нем, — Коджи лукаво прищурился. — Они точно только друзья?

— Да. Я потом говорил с Шейхом, когда Кай еще спал. Аршад намекнул, что будет рад нашим отношениям.

— Ну если сам Шейх на это добро дал, — Коджи рассмеялся.

— Знаешь, что меня поразило в Кая? Он прекрасно говорит на арабском. Я сразу не понял, что это он, хотя услышал знакомый голос, когда проходил мимо их столика. Кстати, я говорил тебе, что у него идеальное японское произношение и прекрасный английский?

— Какой одаренный мальчик! А в какой стадии сейчас ваши отношения?

Тоями помрачнел, достал сигареты.

— Ни в какой.

— Что между вами произошло? Рассказывай. Я же чувствую, что что-то было.

— Ничего не было. Он вчера много выпил. Я проводил его до номера. Хотел поцеловать, вернее, спросил разрешения... — Тоями замолчал, нервно затянулся сигаретой. — Если бы я не отступил, он уложил бы меня парой ударов. Кай прекрасно владеет техникой восточных единоборств.

— Ты меня разочаровываешь. Тебе не кажется, что ты очень торопишь события?

— Тороплю? Мне не семнадцать, и здесь война. Ты что, думал, я за ним бегать буду? Я знаю, чего хочу.

— И чего ты хочешь?

— Ты знаешь, — Тоями выкинул в окно недокуренную сигарету.

— Ты хочешь добиться этого силой? — с сомнением в голосе спросил Коджи.

— Да. И я добьюсь своего. Я не привык отступать. Вчера он был сильнее. Я не был готов к такому решительному отпору. Дерзкий мальчишка, теперь мой ход! Я пообещал, что поцелую его при всех, и он сам мне это позволит.

— И как ты это собираешься осуществить?

Тоями повернулся к Коджи, взял его руку в свою и вкрадчиво спросил:

— Ты ведь мне в этом поможешь?

Глава 4 (2 часть)

Через несколько часов пыльной и тряской дороги Кай доехал до Гора на своем джипе. Перед поездкой он, заехав к себе на квартиру, переделался в свой военный черный френч, брюки такого же цвета были заправлены в удобные высокие черные ботинки со шнуровкой. Ему нравился черный цвет, да и шел он ему, подчеркивая шик и элегантность образа. Его одежда, включая обувь, была дорогой и привозилась на заказ. Несмотря на войну, он не считал нужным отказывать себе в хороших вещах.

На въезде в лабораторию его узнали и сразу же впустили. Спустившись на машине вниз, на подземную парковку, Кай пошел к лифту.

«Скорее всего, Гор в общем зале», — предположил он и направился по коридору туда.

Он не ошибся. Гор вместе со всеми был в основном зале. Они стояли и что-то обсуждали у стола с монитором и кучей бумажных листов, на которых были напечатаны цифры и формулы.

Сколько бы раз он сюда ни возвращался, все равно чувство страха оставалось внутри. Этот страх, страх перед теми, кто был здесь.

Это были не люди, хотя внешне они похожи на людей. Их всегда скрывали длинные черные плащи с капюшонами, затеняющими их лица или что там у них было вместо лиц. Он никогда не видел, как они выглядят. Только глаза, он видел их глаза из-под капюшона. Они были желтого цвета, как у зверей, и светились в темноте, отражая свет. Холодные, безжалостные глаза, в которых не было чувств, эмоций, души.

Они считали себя сверхлюдьми. Убрав из своей жизни все чувства, они стали совершенны. Превосходящий все пределы разумного интеллект, идеальная память, несвойственная людям, сверхспособности, глубокие познания в любых областях науки и весь багаж знаний человечества за все века. Да, они были высшей расой, пришедшей сюда из другого измерения и оставшейся здесь.

Их знакомство началось странно, но постепенно переросло в долговременное сотрудничество. Хотя они ничего не обещали Каю и не гарантировали ему свободу и жизнь. Несмотря на это, он приезжал к ним. Может, это и глупо. Неоправданный риск? Наверное.

Но риск был в его жизни постоянно, поэтому он привык так жить.

Они нашли общие точки соприкосновения, пересечения интересов — это и было гарантией его жизни, которую они пока не трогали.

Война создает общие интересы и общие проблемы. Им было выгодно сотрудничество с Каем. Он много помогал им, зная обстановку на фронтах, хотя их не интересовала война. Им было совершенно безразлично, кто победит или проиграет. Они были нейтральны. Они строили здесь свой мир, чтобы потом поглотить мир этот. Кай тоже это понимал, но что он мог сделать? Как помешать этому? Лучше быть с ними, чем быть в неведении о происходящем.

Сейчас до реализации проекта их мира было еще далеко. Они вели свои научные разработки и эксперименты. Кай помогал им в этом.

Кай любил науку, любил физику и химию. Это другая реальность, туда попадаешь — и вся действительность перестает существовать. Он получал удовольствие от просмотра и вникания в формулы и цепные реакции. Его аналитический мозг без труда находил ошибки, которые допускали араки — так они себя называли — проводя эксперименты. Их мозг работал по-другому. У них отсутствовало логическое мышление, наверное, в совершенствовании своей личности они посчитали, что это лишнее. Без помощи Кая, они бы месяцами возились над многими опытами.

Если бы не война, если бы не его участь быть здесь, не сделанный за него выбор, он бы стал ученым. Формулы, аналитика, эксперименты — как это увлекательно. Хорошо, что хоть здесь он может делать то, что ему по душе. И в этом была ирония судьбы. Да, здесь, в подземелье, в секретной лаборатории, он мог заниматься тем, чему хотел посвятить свою жизнь на родине.

Они обернулись на его появление. Кай на секунду застыл, внутреннее собрался и шагнул к ним, кивком головы поприветствовав всех.

— Мы ждали тебя, — прозвучал безразличный голос.

В этом голосе не было эмоций, но жесткий блеск глаз, светящихся из-под тени капюшона, говорил об обратном. Гор был зол! Кай обещал приехать раньше, зная, что нужен им.

— Я приехал, как только смог, — спокойно ответил Кай, затем постарался сразу перевести разговор к работе. — Фахр, что там на сегодняшний момент по эксперименту? В какой все стадии?

— Вот, видишь, — Фахр показал на большую стопку бумаг на столе, — это то, что накопилось во время твоего отсутствия. Мы опять допустили ошибку, реакция не идет.

Голос Фахра звучал так же безразлично.

Затем Фахр перешел на подробное объяснение, в какой стадии сейчас эксперимент, показывая Каю химические формулы на мониторе и на бумагах.

— Понятно, — сказал Кай, собирая бумажки. — Я за тот комп пойду, поработаю.

Работы предстояло много: нужно все пересмотреть, перепроверить и найти в химических цепочках ту ошибку, из-за которой пошел такой сбой.

Он расположился на отдельно стоящем столе с компьютером в удобном кресле, краем глаза видя Гора. Он правильно сделал, что не стал развивать тему с объяснениями, а сразу прикрылся работой. Гор злился на него.

Гор. Он был здесь главным.

Хоть они и были все одеты одинаково и ничем внешне не отличались друг от друга, но Кай интуитивно всегда знал, кто из них Гор, так же он знал Фахра и Тонна. Он различал и остальных. Как? Он и сам не понимал. Может, столько лет общения давали способность отличать их?

Ночь прошла незаметно, в работе. Ему не мешали. Здесь круглосуточно шла работа, кто-то входил, выходил — здесь всегда так. Кай абстрагировался от всего. Несколько раз за ночь ходил курить и наливать себе кофе. К утру он перепроверил все и нашел ошибки в формулах.

Утром пришли Гор, Тонн и Фахр. Вчера, после того как Кай сел за работу, они ушли в другую лабораторию.

Кай спал за столом, уронив голову на руки. Весь стол был завален бумагами, недопитая чашка кофе, сигареты и зажигалка лежали рядом с ним.

Тонн подошел и положил руку на плечо Кая.

От прикосновения Кай проснулся.

— Кажется, заснул, — немного извиняющимся голосом сказал Кай, смотря на три силуэта в черных капюшонах, стоящих рядом с его столом. Даже по прошествии стольких лет, они все равно пугали его своим видом. Сейчас, сразу после сна, он не успел скрыть свои эмоции. На лице Кая отразился испуг.

Они видели страх в глазах Кая.

— Иди, поспи. Людям нужен сон. Иначе ты будешь плохо работать, — монотонно произнес Тонн.

«Да уж, железная логика: буду плохо работать! Еще и напугали своим появлением», — подумал Кай. И добавил вслух: — Я все проверил и нашел ошибки. Потом посплю, а сейчас лучше пойдем в лабораторию — нужно еще раз запустить реакцию. Вот файл, здесь все данные по ошибкам и новые формулы. Но я бы хотел сам там быть, чтобы вести эксперимент.

— Ты все проверил? — так же монотонно прозвучал голос Фахра. Он занял место Кая за столом и бегло просматривал данные, открыв файл. — Хорошо, сейчас скажу, чтобы готовили реактивы.

— Пойду умоюсь и покурю, — сказал Кай, захватив сигареты и зажигалку. Он решил, что сейчас лучше выйти, чем ощущать их рядом с собой.

День прошел в лаборатории — это был его мир: колбочки, пробирки, реагенты, что-то шипело, переливалось, работали мониторы, датчики. Для Кая это была жизнь настоящего ученого, как он ее себе представлял в мечтах о своем несложившемся будущем.

***

Всю следующую неделю он был полностью погружен в работу. Время летело незаметно. Здесь не было войны, хотя он регулярно просматривал сводки с фронтов и данные по перемещениям сил. На фронтах было относительное затишье, и он мог себе позволить углубиться в науку, пусть лишь на время стать ученым.

Эксперимент прошел достаточно удачно, хотя постоянно обнаруживались подводные камни или непредвиденные моменты, но он решал это.

Вот и сейчас Кай бился над очередной химической формулой, которая никак не шла: уже который раз все вроде перепроверил, но результата не было.

На столе загорелся экран монитора, и безликий голос сказал, что его ждет Гор в зале заседаний.

Кай огорчился, что придется все бросить на самом интересном месте, но пошел, так как

заставлять Гора ждать — вообще не вариант.

В основном зале за столом были все главные араки, в том числе Тонн и Фахр.

Гор показал Каю на кресло за столом. В центре восседал он сам.

— Нам готовы передать интересующую нас информацию, — как всегда, без всяких предисловий начал Гор монотонным голосом. — Это дискета с последними работами Гюнтера. Японцы разгромили части англичан и захватили эту информацию. Она им не нужна. Предлагают ее нам. Я получил сегодня файл с этим предложением и парой страниц экскрементов Гюнтера на этой дискете. Нам это интересно.

Кай слушал отвлеченно, в целом ему это было безразлично.

Гор продолжил:

— Дискету готов передать Тоями Такеру на встрече, но у него есть одно условие. Оно касается тебя.

От слова "Такеру" Кай вскочил из-за стола и, стоя, досушивал Гора.

— Какое условие? — голос Кая почему-то задрожал от нехорошего предчувствия.

Гор, не сводя желтых звериных глаз с него, продолжил:

— Там будет вторая дискета. Это касается Шейха Аршада. Такеру просит встречи в закрытом отеле «Эмполь» в Изире. Там он передаст дискеты нам и Аршаду, если ты выполнишь какое-то условие.

— Какое условие? — Кая уже начало трясти, он медленно опустился в кресло.

— Условие тебе скажет Аршад, так было написано в файле. Позвони ему по громкой связи, мы должны знать это условие.

Кай понял, что он сейчас при всех должен набрать Аршада и выслушать условия от Тоями. Почему-то ему не нравилась такая идея, но, видя смотрящие на него желтые немигающие глаза Гора, он стал искать телефон в карманах френча.

Он долго и нервно доставал телефон, который застревал в кармане, потом долго не мог справиться с попаданием пальцем в монитор. Наконец, прошел звонок.

— Здравствуй, Аршад. Я звоню по условию встречи. Нас все слушают, — намекнул Кай, затем спросил: — Что хочет Тоями?

— Здравствуй, Кай, — голос Аршада был загадочен, это Каю не понравилось сразу. — Сначала я хотел сказать, что на дискете, которую хочет передать для меня Тоями, — карты укреплений в районе пустыни Сабар. Мне это важно.

— Я понял тебя. Что он хочет?

— Ты что, нервничаешь? — казалось, Аршада это все веселило.

— Чего хочет Тоями?

— Мы встречаемся все в отеле «Энполь» в Изире. Это безопасно для всех, согласись.

— Аршад! Ты можешь, наконец, сказать, чего он хочет, чтобы отдал эти дискеты?!

— Он передает дискеты после того, как поцелует тебя в губы при всех.

Кай от неожиданности махнул рукой. Три папки, лежащие рядом с ним на столе, с грохотом упали на пол. Он тут же нагнулся и стал их поднимать.

Из телефона раздался голос Аршада:

— С тобой там все в порядке? Что-то упало?

— Он псих! Понимаешь, псих! — Кай вскочил из-за стола, затем опять сел. — Здесь война, а он в поцелуйчики играет!

— Здесь война постоянно. И что теперь? — голос Аршада был совершенно спокоен. — Ты можешь отказаться.

Кай обвел взглядом сидящих за столом. На него неотрывно смотрели мерцающие странным блеском желтые глаза. Нехороший холодок пробежал по спине.

«Отказаться? Как?»

Как, когда ты в окружении вот этих и твоя жизнь зависит от их настроения?

«Тоями! Сволочь! И о чем он только думает? Видно, у него все мысли только о сексе. Совсем спятил!»

— Я согласен, — голос Кая прозвучал тихо, он кашлянул и произнес чуть громче, — я согласен.

— Ты это так произносишь, как будто на эшафот идешь.

«Шейха это точно веселит», — понял по его голосу Кай.

— Не грусти. Тебе это понравится, — затем тон Аршада стал официальным. — День и время встречи он отправит на почту.

Звонок прервался, в трубке зазвучали гудки.

В зале стояла тишина. Кай, положив руки на стол, уронил на них голову. Сейчас он хотел провалиться сквозь землю, но, поскольку это было нереально, то хоть спрятать пылающие лицо от смотрящих на него глаз.

— Зачем это нужно Такеру? — рядом с Каем прозвучал безразличный голос Тонна.

— Что? — не поднимая головы, спросил Кай.

— Целовать тебя в губы? — так же безразлично продолжил Тонн.

Кай чувствовал себя в полном де**ме.

«Вот это подстава! Сволочь этот Тоями!»

Он даже не подумал, что Каю придется вот так сидеть перед араками и пытаться им что-либо объяснить, при этом чувствуя, как его прожигают их взгляды.

Зазвучал голос Фахра, равнодушно, как будто машина зачитывала справочную информацию:

— Поцелуй в губы — это знак проявления любви среди людей. У людей принято целовать особь противоположного пола. Поцелуй между особями одного пола является запретным среди людей.

— Ты не хочешь это делать? — впервые заговорил Гор, задав Каю этот вопрос.

Кай выпрямился и откинулся на спинку кресла.

— Эта дискета с информацией нужна и Аршаду, и тебе. Я уже дал свое согласие.

— Мы можем просто всех убить и забрать эти данные, — безразлично произнес Гор.

— Тебе невыгодно их убивать. Они для тебя больше пользы принесут живыми. Ты это сам прекрасно знаешь, — Кай понял, что сейчас дело принимало нежелательный оборот, и, если Гор примет решение, он не сможет его остановить.

— Если ты не хочешь это делать, я их убью.

Кай был поражен услышанным.

«Странно, Гор готов сделать для меня, то, что ему невыгодно? Он же делает только то, что нужно им и принесет пользу для них. Как странно...»

— Нет. Пожалуйста. Для меня это ничего не значит. А у тебя будет дискета с полезными данными и люди, которые еще могут пригодиться.

— Хорошо. Я приму твое решение. Можешь идти. Тебе скажут, когда будет встреча.

Кай не заставил себя просить еще раз и быстро вышел. Дойдя до первой вытяжки в коридоре, закурил. Одну, потом вторую сигарету.

«Тоями. Играет со смертью! С Гором играть задумал. Рыцаря из себя делает. Если бы он сейчас Гора не переубедил, конец пришел бы Тоями. Гор бы всех убил. И ради чего Тоями пошел на это?»

В глубине сознания звучал голос, который он не хотел слышать. Этот голос шептал: «Ради тебя». Он гнал от себя эту мысль, но она настойчиво лезла в голову.

«Глупость какая. Хорошо — из-за меня! И что я теперь должен сделать? Что? Я ему по-русски, нет, по-японски сказал: меня это не интересует! Что он себе возомнил?! Решил доказать, что всегда добивается своего? Псих! Ненормальный!».

Кай пошел к себе в комнату и, открыв бутылку коньяка, залпом выпил рюмку, вторую.

Когда бутылка подходила к концу, к нему зашел Фахр.

— Я сейчас приду, — только сейчас Кай понял, сколько уже времени он сидит у себя в комнате.

— В таком виде ты бесполезен нам. Придешь завтра, — глаза Фахра смотрели из тени

капюшона.

— Спасибо, — тихо произнес Кай.

Фахр еще раз остановил на нем свои желтые звериные глаза, а затем вышел из его комнаты.

Кай откинулся на спинку дивана, понимая, что позволил себе непростительную слабость — вместо работы сидеть и напиваться. Странно, что Фахр ничего не сказал, а просто дал ему возможность отдохнуть. И Гор его тоже сегодня поразил: решил вступить за него.

Затем мысли Кая вернулись к Тоями. Он думал о том, как это глупо с его стороны — совершить такой детский, необдуманный поступок.

«И все ради чего? Хочет доказать ему, что всегда добивается своего? Хорошо — докажет, и что дальше? На что он рассчитывает?»

Кай подумал о поцелуе с ним. Вспомнил его лицо, голос, глаза...

«Глупости все это! Не хочу об этом думать!»

Глава 5

Утром Кай узнал, что встреча по передачи дискет согласованна и им скоро выезжать. Вчера, благодаря выпитому, он быстро уснул и спал без всяких сновидений и мыслей. Сегодня абсурдность происходящего встретила его своей реальностью.

«Тоями, я тебя ненавижу!»

Если бы сейчас у Кая была возможность, он бы сам пристрелил Тоями — такие мысли витали у него в голове.

Кай выглядел сурово и грозно. Даже Гор посторонился, когда он, не замечая его, прошел и сел в машину на подземной парковке.

Гор, как обычно, сидел сзади справа. Кай сел за водителем, спереди ехал Тонн. Фахр поехал в другой машине. Два представительских черных тонированных мерседеса в окружении четырех огромных черных джипов охраны вылетели из недр подземелья и на большой скорости поехали в сторону Изира.

Всю дорогу Кай отрешенно смотрел в окно.

В Изире в отеле «Энполь» для переговоров был снят отдельный закрытый от посторонних зал. Там, за круглым столом, все уже собрались — ждали только их приезда.

Кай, в окружении араков, одетых в черные плащи с опущенными на пол-лица капюшонами, вошел в зал. Они поздоровались и заняли свои места за столом. С Гором, кроме Фахра и Тонна было еще три взятых с собой помощника.

Стол был большой, поэтому все свободно разместились вокруг него. Все сидели в больших мягких удобных креслах, которые на расстоянии друг от друга стояли вокруг стола. Все было сделано для комфортного пребывания здесь. Легкие шторы были закрыты, пропуская мягкий свет с улицы, на потолке горели хрустальные люстры, пол был застлан светлым мягким ковром.

Шейх Аршад, ожидая их прихода, весело болтал с Тоями. С Шейхом были Гифар, Максуд и еще несколько приближенных из его свиты. С Тоями — Изоа, Кунайо и еще три человека, которых Кай раньше не видел. Один из них сидел рядом с Тоями и очень пристально смотрел на него. Кай встретился с ним глазами. Взгляд этого человека был открыт и, как показалось Каю, выражал дружеское отношение к нему. Это был мужчина, явно старше Тоями. Высокий, с очень правильными, мужественными чертами лица, более европейскими, чем японскими. На его широких плечах идеально сидел дорогой темный костюм, который так ему шел.

Поскольку все собрались, представитель Тоями объявил о начале переговоров.

Прежде, чем передать дискеты, нужно было согласовать непересечение интересов по данным, которые были в дискетах. Это были устные договоренности, основанные на слове собеседника и свидетелях, которые слышали даваемые обещания. В условиях войны такие обещания были более действенны, чем прописанные на бумаге и скрепленные подписью соглашения. Когда все моменты были обговорены, осталась заключительная часть договоренности по передаче дискет.

Все это время Кай с хмурым лицом сидел за столом. Он видел на себе холодные глаза торжествующего Тоями и сверкающие глаза Шейха, которого все это очень веселило и, как показалось Каю, даже радовало такое событие. Также Кай постоянно чувствовал на себе пронзающий насквозь взгляд Гора.

— Мы можем перейти к завершению наших договоренностей? — как бы ко всем обратился Тоями, но Кай понял, это вопрос был к нему.

Все молчали. В зале повисла тишина.

Кай поднял глаза и уже не отводил взгляда от глаз Тоями.

Тот выждал паузу, затем спокойно встал и неспешно подошел к креслу Кая.

«Вот попал! Нужно держать слово», — подумал Кай и медленно откинулся на спинку кресла, так же неотрывно смотря ему в глаза.

Тоями склонился над ним, своей левой рукой, как бы невзначай, накрыл руку Кая, которая лежала на подлокотнике кресла. Кай почувствовал его железную хватку. Понял, что не дернется уже. Тоями склонился еще ниже. Правой рукой, чуть касаясь, провел по его шее вверх к подбородку, задержал там руку, придерживая подбородок и уже не давая его опустить.

— Как мне нравится блеск ненависти в твоих глазах, — тихо сказал он на японском языке и накрыл губы Кая своими губами.

Кай зажал зубы, надеясь, что ограничится таким поцелуем, но, почувствовав боль в руке, хотел вскрикнуть от неожиданности и понял, что язык Тоями проникает вглубь его рта, воспользовавшись тем, что он разжал зубы.

Поцелуй был долгим, настоящим. Это было желание, которое Тоями осуществил. Кай чувствовал его желание на своих губах, оно странной дрожью пронзило его тело.

Затем Тоями резко отстранился и уверенной походкой вернулся на свое место.

Кай тихо перевел дыхание, которое у него почему-то сбилось, и опустил глаза, чтобы никто не

увидел их блеска. Дрожь во всем теле не проходила.

— Это было красиво! — непроизвольно вырвалось у Аршада.

— Изоа, отдай дискеты господам, — совершенно невозмутимо сказал Тоями.

Принесли дискеты, которые Изоа лично с поклоном передал Гору и Шейху Аршаду.

После обсуждения общих моментов по сотрудничеству, переговоры завершились.

Аршад, положив Каю руку на плечо, пошел с ним к выходу. Они поговорили о предстоящем Аршаду походе, после анализа данных с дискеты. Шейх не касался произошедшего, не хотел вызвать опять у Кая негативную реакцию.

Кай проводил его до машины. Они тепло обнялись на прощание.

Гор и его люди уже ждали Кая у своих машин, нужно было ехать. Попрошавшись с Шейхом, Кай пошел к ним.

— Кай, подожди, — Тоями спустился с лестницы и жестом пригласил его отойти чуть в сторону к перилам.

Фахр обеспокоено сделал шаг вперед, но Кай поднял руку, глядя на него. Фахр понял и пока не стал вмешиваться.

— Можно с тобой поговорить? — Тоями замялся, сейчас он не был так надменно самоуверен, как при поцелуе, — я не хотел...

— Избавь меня от романтического выяснения отношений, — резко прервал его Кай. — Что ты не хотел? Ты мне пообещал поступить так — молодец, сдержал слово! Гордись!

— Кай, ты не так все понял, я очень хотел тебя поцеловать, но ты бы не согласился, никогда, — Тоями говорил это с растерянным видом, пытаясь найти в глазах Кая хоть каплю надежды.

— Хватит! Ты хотел всем показать, что всегда добиваешься своего — показал! Мне не о чем с тобой больше разговаривать.

Кай шагнул по направлению к машинам. Тоями преградил ему дорогу.

Араксы напряглись — застыли, ожидая команды Гора. Кай это увидел. Обстановка накалялась.

— Ты бесчувственный! Общаешься с этими нелюдьми и стал такой же, как они! — растерянность Тоями перешла в гнев. — Если достучаться до тебя можно только насильственными методами, значит, я продолжу действовать, так, как тебе нравится! Я получу от тебя все, что я хочу. Обещаю!

— Пропусти, — прошипел Кай, глядя в глаза Тоями.

Тот помедлил несколько секунд, но, видя холодный блеск зеленых глаз Кая, шагнул в сторону.

— Ты просто псих, я тебе это давно хотел сказать! — зло сказал Кай, проходя мимо Тоями.

Тоями остался стоять на месте. В нем бушевали страсти: возмущение и обида.

«Ну что же, наши дороги еще пересекутся! Я добьюсь своего! Я так просто не сдамся, чем нереальней цель, тем слаще победа!»

Кай, не оборачиваясь, подошел к машине, сев в нее, нервно закурил, приоткрыв окно.

Гор молча наблюдал за лицом Кая, на котором не было злобы, наоборот, он выглядел грустным и задумчивым.

Гора это сбило с толку. Опять он ошибся в своих расчетах с Каем. По его представлению, Кай сделал сейчас то, что ему не хотелось делать, значит, он должен быть рассержен, злиться и питать те эмоции, которые движут человеком строящим планы мести. Но этого не было в глазах Кая. Что так его поразило сейчас в его взгляде? Печаль, вроде так это называют люди. Наверное, именно так должны выглядеть глаза человека, в которых печаль.

«Я опять ошибся в нем!»

Гора это злило. Как он, сверхчеловек, не может понять действия людей? Такого не может быть! Люди примитивны и предсказуемы. Так почему сейчас эта странная ситуация ему не понятна?

Кай — он всегда для них был загадкой. Его действия были нелогичны и не поддавались их просчету.

Вот поэтому они не убили его. Он единственный из всех людей смог каждый раз действовать не так, как они просчитывали.

***

Вернувшись в лабораторию, Кай сразу включился в работу. Всю ночь просидел с реактивами и пробирками. Он бы и дальше не отрывался от проведения перерасчетов химических формул, но позвонил полковник и сказал, что Кай срочно нужен в гарнизоне. Полковник сказал, что духи перекрыли дорогу в долину Зандар и заняли высоту, с которой простреливается большая часть дороги. Дорога важна: по ней идет снабжение всех и местного населения в том числе. Приказ командования: в кратчайшие сроки решить проблему быстро и не очень шумно. Это работа Кая. Поэтому его срочно ждут.

Написав рекомендации и формулы, он переговорил с Тонном по ведению эксперимента, затем пошел к Гору, чтобы сказать, что ему нужно ехать в гарнизон.

Гор был в основном зале со всеми, отслеживал в мониторе ход эксперимента.

Кай сел с ним рядом в соседнее кресло.

— Говори, я слушаю тебя, — прозвучал безликий голос Гора.

— Мне звонил полковник. Духи простреливают дорогу в долину Зандар. Я должен ехать, — Кай посмотрел на Гора, он никогда не знал, как тот поведет себя. И сейчас ему была непонятна реакция Гора на это известие. Только оставалось надеяться, что он нормально все воспримет и выпустит его отсюда живым.

Гор молчал.

«Отпустить Кая?»

Там война — его могут убить. Это будет очень плохо для них. Очень плохо. Кай хорошо

работает. Лучше, чем они. Но он не может его запереть здесь. Кай не будет работать. И никакие попытки не переломят его. Гор это знал. Они пытались его, тогда, заставляя на них работать, — он чуть не умер, но не изменил своего решения — он работает на них только при условии его свободы.

— Можешь ехать, — ответил безликий голос. Гор так же продолжал смотреть в монитор.

— Спасибо, — у Кая отлегло. На этот раз все прошло мирно. Это хорошо.

***

О произошедшем событии, Коджи не смог поговорить с Тоями сразу, так как они ехали в мерседесе вместе с его помощником, а это были явно лишние уши.

Коджи был потрясен, увидев в первый раз Кая. Когда Тоями описывал внешность Кая, он спокойно слушал его, понимая, что любой влюбленный будет говорить об объекте своего желания, описывая его как самого красивого и тому подобное — обычная романтическая чушь. Но сегодня, когда в зал вошли высокие тени в черных плащах, от одного вида которых кровь стыла в жилах, и между ними шел он, Коджи понял, что Тоями был прав, во всем прав.

«Кто бы мог подумать, что он русский?!»

Только вечером Коджи, наконец, перехватил Тоями, идущего к своему шатру.

— Я в восторге от твоего выбора! Действительно в восторге. Я потрясен!

Тоями остановился и подозрительно посмотрел на Коджи, который тоже обычно отличался сдержанностью.

Видя недобрый взгляд Тоями, Коджи понял. Нужно объясниться:

— Я не собираюсь на него претендовать. Не переживай. Хотя он мне понравился. Очень понравился. Ты должен это знать и понимать, — Коджи взял Тоями под локоть и повел в сторону его шатра — их разговор стал привлекать лишние взгляды, — я искренне буду рад, если ты будешь с ним. Поверь мне, я буду этому рад! Ты для меня больше, чем друг, ты это знаешь. Мне очень важно твое счастье. Я вижу, как тебе все тяжелей и тяжелей бороться с одиночеством. Не перебивай! — Коджи почувствовал, что рука Тоями дрогнула, — дослушай меня. Одиночество души — это страшно, очень страшно. Ты не можешь заполнить эту пустоту ничем. Со временем она поглотит тебя. И Кай один, он тоже один. Я видел его глаза, там пустота.

— А ты — ты ведь тоже один?

— Я другой. Я заполняю свою пустоту утехами, и меня это устраивает. Я другой, Тоями, — Коджи сказал это с горечью, понимая, что душевный мир его друга намного богаче и тоньше его. Поэтому он и выбрал Тоями из всех юношей. Но это было давно. Тоями был еще очень молод, а он был старше него. Их связь продлилась недолго. Постигнув все тонкости любовных утех, Тоями вскоре надоела вторая роль. И это был не вопрос постели, это был вопрос их взаимоотношений в жизни. Тоями уже тогда был лидер, победитель. Коджи еще тогда понял, что Тоями никогда не будет в роли побежденного. Никогда.

Коджи подумал о Кае: готов ли он стать побежденным? Нет. Кай тоже лидер! Самое страшное, что Тоями еще не понял этого. Кай превосходит его во многом. Так неужели их отношения

обречены?

Остаток вечера Коджи провел в шатре Тоями. Они поужинали вместе, а потом болтали обо всем, как в старые добрые времена их несложившихся отношений.

Наконец, оставшись один, Тоями погрузился в свои мысли.

Кай — он думал о нем.

Воспоминание о губах было еще столь реально, что, казалось, он чувствовал губы Кая — такие теплые, мягкие и дурманящие...

Кай не ответил ему на поцелуй, просто ждал. Тоями это понял. Кай выполнил соглашение и не более.

«Неужели его поцелуй для него ничего не значит? Совсем ничего?»

Вот поэтому, на ступенях лестницы он так хотел увидеть в глазах Кая хоть искорку тепла. Но нет, там было пусто.

Этим поцелуем он ничего не добился, ровным счетом ничего!

«Я не отступлю! Я добьюсь своего! Обещаю! Наши дороги еще пересекутся!»

***

Вернувшись в гарнизон, Кай, быстро переодевшись в камуфляж, запрыгнул на БТР Перца, и их колонна, состоящая еще из пяти машин, выдвинулась к долине Зандар. Началась обычная его работа, работа — убивать. Да, это — то, почему он здесь, почему он нужен им, почему его жизнь навсегда им принадлежит. Он умеет убивать. И сейчас, кроме общего задания, которое все получили в штабе, он получил свое — от них. Ему нужно было убить одного из тайных лидеров в этой банде моджахедов, которая сейчас обстреливала долину. И не важно, как он будет это делать. Им нужен результат. Кай выполнит это задание. Он себе не принадлежит. Он лишь орудие в их руках — такова его жизнь.

Сидя на горячей от солнца броне БТР и держа автомат наготове, он глотал через платок пыль, поднимаемую едущей по дороге техникой. Безразлично смотрел на унылый пейзаж: выжженные солнцем камни, искореженные ветрами чахлые деревца. Над головой — беспощадное палящее солнце. Как он устал от этого. Но разве он в силах что-либо изменить...

О произошедшем в его жизни таком странном событии он запретил себе думать. Ему в жизни встречалось много разных людей с всякими странностями, так что теперь — обо всех думать? Проще все убрать из памяти и жить дальше. Тем более, мотивы поступка Тоями ему были вполне понятны. Скорее всего, Тоями вообще заключил пари о том, что добьется своего. Вполне понятно, нужно же здесь хоть чем-то развлекаться. А так все даже очень забавно выходит. Вот какое шоу устроил — всех повеселил. Ну и что, что Кай был главным моментом этого шоу?

«Ничего, я это переживу! Заткну свою гордыню и буду жить дальше. Решил унижить меня при всех. У него это хорошо получилось!»

Кай вспомнил приближающиеся к нему глаза Тоями. Тогда, смотря в них, он видел другое, не

то, в чем себя сейчас усиленно хотел убедить. Что же было в глубине его глаз? Почему так хорошо было, когда его губы прикоснулись к нему?

«Зачем я думаю об этом? Зачем? Ведь это неправильно, так не должно быть!»

Да, в его жизни был мужчина, который целовал его и доводил до исступления своими ласками. Но это можно было оправдать тем, что Кай был в плену. Аршад первый, кто открыл ему, что поцелуй мужчины может быть настолько упоительно сладок, а ласки настолько возбуждающи, что действительность растворялась и оставался только он: его губы и руки и нежность, которую он дарил Каю.

Но плен закончился, Аршад его отпустил, и Кай поклялся, что больше в его жизни такого не повторится. Он знает, что это грех и больше не допустит этого.

Этот поцелуй — о нем он забудет, как о досадном недоразумении. И он забудет об этом тепле внутри себя, о странном чувстве, которое у него не возникало от поцелуев Аршада. Он заставит себя забыть обо всем и просто будет жить дальше.

***

Разведав местность, Кай проработал боевую операцию, которую решили проводить ночью.

Ребята работали четко и слаженно. Когда бандиты поняли, что частично окружены, открыли беспорядочный огонь, затем, в панике побросав часть техники, спешно стали уходить в горы.

Кай, пользуясь темнотой, нырнул в расщелину, прихватив с собой снайперскую винтовку с прицелом ночного видения.

С его места было видно, как вереница бандитов идет по тропинке вверх, скрываясь дальше за камнями.

«Главное — успеть!»

Кай внимательно смотрел через оптический прицел на лица уходящих в горы бандитов.

«Неужели ушел?»

Это плохо, тогда придется за ним по горам идти, пока случая не представится в прицел его увидеть.

«Так и есть, ушел!»

Кай убрал винтовку и пошел в сторону горы. Он знал, что есть еще одна тропа. И если он поторопится, то сможет их нагнать, идя им наперерез.

Уже светало, он лежал в тени скалы, держа винтовку наготове, и ждал, когда они появятся.

В этот раз ему повезло. Он его увидел, ошибки быть не может. Лицо точно как на фотографии, присланной ему из центра. Кай медленно спустил курок. Выстрела не было слышно, винтовка была с глушителем. Пуля вошла ровно между глаз. Его фирменный стиль. Чтобы наверняка. Бегать второй раз за своей жертвой он не хотел.

Они не поняли, откуда стреляли. Здесь, в горах, они не ждали этого выстрела. Были не готовы.

Кай отполз вглубь скалы, аккуратно сложил винтовку и, пригибаясь, стал удаляться от мечущихся в панике моджахедов.

Через несколько километров его будет ждать вертолет. Главное, вовремя прийти к заданной точке и никого не встретить на своем пути.

В центре будут довольны. Он выполнил задание.

Варфоломей будет ругаться, услышав его оправдание о потере сознания от взрыва — поэтому они его и не нашли. А Фрол опять начнет наезжать, считая, что ему все сходит с рук, даже то, что он где-то пропадал — отлеживался, пока они сражались.

Но это не важно.

Важно только то, что он выполнил задание. Свои переживания он уберет глубоко внутрь, чтобы никто не знал, как тяжело ему жить не своей жизнью. Как тяжело знать, что одиночество — это его удел.

Глава 6

Большой черный тонированный джип медленно полз по дороге. Широкие колеса успокаивающе шуршали по мелкому гравию. Когда в очередной раз под колесо попадал крупный булыжник, тяжелый джип мягко подпрыгивал на нем, вздрагивая своими блестящими на солнце полированными боками. Его водитель болезненно морщился, как будто став единым целым с этим черным монстром, и так же, как он, чувствовал своим телом малейшие неровности дороги.

В действительности все так и было: пуля в боку обостряла чувствительность тела — даже маленький камень, на который наезжал этот черный монстр отражался тупой болью. В глазах темнело, боль противно расплзалась, пульсировала, но потом затихала до очередного толчка от камня под колесом.

"Как глупо он словил эту пулю!", — в очередной раз мелькала мысль в голове Кая. Хотя это война, здесь все глупо и нелогично. Никто ни от чего не застрахован. Вот и с ним такое произошло.

Сначала все шло хорошо. Этой ночью, оставив свой джип в одной из многочисленных пещер в горе, он пошел по узкой тропе, ведущей на горный склон. С него открывался прекрасный вид на долину. Там, в долине, шло перемещение техники противника. Кай предполагал, что будет такое движение и не ошибся в этом. Приборы ночного видения показывали весь масштаб происходящего. Понаблюдав за этим пол ночи и зафиксировав в видеосъемке все, что нужно было для передачи данных в штаб, он пошел обратно.

Уже светало, в горы спустился туман. Густой, молочно белый, как будто пространство наполнилось невесомым жидким молоком. Все сразу стало иным. Картина мира резко исказилась — туман создал свою реальность. Теперь он шел, ориентируясь лишь на датчик, который показывал направление движения и красную точку в завершении маршрута — это его джип.

В какой-то момент он почувствовал, что не один. По спине пробежал холод.

«Кто они и сколько их?»

Все скрыто туманом — лишь ощущение присутствия чужих и липкий страх, парализующий тело.

Из-под его ботинка выскользнул камешек и, тихо шурша, покатился вниз. Этого было достаточно, чтобы они начали стрелять. Туман прошили вспышки света. Стреляли из автоматов.

«Их, наверное, человек восемь, судя по звукам выстрелов. Вступать в бой глупо», — подумал Кай.

Он резко отпрыгнул в сторону и покатился по склону вниз. Сейчас туман был его союзник. Они его не видели и тоже не знали, кто их противник. Поэтому не стали преследовать. Просто стреляли.

Одна из пуль, срикошетив об камень скалы, мягко вошла в бок. Он почувствовал это, но продолжал движение. Главное — не останавливаться! До машины было недалеко. Выстрелы стихли. Они потеряли его, потеряли интересе к преследованию, видно, их задача была в другом.

Захлопнув дверь спасительного джипа, он нашел под сидением пакет с марлей, вскрыл его и, расстегнув пуговицы кителя, аккуратно приложил всю марлю к ране. Больше ничего из медицинских средств оказания первой помощи у него с собой не было. Сейчас он ругал себя за это! Он же хотел бросить в джип армейский медпакет, где было все на такие случаи. Но все времени не было доехать до больнички и забрать этот пакет. А теперь только этот кусок марли. Правда, в багажнике еще валяется обычная аптечка водителя, но она давно вскрыта и наполовину опустошена. Он все никак новую не купит. Хотя это его стиль, никогда не находить время на такие мелочи.

Кай снял арафатку с шеи и, морщась от боли, обернул ее вокруг себя, притянув этим платком марлю к ране. Вот это все, что он мог сейчас сделать.

«Надо ехать. Так можно дожидаться визита еще гостей.»

Подключив спутник, он скинул отснятую информацию на компьютер центрального штаба.

Ну вот, теперь он спокоен — хоть не впустую ночь провел. Хорошая шутка. Вот бы еще до своих без приключений доехать!

Сначала он ехал быстро. Адреналин в крови действовал как обезболивающие. Но потом — потом он стал чувствовать каждую неровность дороги. Пуля, застрявшая в нем, как проводник, передавала боль по всему телу даже от малейшего толчка машины.

Пуля вошла совсем неглубоко, он чувствовал это.

«Вот если бы ее вытащить, было бы легче, да и кровь постепенно прекратила бы идти.»

Но самому себе вытаскивать пулю? Нет! Он не настолько мазохист. Конечно, он слышал о ребятах, которые себе сами ножом выковыривали пули, но он явно к числу таких героев не относится. Лучше так — терпеть и ехать. Главное, не отключиться!

Кай пошарил в бардачке, ведя одной рукой машину, и нашел то, что ему сейчас необходимо, — нашатырь! Он вытащил из кармана платок и, выдернув пробку зубами, плеснул на платок

нашатыря. В глазах защипало. Резкая вонь прояснила сознание. Он поднес платок к носу и несколько раз вдохнул. Из глаз полились слезы. Зато эффект какой — четкость и ясность! Он добавил газу. Сейчас можно и побыстрее ехать, пока картинка дороги такая ясная.

Впереди опять начинался участок плохой дороги, он снизил скорость, чувствуя каждый камень на ней, скрипя зубами от боли, медленно полз, согревая себя мыслью, что потом начнется асфальт и его пытка закончится.

Навстречу ему показался джип, который тоже ехал небыстро, — видно владелец берег свою машину. Он медленно объезжал кочки и рытвины.

Кай придвинул к себе автомат — мало ли что. Хотя в этом месте никого враждебного не должно быть. Это нейтральная территория. Здесь каждый едет по своим делам. Да и встречный джип был слишком дорогой для боевиков.

Машины поравнялись, Кай бросил взгляд на водителя джипа и чертыхнулся. Это был Тоями!

Тоями тоже узнал его, махнул рукой, явно пытаясь что-то сказать, затем посигналил, прося остановиться.

Кай нажал на газ.

«Пусть машину подбрасывает на камнях. Это уже неважно.»

Его день явно сегодня не задался. Сначала эта шальная пуля, а потом человек, которого он меньше всего хотел сейчас встретить!

В зеркало заднего вида Кай увидел, что джип Тоями разворачивается и начинает его преследовать.

"Псих! Этот парень полный псих! Ну что он еще от меня хочет?! Опять поцелуйчики?! Вот сейчас самое время! Тоями, отстань от меня!" — Кай вдавил педаль газа в пол.

С последнего момента их встречи прошло уже достаточно времени, Кай практически забыл этот странный эпизод в своей жизни.

Наконец, плохая дорога закончилась. Впереди начался асфальт. Его джип резко набрал скорость. Машину Тоями не было больше видно.

"Погоняться за мной решил. Не выйдет!"

Скорость на спидометре ползла вверх. Вдруг машину начало мотать по дороге. Только быстрая реакция на происходящие и мастерство первоклассного водителя спасло его, и он не улетел в кювет. Остановив машину у обочины, Кай аккуратно, чтобы не тревожить рану, вышел из машины. Самые худшие его ожидания оправдались — он проколол колесо.

"Сегодня точно не его день!"

***

Тоями с Коджи возвращались из города в свой штаб, после прекрасно проведенной ночи в обществе двух юношей. Вчера у них был выходной, они решили съездить в город развлечься. Закрытый частный клуб с определенной направленностью всегда был рад своим постоянным посетителям. Здесь могли удовлетворить любые вкусы и прихоти тех, кто платил за это деньги.

В деньгах у них проблем не было, поэтому они получали от жизни все, что хотели.

Коджи дремал на пассажирском сиденье, утомленный этой ночью. Юноша был хорош. Он был доволен им. Всем доволен и теперь, прикрыв глаза, сквозь дремоту вспоминал о своей ночи удовольствий.

Тоями тоже вспоминал свою ночь. Все было замечательно, великолепно. Но почему-то в душе была пустота и тоска. Что с ним? Раньше такого не было. Хотя нет, пустота была всегда. Эту пустоту не могли заполнить разовые мальчишки для утех. Они лишь давали краткое избавление от нее, а потом пустота подкрадывалась опять и шептала ему об его одиночестве. Становилось тяжело и противно.

Вот и сейчас он ощущал мерзкое чувство неудовлетворенности своей жизнью, собой, всем, что его окружало.

«Может, послушать отца и жениться? Может, тогда его жизнь обретет смысл? Его жена родит ему ребенка. Ребенка? Хочет ли он этого? Наверное, но не сейчас», — он улыбнулся, вспоминая "список" невест, который каждый раз давал ему отец в надежде, что его сын решится сделать этот шаг.

Он знал, что это когда-нибудь нужно будет сделать — продолжить их древний род самураев. Он понимал насколько важно оставить после себя наследника, продолжателя рода и их клана. Ему было все равно на ком жениться. Он даже решил, что когда придет время сделать этот выбор, он напишет имена невест, подобранных отцом на бумажке и даст «руке судьбы» сделать этот выбор.

«Интересно, тогда его жизнь обретет смысл? Когда у него будет жена и ребенок, он перестанет ощущать эту пустоту внутри себя?» — он обвел взглядом унылый пейзаж вокруг: «Не стоит себя обманывать: никакая женщина не сможет дать его душе то, что он хочет. Его душа ищет родственную ему душу, чтобы обрести ту целостность, без которой все в этом мире теряет свой смысл».

Впереди показался большой черный джип. Он уже видел где-то такой — промелькнуло в его сознании. Тоями вынул пистолет, положил его рядом. Хоть здесь нейтральная территория, но всякого можно ожидать, не стоит расслабляться. Он толкнул в плечо Коджи, тот понял — лучше быть наготове.

Их машина поравнялась с джипом, ползущим им навстречу.

Сквозь тонированные стекла проползающего мимо них джипа Тоями сразу узнал Кая.

«Вот эта удача!»

И он не упустит ее! Он хочет поговорить с ним! Теперь им никто не помешает. Тогда там, на лестнице, было слишком много лишних людей, и место не совсем подходило для такого разговора. А сейчас он еще раз хочет попытаться объясниться с Каем, тот явно его поступок неправильно расценил для себя.

Машина Кая резко начала набирать скорость. Было понятно, что Кай узнал его.

"Упрямый мальчишка! Но я от тебя не отстану!"

Тоями резко развернул свой джип и нажал на педаль газа.

— Ты хочешь с ним поговорить? — совершенно спокойно спросил Коджи, держась рукой за боковую ручку, чтобы не так сильно подбрасывало на камнях.

— Да!

— Он быстро ездит, очень быстро, — так же спокойно произнес Коджи, видя, как машина Кая уходит в точку.

— Попробуем его догнать!

Коджи понял, что сейчас говорить с Тоями о разумности таких действий глупо. Поэтому, достав сигареты и закулив, он смирился со своей участью, хотя это было даже интересно. Он тоже хотел еще раз увидеть этого юношу.

***

Кай растерянно стоял у машины, понимая, что поменять колесо сейчас в его состоянии будет героическим поступком, который заберет у него последние силы. Да и менять колеса он не особенно умел, хотя если приходилось — делал это, но возился обычно долго, это было явно не его призвание.

Звонить своим, чтобы приезжали? Не хочет он это делать. Рана в целом пустяковая. Главное, вынуть пулю. Он хотел все это сделать в гарнизоне без лишнего шума и привлечения к себе внимания. Отлежится у себя пару дней — и нормально. Не хочет он, чтобы его полковник месяц в больничке держал.

Вдали поднялся столб пыли. Кто-то ехал по дороге и очень быстро.

"Неужели это Тоями?"

Кай вернулся в машину. Накинул на себя удлиненную армейскую куртку защитного цвета, теперь его левая рука, прижимающая промокшую от крови марлю, была не видна. В правую руку взял автомат и, чтобы не шататься от слабости, облокотился на закрытую дверь джипа.

Машина Тоями остановилась, не доезжая до него. Из нее вышли двое.

Кай чуть выше поднял дуло автомата, показывая свои намерения.

Тоями и его спутник аккуратно сделали несколько шагов в его направлении.

— Здравствуй, Кай, я хотел с тобой поговорить, — сказал Тоями, — кстати, это мой лучший друг — Коджи. Я не успел тебе его представить там, на переговорах, — Тоями, не спуская глаз с Кая, показал рукой на стоящего рядом с ним Коджи.

Кай кивком головы поприветствовал Коджи и перевел взгляд на Тоями:

— Поговорим в другой раз, я сейчас немного занят.

— Я помогу тебе поменять колесо, — теперь Тоями понял, почему они догнали Кая. Им повезло: он проколол колесо.

— Спасибо. Ты так разодет — испачкаешься, я сам умею менять колеса. Мне не нужна твоя помощь.

— Кай, я много слышал о тебе, очень приятно с тобой познакомиться, — Коджи понимал, что у Тоями нет шансов даже вывести его на разговор и вступил в беседу в надежде помочь другу, — может, мы все-таки тебе поможем с колесом?

— Извини, Коджи, не хочу казаться грубым, но сейчас вам лучше просто уехать!

— Кай поднял автомат, его глаза сверкнули зелеными искрами. В них была твердая решимость.

— Поехали, — Коджи прикоснулся к руке Тоями, — не сейчас, послушай меня, просто поехали.

Тоями тоже это понимал. Подходить к Каю, когда тот держит наготове автомат, явно глупо. Тоями развернулся и пошел к машине.

Кай, видя, что они уходят, резко выдохнул и понял, что начал оседать, сползая по двери машины. Он уперся дулом автомата в асфальт, чтобы не сползти полностью на землю. Перед глазами все плыло, пульсирующая боль разливалась по телу, нехорошее чувство слабости накатывало мягкой волной.

"Надо было платок с нашатырем с собой взять из машины! Как все это не вовремя. Нужно-то было всего пару минут продержаться, пока они не уедут!"

Коджи краем глаза уловил движение, резко развернулся, Тоями последовал его примеру. Они увидели, как Кай пытается не упасть, упершись дулом автомата в землю.

Коджи сделал шаг к нему. Кай поднял автомат, потерял точку опоры и сполз по двери машины. Теперь он сидел на земле, поджав одну ногу в колене, упираясь на нее, и держал автомат, наведенный на них.

— Разрешите, я подойду к тебе, — мягко сказал Коджи, начиная подозревать нехорошее.

— Нет. Уезжайте!

— Ты выстрелишь в меня? — Коджи продолжал приближаться.

Кай понимал, что в ловушке, сейчас его угрозы вырядели глупо, неубедительно. Стрелять он вообще ни в кого не собирался. Он опустил автомат и прислонил голову к двери машины, продолжая неотрывно смотреть, как они медленно подходили к нему.

Коджи аккуратно забрал автомат из его руки и положил рядом с собой, затем, встав на колени, откинул его защитную куртку и отогнул полу кителя. Там была кровь, все было в крови.

— Он ранен, — сказал Коджи, посмотрев на Тоями.

Тоями побледнел и тоже опустился на колени рядом с Каем.

— Я учился на медика и даже немного работал по специальности, — Коджи говорил спокойным, ровным голосом, смотря в глаза Кая, — разреши я посмотрю рану.

Видя, что Кай перестал сопротивляться, Коджи расстегнул до конца пуговицы его кителя и аккуратно убрал перепачканную в крови руку, которую Кай прижимал к ране. Затем ослабил узел платка и заглянул под марлю.

— Пулю видно, ее нужно вытащить и рану зашить, иначе ты истечешь кровью.

Кай молчал, он и сам это понимал.

— Я смогу это сделать, вот только обезболивающего нет, а все остальное точно есть. У тебя в машине есть обезболивающее?

Кай отрицательно покачал головой.

— Делай так, я потреплю, — тихо сказал он.

— По живому? Тебе будет больно.

— Меня пытали — и не раз, я знаю, что такое боль, — сейчас Кай понимал, что отказываться от их помощи глупо, силы его покинули. Валяться здесь на дороге и ждать кто на него наткнется — нет, в такую рулетку судьбы он играть не хотел. Пусть лучше Тоями, чем банда моджахедов.

Тоями, потрясенный услышанным и в целом состоянием Кая, протянул руку и убрал спадающий ему на глаза смоляной локон.

— Руки убери, — сквозь зубы проговорил Кай, бросив взгляд в его сторону.

— Мы сейчас все принесем, подожди немного, — Коджи, так же аккуратно взяв руку Кая, прижал ее опять к ране, — мы поищем у тебя в машине, может, что найдем из лекарств? Можно?

Кай лишь кивнул головой в знак своего согласия.

Коджи и Тоями заглянули в машину Кая и поняли — порядок не его конек! Здесь было все, видно, самое нужное ему.

На заднем сиденье валялись два боевых меча вперемешку с парой пистолетов, ножом, книжками, тетрадками и пустыми обертками от шоколадок и еще каким то мусором. Везде валялись рассыпанные ручки, карандаши и фломастеры. Музыкальные диски, упавшие на пол, лежали там же с пластиковыми бутылками от воды и пачками одноразовых салфеток. Местные газеты вперемешку с картами и листками записей хаотично расползлись по сиденью и частично сползли на пол.

На пассажирском сиденье лежали приборы ночного видения и еще масса аппаратуры, было понятно, чем сегодня ночью занимался Кай.

Во всем этом бардаке самое полезное, что было найдено, это недопитая бутылка коньяка из трех пустых и пузырек нашатыря с его платком. По нему они поняли, что он всю дорогу и держался благодаря нашатырю.

В багажнике был тот же бардак, там были разбросаны инструменты, насос для подкачки шин, домкрат, пара автоматов и ящик рассыпавшихся патронов. В этом бардаке им чудом удалось найти вскрытую аптечку водителя, содержимое которой было практически бесполезно, за исключением спиртовых салфеток и пузырька дезинфектора.

Потом они пошли к своей машине и принесли армейскую аптечку и коробку шовного материала с пинцетом и одноразовыми иглками.

Тоями захватил из машины свою армейскую куртку.

Чтобы делать минимум движений, Кая положили здесь же, у машины, под голову ему Тоями,

заботливо сложив, положил свою куртку.

Затем Коджи, приподняв его голову, поднес ему бутылку с коньяком, Кай сделал несколько глотков.

— Это на потом, — Коджи убрал бутылку от его губ. И поднес к его лицу палку, что бы он взял в зубы.

— Не нужно, — Кай отрицательно качнул головой.

— Ты готов? — Коджи внимательно посмотрел на него, Кай закрыл глаза, тем самым давая понять, что можно начинать, — я постараюсь быть аккуратен с тобой и сделать все быстро, — заботливо произнес Коджи.

Тоями сидел на асфальте рядом с Каем и придерживал его за плечи, хотя в этом практически не было необходимости. Кай действительно хорошо держался, только капли пота на лбу говорили о том, насколько ему больно.

Тоями стирал этот пот салфетками, сейчас Кай уже не сопротивлялся его прикосновениям.

В какой то момент Кай схватил его за руку и крепко сжал, Тоями другой рукой нежно провел по его лицу.

— Потерпи еще, мой мальчик, все будет хорошо, — прошептал он, склоняясь над ним.

Когда Кай начинал от боли сильнее сжимать его руку, Тоями шептал ему нежные слова, стараясь хоть этим облегчить его боль.

К концу операции Кай начинал отключаться, Тоями поднес к его носу платок с нашатырем и тихо прошептал:

— Дыши, мой хороший, дыши.

Кай держался. Он привык к боли, привык ее переносить. В его жизни было слишком много ее, слишком много...

Переносить боль ему помогала и восточная духовная практика, когда он абстрагировался от боли, уводил от нее свое сознание. Чувство боли, конечно, оставалось, но сама боль притуплялась. Правда, на такое расходовалось слишком много энергии и сил.

Коджи закончил. Пулю было не сложно вытащить, она была видна во входном отверстии. На рану он наложил несколько швов, чтобы стянуть края, все это обработав антисептиком, он закрыл марлевыми салфетками. Затем Тоями приподнял Кая, и Коджи обмотал вокруг него бинт, который плотно прижал все к ране.

Тоями отнес на руках Кая в их машину, аккуратно опустил на заднее сиденье. Подумав о том, какой он легкий.

С Коджи они собрали все лишнее с дороги, закрыли джип Кая и вернулись к своему. Коджи сел за руль, а Тоями, сев сзади, обнял Кая, который после всего находился в полубессознательном состоянии.

— Как он? — обеспокоено спросил Коджи, ведя машину.

— Температура поползла вверх, весь горит.

— Ничего, это хорошо. Организм борется. Немного осталось, мы скоро приедем.

Тоями нежно протер лоб Кая салфеткой, сейчас голова Кая лежала на его плече. Тоями бережно обнимал его за плечи и постоянно подносил к его пересохшим губам бутылку с водой.

***

Заехав на территорию своего штаба, они сразу направились в сторону здания госпиталя. Коджи заранее по телефону обо всем договорился. Их уже встречали. Тоями отказался от носилок и на руках донес Кая до его палаты. Там — положил его на кровать.

Коджи, взяв Тоями под руку, практически насильно вытолкнул его из палаты.

Через некоторое время вышел доктор. Из его рассказа было понятно, что Коджи прекрасно провел операцию. Сейчас никакое вмешательство уже не нужно. Он лишь еще раз обработал рану, сменил повязку и проколол Каю обезболивающее, антибиотики, противовоспалительное и витамины для поддержания организма, а также поставил капельницу с физраствором. Доктор сказал, что с пациентом все в порядке, не о чем волноваться — в целом, рана несерьезная и помощь оказана вовремя. Температура начала падать, он сейчас спит под воздействием лекарств и придет в себя только завтра.

Тоями настоял, чтобы его сейчас пустили в палату, хоть на минуту. Ему пошли навстречу — дали взглянуть на Кая.

Коджи опять пришлось буквально насильно тащить за собой Тоями, который хотел остаться у палаты. Постепенно голос разума возобладал над эмоциями, и Тоями, послушав Коджи, пошел заниматься работой в штабе.

К вечеру он узнал о состоянии пациента у дежурной медсестры, получив положительную информацию по его здоровью, пошел ужинать с Коджи. За ужином они долго обсуждали произошедшее и много говорили о Кае.

Кай опять поразил Тоями — его твердость, мужество, отчаянная и несгибаемая воля. Он не попросил бы у них помощи, никогда не попросил. Сам бы с пулей в боку ползал и менял колесо на машине. Неудивительно, что о его героизме и безбашенности столько легенд ходят.

А как перенес боль! Даже не стонал. Тоями посмотрел на свое запястье — там остались незаметные с первого взгляда небольшие синяки — это пальцы Кая, когда он сжимал его руку. Только по силе его пальцев на запястье он понимал, насколько Каю было больно.

А это действительно больно — терпеть, когда из свежей раны вынимают пулю, а затем, прокалывая кожу, стягивают ее нитками.

Кай, он не перестает его удивлять. Каждый раз, при каждой их встрече. Это невероятно! Тоями после ужина и всех событий сегодняшнего дня пошел к себе. Сейчас ему хотелось побыть одному.

Но больше всего на свете ему хотелось увидеть Кая.

«Завтра я тебя увижу. Теперь ты полностью в моей власти. Уже не убежишь. Вот и поговорим», — Тоями улыбнулся, понимая, что удача на его стороне.

Глава 7 (1 часть)

Кай очнулся рано утром, сначала не понимая, где он и почему он здесь. Осмотревшись, понял — это явно была больничная палата, по ее убранству было понятно: она предназначалась для высшего командного состава. В палате он был один.

Боли он не чувствовал, только сильную слабость и туман в голове, который мешал четко видеть окружающие предметы.

Он вспомнил события вчерашнего дня.

Тоями, Коджи, как они были внимательны и добры к нему, как будто они знают его уже сто лет! И с чего они такие? Он даже терялся, не понимая почему они себя так ведут. К нему, конечно, многие хорошо относились, но это все было чисто формально. Он вообще не помнит, чтобы с ним кто-то так ласково говорил. Он вспомнил успокаивающие слова Коджи и тихий шепот Тоями.

Да, он помнит все, что он тогда тихо произносил, склоняясь над ним. Он помнит его руку, стирающую салфеткой пот с его лба. Даже боль не заглушила эти ощущения. А еще он помнит, как легко он поднял его на руки, бережно прижав к себе, и понес к машине.

Его объятья — он прижимал его к себе всю дорогу, и ему было хорошо, тепло и спокойно. Никогда у него в жизни не было ощущения такого спокойствия, как в этих объятиях.

Кай вздрогнул от собственных мыслей.

«Наверное, вчера это от боли и потери крови меня так накрыло! Этим все можно объяснить. С любым в таком состоянии могло быть такое, мало ли что почувствуешь, когда из тебя без обезболивающего пулю вынимают.»

Объяснив самому себе свои чувства и мысли, Кай опять погрузился в сон.

В следующий раз он очнулся от сна, когда пришли медсестры и доктор. Доктор был приятно удивлен его знанием японского языка, хотя сначала стал говорить с ним на английском.

Он очень внимательно осмотрел рану, посмотрел все данные по его анализам, которые ему принесли, и дружелюбно заявил, что очень доволен результатами. Затем Кая перебинтовали и покормили.

После обеда, когда Кай лежал с полужакрытыми глазами, прогоняя от себя всякие глупые мысли, в палату зашли. Это были Коджи и Тоями.

Кай даже залюбовался ими. Два высоких, подтянутых, спортивного телосложения мужчины. Одному не было тридцати, другому уже за тридцать, но их идеальные фигуры говорили об их хорошем физическом состоянии. Военная форма подчеркивала их мужественность и очень им шла.

Коджи сел на стул рядом с кроватью Кая, а Тоями встал в ногах кровати и все время прожигал его взглядом своих холодных серых глаз.

— Как наш больной? — Коджи был в прекрасном настроении и готов был распространять свой позитив на всех.

— Спасибо за помощь.

— Ну надо же! А я-то думал, что ты только грубить умеешь, а ты еще и благодарить можешь, — Коджи говорил это в шутку, вспоминая вчерашний принципиальный отпор Кая.

— Я не люблю напрягать просьбами незнакомых мне людей.

— Хорошее объяснение, логичное. Ну, теперь, надеюсь, мы познакомились? Ты будешь нас напрягать просьбами?

— Надеюсь, мне это не придется делать, — смотря на Тоями, ответил Кай.

— Да, я тоже очень надеюсь, но если тебе понадобится помощь — ты будешь считать нас своими друзьями!

Кай посмотрел на Коджи, почему-то он вызывал у него симпатию, казалось, он его давно знает, наверное, внутренне Коджи был открыт и очень по-доброму к нему расположен.

Не дожидаясь от Кая ответа, Коджи продолжил:

— Кстати, пригнали твой джип. Я понимаю, порядок тебе не свойственен?

— Меня все устраивает.

— В таком ответе я даже не сомневался, правда, Тоями?

— Можно помочь тебе в нем убраться? — спросил Тоями.

— Делайте, что хотите.

— Вот и вся благодарность! Кай, ты всегда так недоверчив к людям?

— Я в плену? — Кая мучил этот вопрос, он хотел понять свой статус пребывания здесь.

— Нет! Мы связались с твоим руководством. Они за тобой пришлют машину через два дня, раньше забирать тебя доктор не рекомендовал. Вот твой телефон, я его зарядил, — Коджи положил на прикроватную тумбочку телефон Кая, — ты так себя настороженно ведешь, потому что думал, что в плену?

— Я ничего не думал, просто я спросил, чтобы знать.

— Скажи, а по-нормальному ты говорить не можешь? — Тоями такой стиль ответов уже начинал выводить из себя.

— Я не просил со мной разговаривать. Я вас уже поблагодарил, что помогли, что еще от меня нужно?

— Ты что такой дикий-то? Вроде, когда с Аршадом в отеле сидели, нормальный был.

— Тоями, не сейчас! Кай такое перенес, ему нужно время в себя прийти, силы восстановить, — Коджи видел, что Тоями заводится, — ведь правда, Кай? Может, ты хочешь, чтобы мы тебе что-нибудь принесли из еды? Что ты любишь?

— Спасибо. Мне ничего не нужно.

— Ты, наверное, хотел сказать от нас ничего не нужно? — Тоями приблизился к Каю с другой стороны кровати и надвис над ним.

Тогда Коджи увидел глаза Кая. В огромных, неестественно зеленых глазах Кая был испуг. Тот мужественный герой, которого они видели на дороге и продолжали с ним вести себя так же, как с бравым прожженным войной офицером, которому все нипочем, сейчас показал свое истинное лицо, без маски и напускного героизма. На Тоями смотрели глаза испуганного мальчишки, который не знал, чего ждать, находясь в полной их власти.

Коджи это понял, поэтому такой тон, поэтому такие ответы, поэтому он сейчас себя так ведет. Он просто их боится!

— Тоями, пойдем выйдем! — Коджи взял за руку Тоями, который даже не успел ничего ему возразить и вывел его из палаты.

— Отпусти меня! — Тоями вырвал руку, они шли по больничному коридору к выходу.

— Успокойся! Послушай меня! Послушай своего более мудрого в таких делах друга.

Выйдя на улицу, Тоями закурил, немного успокоился. Поведение Кая его сильно взбесило. Вместо нормального, адекватного человека, он столкнулся с диким, дерзким юнцом, который бесил его каждым своим ответом.

— Тоями, проанализируй спокойно всю картину ваших с Каем взаимоотношений. Ты сначала произвел на него достаточно положительное впечатление. Вы сражались вместе — это ему понятно и близко. Потом он видит твою другую сторону, причем ты решил сразу приступить к делу. Ты набрасываешься на него с поцелуями, затем изощренным методом все-таки добиваешься этого поцелуя, и теперь он попадает к тебе в логово. Ты видел его глаза? Вся эта напускная бравада, лишь защитная стена. Он еще ребенок, неискушенный мальчишка, оказавшийся в пекле войны. Он многое пережил, и, как я понял, не лучшего в своей жизни. И теперь видит перед собой двух взрослых парней, понимает, что беспомощен. Ты напугал его! Я, кстати, из-за тебя тоже в его глазах выгляжу не лучше. Просто монстры-извращенцы.

— А разве мы такими не являемся?

— Ты хочешь быть таким по отношению к нему? Молчишь. Я же видел твое лицо, когда ты склонялся над ним, там, на дороге. Я тебя таким никогда не видел, — Коджи тоже закурил, — ты чувствуешь к нему намного больше, чем просто желание обладать, — он опять затянулся сигаретой, — я завтра один к нему пойду, нужно разрушить этот образ, в котором он нас видит, — видя возражение Тоями, Коджи добавил, — а потом пойдешь ты. Не переживай, все будет нормально. Нужно, чтобы он поверил нам — тебе.

***

Сейчас у Кая было много времени обо всем подумать.

Когда ушли Коджи и Тоями, он включил телефон и позвонил полковнику. Петр Иванович был рад его слышать, похвалил за хорошую работу по получению разведданных и пожелал выздоровления. Машину за ним действительно должны были прислать через два дня, доверяя словам доктора.

«Значит, его не обманули.»

Он не хотел верить, что эти два человека могут его обмануть, но в его жизни было столько всего — глупо вот так верить незнакомым людям, тем более, этому Тоями. Он ему уже чуть было не поверил, а потом оказалось, что он такой странный.

Кай вспомнил его слова, когда у него вынимали пулю, этот тихий, проникновенный голос и потом тепло его объятий, когда ему было так больно.

«Глупости! Я просто еще не в себе, вот всякое в голову и лезет.»

***

На следующий день, после полудня, к нему пришел Коджи. Один, без Тоями. Кая это удивило.

Сейчас Кай полусидел на кровати, ему приподняли изголовье и подложили под спину подушки — так было намного удобнее. В целом, он себя чувствовал прекрасно, мешали лишь небольшая слабость и неприятная тянущая боль в области раны, заглушенная обезболивающим. Но переносить боль он привык, поэтому даже не обращал на нее внимание. Он соблюдал все рекомендации доктора, так как очень хотел быстрее поправиться.

Коджи радушно поздоровался с ним и вел себя так, как будто они были уже сто лет знакомы. Сначала Кай держался сдержанно и настороженно, но обаяние и искренность Коджи разбили выставленную Каем защитную стену.

Они болтали обо всем, Коджи много расспрашивал Кая об его увлечениях, интересах. Кай хоть и не хотел особо об этом говорить, но Коджи все таки разговорил его.

Только в обед, когда Каю пришли делать перевязку, он, сославшись на дела, ушел. Перед уходом предупредив, что вечером его навестит Тоями. И очень попросил не сердиться на его друга за выходку с поцелуем. Признавшись, что тоже участвовал в этом заговоре — две недели сражался с англичанами, чтобы попасть в их штаб и забрать эти дискеты. Кай был поражен услышанным. Коджи это понял. Он дружески приобнял Кая за плечи и быстро вышел.

Хорошо, долго думать об услышанном было некогда. Сначала осмотр доктора, затем перевязка. Потом обед. Он ел, заставлял себя есть, понимая, что это нужно для его выздоровления. Затем начались всевозможные процедуры, уколы, капельницы, а потом он заснул.

***

В роскошный шатер Тоями в обед влетел странно возбужденный Коджи с пакетом в руке. Подойдя к столу, за которым сидел Тоями и что-то писал в планшете, он высыпал все содержимое пакета.

— Что это?

— Молчи и слушай! Он удивительный! Нереальный! Это алмаз, бриллиант! Это твой подарок судьбы! Я потрясен! — Коджи схватил Тоями за плечи и начал его трясти, — понимаешь, таких, как он, не бывает! Он уникален! Я очарован им! Только ничего такого не подумай! Я не трону этот цветок, но и тебя прибую, если ты будешь себя вести с ним, как похотливая скотина!

— Хватит! — Тоями вышел из себя от слов Коджи, — я ведь могу и обидеться!

— Послушай, что я тебе про него расскажу, — казалось, Коджи настолько был очарован Каем, что сейчас не замечал ничего. Он, не обращая внимание на суровое лицо Тоями, стал ему подробно рассказывать об его визите к Каю сегодня и о том, что он о нем узнал.

Коджи за такой короткий промежуток времени удалось многое узнать о Кае.

Действительно, сначала Кай молчал и отвечал короткими фразами, но потом стена недоверия рухнула, и Коджи узнал то, что и не предполагал открыть в этом странном юноше.

— Кай родился в Москве, да, в самой Москве! Его родители образованные и обеспеченные люди, они с детства прививали Каю желание к знаниям. Он никогда не ходил в школу, ему родители нанимали педагогов на дом и поэтому он далеко опережал своих сверстников в образовании. Вот почему у него учебники в машине, он учится. Он постоянно учится, и сейчас он получает заочное образование в Оксфордском и Кембриджском университетах на каких-то определенных условиях. Сдает курсы по интернету и летает на сессии в Европу.

Коджи понял по лицу Тоями, что тот очень удивлен.

— Это еще не все, — продолжил Коджи, — знаешь, откуда он так хорошо знает японский? Оказывается, в доме его родителей живет друг семьи — японец и он с раннего детства обучал Кая всему: японскому языку, владению мечом, технике боя, культуре и традициям Японии.

— Значит, у Кая есть сэнсэй — учитель.

— Да, настоящий сэнсэй. А теперь, представь маленького мальчика, слушающего рассказы о самураях и мечтающего самому стать таким, — Коджи лукаво прищурился, смотря на Тоями, — и здесь появляешься ты — настоящий самурай, герой его детских грез!

— И что? Он мечом владеет лучше, чем я, — скептически ответил Тоями.

— Ты же с ним не драться хочешь?

Они рассмеялись.

Коджи продолжил:

— Пойдешь к нему, оденешься соответствующе, он должен видеть героя своей мечты! Но это еще не все. Он очень талантливый, это идеальное произношение в языках из-за того, что у него музыкальный слух. И еще — у него прекрасная память. Поэтому изучение языков и учение ему дается легко. Я понял, что в его семье знание английского считалось так же естественно, как и знание родного языка. А вот арабский он изучал, ему нанимали учителей. Он и сейчас его изучает, ему, оказывается, нравится читать в подлиннике древние арабские книги — представляешь?!

— Не очень. Хорошо, что еще? — Тоями с интересом слушал все это.

— Еще он, будучи здесь, изучил афганский с местными наречиями, но он сказал, что они схожи с арабским — есть много общего — и потом, с его памятью ему не составило труда, общаясь здесь, запомнить местные языки на бытовом уровне.

— Почему он здесь? — это для Тоями стало загадкой.

— Не знаю, он обходит эту тему. Не стоит об этом его сейчас спрашивать. Одно понятно:

ему здесь не хочется быть, но что-то его заставляет, вообще, я не понял. Но не поднимай этой темы. И еще не спрашивай у него о родителях, там тоже что-то не так. Он очень болезненно на это реагирует, — Коджи вспомнил затравленный взгляд Кая, когда он стал расспрашивать о его семье, — в Москве у него остался друг, с которым он дружит с детства. Его зовут Прохор. Как я понял, он из плохих парней, что-то типа бандита. Родители были против их дружбы. Кай скучает по другу. Только ты не подумай, это действительно только друг, настоящий. Понимаешь?

— Да, я понял тебя. Я вообще понял, что Кай не относится к тем, кто встречается с мужчинами, — задумчиво произнес Тоями.

— Ты отступишь?

— Нет, — Тоями помолчал, — уже не смогу. Я его глаза даже ночью вижу. Это как наваждение какое-то.

Повисла тишина. Помолчав немного, Коджи продолжил рассказ о Каяе. Оказалось, Кай прекрасно разбирается в медицине, в частности — хирургии. Ему это очень интересно. Как врач врача, они прекрасно поняли друг друга и долго разговаривали на столь специфическую тему. Коджи вообще об этом не с кем было поговорить, а здесь какой-то русский — и с такими знаниями в данной области, что он его слушал с открытым ртом.

Потом Коджи выяснил, что Кай из всех наук он любит химию и физику.

Здесь уж Тоями сделал странное выражение лица, которое повеселило Коджи.

— Да, друг мой! Он любит химию! Кстати, поэтому он и бывает у Гора. Там у них в закрытой лаборатории суперсовременное оборудование. Понимаешь, там он может заниматься тем, что ему нравится — быть ученым.

Постепенно лицо Тоями менялось, в конце рассказа Коджи Тоями сидел на своем кресле за столом и с отрешенно-растерянным видом смотрел перед собой.

Видя это, Коджи с лукавой улыбкой помахал пред носом Тоями коробкой шоколадных конфет.

— Ты не поверишь! — Коджи продолжал лукаво улыбаться, — наш супергерой — этот неустрашимый воин, мастер меча — любит шоколад!

Тоями удивленно поднял глаза на коробку конфет.

— Вот смотри, ты сейчас пойдешь к нему. Я кладу в пакет все, что нужно ему принести: учебники, его тетрадки, ручки. Он сказал, что будет заниматься, пока есть время. Самое главное, это шоколадные конфеты! Вот! — Коджи протянул Тоями пакет, — это максимум, что я мог для тебя сделать, мой дорогой друг! И самое главное, помни, что он напуган — тобой, твоим поведением. Ему нужен друг, он одинок, совсем одинок. Он должен тебе поверить.

Глава 7 (2 часть)

Кай проснулся к вечеру. Медсестра по его просьбе подняла ему опять спинку кровати. И сейчас он сидел и играл в телефон.

«Как хорошо, что можно просто вот так жать на клавиши и бить нереальных монстров в виртуальной игре. Главное, не думать.»

Сейчас он не хотел слушать свои мысли. Все это бред. Ему надо выздороветь, вот его основная цель.

В дверь тихо постучали. Это был Тоями.

Кай бросил на него быстрый взгляд, оторвавшись от экрана телефона и понял, что дыхание перехватило.

Тоями был в боевом военном кимоно при полном параде. Два боевых меча торчали с лева из под широкого шелкового пояса на его талии. Черное кимоно надетое на белое, полосы которого контрастно выглядывали в запахе на груди, эффектно подчеркивали красоту его владельца. Гладкие черные волосы были зачесаны назад, лишь несколько тонких прядей спадали на глаза, которые сверкали холодом серой стали в их чуть раскосом разрезе.

Тоями увидел в глазах Кая, что произвел на него впечатление и мысленно поблагодарил за такую подсказку Коджи.

— Привет! Что делаешь? — спросил Тоями, видя увлеченный взгляд Кая в экран телефона.

— Привет. Вот, — Кай показал Тоями картинку игры с боем. — Тоями готов был все, что угодно, увидеть в телефоне, но только не игру. Он вообще не понимал, как можно играть в компьютерные игры. Нет, понимал, когда тебе четырнадцать лет, но вот в более позднем возрасте... Поэтому сейчас, видя, что Кай играет в бой с монстрами, он застыл, не зная, что ответить.

Кай перевел дыхание, после такого вида Тоями и продолжил:

— Присаживайся, подождешь минутку, я доиграю. Знаешь, никак не могу пройти этот уровень, постоянно проигрываю, — не отвлекаясь от монитора, он продолжил говорить, — хотя нет, вот неделю назад уже дошел до финала, но здесь по нам артиллерия начала работать. Пришлось отвлечься, если бы не это, я бы уже на восьмом уровне был.

Кай оживленно жал кнопки, явно эта игра его полностью отвлекала от всего, так показалось Тоями. На самом деле, Кай пытался сосредоточиться на игре, чтобы восстановить душевное равновесие выбитое таким неожиданным внешним видом Тоями.

— Ну вот! Опять проиграл, — удрученно сказал он, откладывая телефон.

— Это я виноват, отвлек тебя.

— Нет, не ты, просто мне этот уровень никак не дается, — Кай, наконец, заставил себя еще раз посмотреть на сидящего пред ним на стуле Тоями, — извини, тебе, наверное, это неинтересно.

— Мне все интересно. Вот смотри, я принес тебе все, что ты просил.

Тоями аккуратно выложил на прикроватную тумбочку учебники, тетрадки и ручки. Затем достал коробку конфет и обреченно протянул ее Каю, думая, что это была милая шутка Коджи.

Кай оживился, взяв коробку, снял с нее обертку и с восторгом заглянул внутрь.

— Я люблю такие, чтобы внутри был мягкий шоколад, — Кай медленно развернул одну конфету и, откусив половину, закрыл глаза.

Сейчас его лицо выражало удовольствие от процесса медленного поглощения шоколадной

конфеты.

Тоями еще больше растерялся: он думал это шутка. Такой прикол Коджи. Но нет! Кай медленно жевал конфету, и было понятно, что это ему нравится.

— Ты любишь шоколад?

— Да. Я разочаровал тебя?

— Почему?

— Ты сидишь с таким обреченным лицом, как будто твой мир рухнул, — Кай откусил еще кусочек от шоколадной конфеты и облизал губы от шоколада.

— Нет, просто я совсем ничего о тебе не знаю, — Тоями видел это — эти губы, то, как он по-детски невинно провел по ним языком. Внутри него поднялась сладкая волна и мурашками пробежалась по всему телу. Тоями понимал, что теряет контроль над собой.

— Разве тебе это важно? — Кай почувствовал в воздухе странное напряжение, он проглотил шоколад и нервно втянул в себя воздух.

— Да! — Тоями медленно пересел на кровать, мечи на его талии, глухо ударившись друг о друга издали приглушенный звук.

Сейчас Тоями был совсем рядом от Кая, который вжался в подушки и понимал, что больше ему отступить некуда.

— Я пугаю тебя? — Тоями очень аккуратно взял руку Кая в свою, — у тебя очень красивые руки. Такие тонкие пальцы, как у музыканта.

Он поднес его пальцы к своим губам и нежно прикоснулся к ним.

Кай не знал, вернее, не понимал что с ним, что вообще происходит и как он должен поступить. Он чувствовал теплые губы Тоями на своих пальцах. Его дыхание и нежные прикосновения. Кай, как замороженный, наблюдал за всем, что делал Тоями.

Тоями взял вторую руку Кая, так же поднес его пальцы к своим губам. Опять горячее дыхание, от которого почему-то побежали мурашки по коже.

Кай понимал, что нужно что-то сказать, но понял, что забыл японский. Предложение в голове никак не строилось.

«Тогда скажу на английском», — подумал он, пытаясь вспомнить английский.

— Не делай так, пожалуйста.

— Что ты сказал?

Кай понял, что сказал это на русском.

Поняв по смыслу, что ему сказал Кай, Тоями ответил:

— Тебе это неприятно?

— Не нужно это делать, — наконец, Кай вспомнил японский.

— Почему? Ведь это обычная нежность. Ты болен. Я даю тебе тепло. Ты не привык к такому?

Кай растерялся окончательно. Слова Тоями загнали его в тупик. Да, он не привык к нежности.

Тоями продолжал прикасаться губами к его пальцам, оставляя на них поцелуи.

Затем его лицо стало медленно приближаться. Кай хотел оттолкнуть его рукой, но понял, что он держит его руки.

Тоями медленно стал опускаться к губам Кая, в последний момент Кай отвернул голову в сторону и почувствовал жаркое дыхание Тоями у своего уха.

— Мой хороший, не бойся. Позволь мне быть с тобой рядом, — прошептал Тоями.

— Тоями, я не настолько болен, чтобы не двинуть тебе.

Эти слова и тон, каким они были произнесены, отрезвили Тоями, он выпрямился, затем выпустил руки Кая и встал с кровати.

— Нет — ты болен, если считаешь нормальным отвечать грубостью на нежность к тебе. Ты вообще способен чувствовать?! — Тоями в отчаянии смотрел в глаза Кая, пытаясь увидеть в них хоть каплю тепла.

Глаза Кая были холодны и отрешены от всего.

Тоями подождал, затем чуть склонился в поклоне и вышел из палаты.

Кай дождался, когда его шаги стихнут в коридоре, и только потом откинулся на подушку. Его трясло мелкой дрожью. Он протянул руку за бутылкой с водой. Жадно отпил.

«Что со мной? — Кай прислушивался себе, — что это? Мне нравилось то, что он делал?»

Я явно еще не выздоровел. Это действие лекарств! Тоями, ты озабоченный псих!"

***

Зайдя в свой шатер, Тоями увидел Коджи, который, развалившись на его диване, смотрел телевизор. При его приходе он вскочил и бросился к нему.

— Ну, и как все прошло? — возбужденно спросил Коджи.

— Нормально, — огрызнулся Тоями.

— То есть, все плохо! Рассказывай, что было.

Тоями нервно ходил, затем налил себе виски и залпом выпил.

— Я не смог сдержаться, он сводит меня сума! Я так хочу прикоснуться к нему, к его губам! Понимаешь, я даже большего ничего не хочу! Пусть только позволит целовать себя, обнимать, прикасаться к себе! — Тоями выпил еще виски, — не считай меня идиотом. Я все понял, о чем ты говорил. Но пойми и ты меня! У меня просто в глазах все темнеет, когда я чувствую его

рядом. Понимаешь это?!

Тоями налил еще виски и залпом выпил.

— Я понимаю тебя, — с грустью в голосе произнес Коджи. — Ты опять напугал его?

— Не знаю, наверное. Я ничего не делал! Вернее попробовал. Но он ничего не чувствует. Ничего!

— Пей! Тебе это поможет. Завтра пойдем вместе к нему. Хорошо?

— Да.

***

Вечером следующего дня в палату Кая постучали. Зашли Коджи и Тоями. Кай сначала напрягся, но Коджи он доверял, и его присутствие скрашивало непонятную ситуацию между ним и Тоями.

— Мы тебя отвлекаем? — Коджи смотрел на учебники, лежащие на одеяле, и тетрадку в его руке, в которую он что-то оживленно вписывал при их приходе.

— Нет, я потом продолжу, — Кай закрыл тетрадку и положил ее в сторону.

Коджи с интересом ее полистал, затем взглянул на Кая

— Химическая цепочка, тебя действительно это увлекает?

Поскольку Коджи учился в мединституте, то тоже неплохо знал химию. Найдя в этом общие точки соприкосновения, они начали говорить. Коджи понимал, что разговор на отвлеченные темы поможет убрать опять возведенную Каем стену.

Тоями сейчас лишь наблюдал за ходом беседы.

Потом разговор плавно перешел на военные темы.

В следующий час Коджи удалось убрать недоверие Кая, и они разговаривали, как давние друзья, обо всем.

Были моменты, когда Кай улыбался, вспоминая с Коджи веселые случаи из военной жизни. Тогда Тоями задерживал на нем свой взгляд и любовался его улыбкой. Кай чувствовал на себе этот взгляд, он смущался и отводил глаза в сторону, опять не зная как себя вести.

— У тебя такие разносторонние знания и интересы: медицина, химия, физика, — наконец, в разговор вступил Тоями.

— Это все из одной области. Разве можно быть военным не зная анатомию человека, — ответил Кай.

— Ты хотел сказать, убивать человека, не зная его анатомию, — продолжил его мысль Тоями.

— Не только убивать, но и знать степень и сложность ранения и вовремя оказать медицинскую помощь, — Кай посмотрел на Коджи, — поэтому я хорошо изучил анатомию и медицину, а химия — это одна из составляющих медицины.

— Ты хочешь стать врачом? — спросил Тоями.

— Раньше хотел стать хирургом.

— А сейчас?

— Сейчас уже не хочу.

— Почему? — Тоями смотрел на задумчивое лицо Кая.

— Не люблю кровь. Не хочу большее ее видеть, — ответил Кай.

То, с какой болью сказал это Кай, заставило всех замолчать. Повисла неловкая тишина. Первым нарушил ее Коджи:

— За тобой завтра приедут, — немного грустно сказал он, — после обеда. Мы сегодня с тобой прощаемся. Завтра поедем в другой штаб, не сможем тебя проводить.

Кай молча слушал, понимая, что ему особо нечего сказать.

— Может дашь свой номер телефона? Ты ведь бываешь часто в Камрате, можно вместе пообедать сходить? — спросил Коджи.

Кай понял, что стоит это сказать, как бы данная тема не была ему неприятна. Но он должен это сказать!

— Я хотел сказать, не стоит нам больше пересекаться и, тем более, встречаться, — увидев их немой вопрос, он продолжил, — я не встречаюсь с мужчинами, и я не сплю с мужчинами, — Кай говорил это холодно и спокойно. — Я думаю, у нас с вами разные интересы. Я не хочу продолжать наше общение.

— Ты не спишь с мужчинами или не спал с мужчинами? Это две разные вещи, — Тоями, сев на кровать Кая, схватил его за плечи и медленно стал приближать к себе, — прежде, чем отказываться от чего-либо, может, стоит попробовать?

Кай выставил перед собой руки и уперся в грудь Тоями.

— Тоями, отпусти его! Слышишь! Он же ранен! — Коджи понимал, что сейчас Тоями полностью потеряет контроль над собой.

— Тебе повезло. Не сейчас. Я подожду! — Тоями резко оттолкнул Кая от себя, затем встал и вышел из палаты.

Кай сидел бледный, опустив глаза, нервно теребя пальцами краешек одеяла.

— Кай, не обижайся на него. Ты все не так понял. Я действительно хотел просто, чтобы мы были друзьями. А твой ответ, он задел Тоями, вот он себя так и повел.

— Я все сказал. Извини. Тебе тоже лучше уйти, — Кай говорил это, не поднимая глаз, так же теребя одеяло.

— Хорошо. Я понимаю. Выздоровливай.

Понимая, что больше ничего от Кая он не услышит, Коджи тоже вышел из палаты.

Кай откинулся на подушку. Он смотрел в потолок.

С улицы доносились голоса, чей-то радостный смех, возгласы. Легкий ветерок захлопнул створку окна, Кай вздрогнул от неожиданности. Звук прозвучал резко, а затем в палате наступила тишина. Закрытое окно уже не позволяло слышать так отчетливо людей на улице. Каю казалось, что пустота медленно выползает из углов комнаты и заполняет ее. Стало трудно дышать.

«Здесь слишком тихо. Слишком тихо...»

Глава 8

За Каем прислали машину, как и сказал Коджи, во второй половине дня. Но вместо того, чтобы отвезти его в гарнизон, Кай узнал, что полковник отправляет его в центральный закрытый госпиталь в Камрате. Понимая, что он не в силах что-либо изменить, Кай смирился с судьбой и еще неделю пролежал в закрытом госпитале. Его радовало только то, что была возможность спокойно заниматься. Погруженный в учебники, он не замечал, как идет время.

Приехав в гарнизон, Петр Иванович настоял, чтобы Кай еще одну неделю провел на больничном. Видя молящие глаза Кая, батяня пошел на компромисс и разрешил болеть Каю у себя в квартире, но при одном условии — если он заметит его на улице, то сразу отправит в госпиталь. Кай согласился. Лучше сидеть в своей квартире, чем в госпитале, даже в отдельной палате.

Он опять приступил к учебе. Поэтому такое вынужденное заточение его не страшило.

Вечером в его дверь постучали. Это была Ирка. Она неуверенно жалась у двери. Кай посторонился, она юркнула внутрь и сразу проскользнула на кухню, начав там греметь посудой. Кай не стал ей мешать.

С Иркой, помощницей повара при офицерской столовой у него были достаточно давние отношения, но главным во всем этом было то, что их отношения строились без взаимных обязательств друг перед другом. Именно поэтому Кай и был с ней уже так долго. Хотя Ирка и не блистала красотой — худенькая, такая же невысокая как Кай, с курносым носиком и каштановыми волосами до плеч, всегда собранными в хвост. Ее все считали странной. Наверное, за ее отстраненность от всех и в то же время постоянное ее не замолкающее щебетание, даже если собеседник и не интересовался тем, что она говорила. И конечно, никто не понимал, почему она здесь и не уезжает. Как-то Кай пытался выяснить у нее это, но она как обычно смущенно повела плечиками и стала щебетать о чем-то другом.

Ирке завидовало все женское население гарнизона, все знали о ее отношениях с Каем. Заполучить такого красавчика себе! Никто так и не понял, почему такая странная курносая девчонка смогла добиться от него того, чего так и не смогли добиться первые красавицы гарнизона.

Секрет был прост — Кай не хотел к чему-либо обязывающих отношений. Он сам себе не принадлежал, его жизнь подвергалась постоянному риску, он просто не мог себе позволить строить с кем-либо серьезные отношения. К сожалению, с теми, кто сначала готов был просто встречаться, постепенно Кай чувствовал, что от него ждут большего, а это большее он не мог дать.

Как он мог дать то, чего не было у него самого, — будущего.

Только Ирка, такая странная, которая могла часами говорить обо всем, даже если ее не слушали, казалось, даже не замечала их отношений. Настолько ровно и безболезненно она все воспринимала, что Кай понял: он для нее всего лишь только момент физической близости и не более. Вот так эта близость и тянулась, не обрастая лишними разговорами, условиями и обещаниями. Они просто трах***сь, так как были молоды и их тела хотели найти физическую разрядку.

И сейчас Кай знал, что Ирка приберется на кухне, приготовит ужин, а потом просто залезет в его постель, дожидаясь, когда придет он. У них был секс, самый обычный, практически с целомудренными позами и всегда под одеялом, так как Ирка очень всего стеснялась. Этот секс приносил им облегчение от зова плоти и лишних мыслей.

***

Утром Кай, одетый в обычную майку и джинсы, так как все равно сидел дома практически под домашним арестом, услышал стук в дверь.

Оказалось, что вчера после прихода Ирки, он так ее и не запер. Дверь открылась, и в комнату вломилась пацаны во главе с Шером, последним вошел Себастьян.

С ходу, увидев Кая, Шер выпалил, оглушая гостиную громким голосом:

— Говорят, ты с парнем целовался?

За спиной Шер уловил шорох, обернулся и понял, что из двери спальни выходит Ирка.

Повисла тишина.

Первый опомнился Шер и как-то неуверенно произнес:

— Привет, Ирк, а мы вот тут больного пришли навестить, — понимая, что больше сказать нечего, Шер замолчал.

Ирка, глупо улыбаясь, взяла свою кофточку с дивана и, сутулясь, прошла мимо расступившихся ребят. Так ничего и не сказав, она вышла в любезно открытую перед ней дверь.

Кай понимал, что сейчас тормозить Ирку глупо. И тем более глупо пытаться ей что-либо объяснить. Поэтому он молча ждал, когда она выйдет, а затем перевел взгляд на Шера.

Шер поежился под его взглядом, но сказал:

— Ну так вот, слухи такие до пацанов дошли.

— Себастьян, ты считаешь я должен что-то объяснять? — говоря это, Кай перевел взгляд на Себастьяна.

— Пацаны хотели знать, — не очень уверенно начал Себастьян.

— Стоп, — Кай жестко прервал Себастьяна, — ты, по-моему, забываешься — я не отчитываюсь перед тобой. По-моему, все наоборот. Если ты хочешь быть в команде Прохора, ты отчитываешься передо мной. Или Прохору сказать, что ты выходишь из игры?

— Нет, — сейчас Себастьян понимал, что его отчитывают как мальчишку, но он сам виноват,

что допустил такую ситуацию, что пошел на поводу у своих людей.

— Тогда держи своих людей сам под контролем, сегодняшний вопрос был непозволителен ко мне. Ты понял?

— Да, — четко ответил Себастьян, затем попытался поменять тему разговора, — как твое здоровье, ты был ранен?

— Пустяки, пуля срикошетила, батяня как всегда перестраховывается, вот и запретил выходить мне из квартиры, хотя давно все уже зажило.

— Ну, он прав, лучше тебе отдохнуть, — Себастьян понял, что на сегодня разговор уже не клеится. Кай продолжал прожигать всех холодным взглядом.

— Выздоровливай, — сказал Себастьян и вышел из квартиры Кая, за ним, так же молча, последовали все остальные.

Когда они вышли, Кай плюхнулся на диван.

«И все это из-за тебя Тоями. Это у вас, самураев, нормально друг с другом, а у нас за такое презирать будут. Так я всех друзей потеряю. И откуда эта информация просочилась? Неужели я настолько популярен, что всем есть дело, где и с кем я там целуюсь?»

***

Выйдя от Кая, Себастьян дождался, когда к нему подойдет Шер. Он резко обернулся к нему:

— Кто тебе разрешал рот открывать?

— Но мы же хотели об этом Кая спросить? — Шер понимал, что Себастьян взбешен не на шутку.

— Я должен был говорить. Ты что-то в последнее время забываешься, вести себя стал как-то неправильно. Забыл, кто здесь главный? — Себастьян сгреб за грудки Шера и прижал его к машине, — запомни, Кай не только друг Прохора, он его «правая рука», ты это понимаешь?! Мы теперь работаем с Прохором. Он наш босс! А Кай все здесь контролирует. Какое право ты имел спрашивать у него отчет о его действиях?

— Но нужно было же выяснить — это слухи или правда, — пролепетал Шер.

— Что, выяснил? Теперь из-за тебя он с Ирккой поссорился.

Себастьян отпустил Шера и сел в машину, понимая, как глупо все поучилось. Он вообще приехал его навестить, как только смог, зная, что Кай после ранения восстанавливается. А здесь Шер выступил. И вот результат — испортили отношения ему с Ирккой и сам он с ним теперь в натянутых отношениях.

«Шера нужно убирать,» — опять эта мысль возникала в голове Себастьяна, — тем более сейчас, когда Прохор в Москве налаживает сеть по сбыту, а они входят в его структуру, что дает им защиту и власть над другими. Прохор молодец, такую империю строит, скоро всех под себя подгребет».

***

Отсидев в своем заточении положенную неделю, Кай включился в жизнь гарнизона.

В один из дней его срочно вызвали в штаб, пояснив, что для него есть работа. В штабе были все основные и штабные офицеры. На столе лежали карты и листочки с координатами от разведки. Работали мониторы компьютеров, передавая последние данные со спутника.

Кай зашел, поздоровался.

Полковник ввел его в суть его работы — нужно было освободить высоту от моджахедов и разместить на ней своих. Кай сразу приступил к просмотру данных разведки и данных по спутнику о расположении сил противника.

— А команды Варфоломея со мной не будет? — не отрываясь от бумаг, спросил Кай у полковника, который сидел рядом за столом.

— Нет, они на другом задании, в горах, вернутся нескоро. Под твое командование идет комбат Петренко и его ребята. Тебе еще кто-нибудь нужен из людей? — уточнил Петр Иванович, смотря, как Кай быстро просматривает все данные.

— Нет, вы же хотите, чтобы все было по-тихому. Зачем мне тогда толпу народу с собой брать? — закуривая, сказал Кай.

— Просил же не курить здесь, — наигранно возмутился батяня.

— Только одну, — попросил Кай.

— Ладно, тебе можно.

Разве мог он ругаться на Кая.

«Пусть курит! Все равно бесполезно. Он ведь у нас здесь на особом счету. Вроде как неприкосновенный», — подумал Петр Иванович, смотря, как Кай закуривает свою тонкую сигарету с приятным запахом корицы.

Кай стал уточнять данные по последним перемещениям противника в этом районе. Наткнуться на еще кого-то совсем не хотелось.

Затем встал.

— Сидор Иванович, пойдете обсудим детали, — сказал Кай, показывая Петренко на выход и сам идя к нему.

— Я предполагал услышать от тебя здесь план операции, — сурово сказал Петр Иванович, видя, что Кай готов удалиться, даже не посчитав нужным согласовать с ним детали.

— Но вы же хотите, чтобы быстро и тихо, — я выполню ваш приказ. Можно идти?

— Иди, — махнул Полковник, понимая, что Кая не переделать.

«Самоуверенный, наглый мальчишка! Никому не позволял себя так вести, только Кай мог так поступать! Даже не удосужился ввести меня в ход операции!» — про себя думал Петр Иванович, смотря на идущего к двери Кая.

Кай с Петренко пошли в его штабную палатку. Туда пришло несколько командиров рот.

Кай уже знал как действовать. В его голове вырисовался четкий план. Ему осталось только его объяснить командирам, согласовать по количеству народа, которое ему нужно для участия в операции, и время выезда.

Все доверяли Каю, поэтому по плану никто не спорил, только уточняли непонятные моменты и технические подробности.

Сидр удивился такому детально проработанному плану действий.

«Когда он успел — только приехал, быстро ознакомился с диспозицией и уже все просчитал. Даже придаться не к чему. Это, действительно, лучший, вернее, единственно правильный вариант, как им действовать, как выбить духов с занятой ими высоты», — думал Сидр, еще раз просматривая план местности.

До выезда было два часа. Нужно было подготовить БТРы, оружие и ввести в курс людей, кто в этом участвует. Этим занялись командиры под присмотром Сидора.

У Кая было свободное время. Он предупредил Петренко, чтобы за ним заехали к Себастьяну, он будет там. Петренко поморщился — ему не нравились эти уголовники.

«Что он с ними постоянно? Вот дались они ему!» — про себя подумал Сидор, но Каю не стал говорить — бесполезно.

Кай не стал терять времени, заехал домой переодеться, а уж потом поехал к Себастьяну.

После той неприятной встречи они не виделись и не говорили. Кай посчитал, что показательная акция с его стороны закончена и нужно восстановить мир с Себастьяном. Да и в целом он на него не обижался, но считал, что Себастьяну нужно строже быть со своими людьми. Что-то его власть пошатнулась в последнее время.

У Себастьяна он появился в полном вооружении: в защитном камуфляже с платком на шее, автоматом наперевес, патронами, гранатами, пистолетами и ножами.

Зайдя в гостиную, где были все, он поздоровался. Понял, что все застыли от его такого боевого вида.

— Круто, конечно. Ты один против всех войной идешь, что ли? — Шер сейчас дружески-миролюбиво был настроен к Каю.

— Нет, не один. Но пострелять придется, вдруг что понадобится — вот и взял все с собой.

— Что-то серьезное? — обеспокоено спросил Себастьян, показывая жестом Каю на кресло, чтобы он присел.

— Да, духи шалят. У меня немного времени, скоро за мной заедут. Но хотелось перед поездкой к вам попасть, — Кай помолчал, все поняли о чем он хочет сказать, — я насчет того... предлагаю забыть все.

Кай протянул руку Себастьяну, который с радостью ее пожал, потом протянул руку Шеру, с которым они обменялись крепким рукопожатием.

— Ты, наверное, есть хочешь? — но вспомнив, что Кай обычно никогда не хочет есть, Себастьян продолжил, — вернее, сейчас тебе принесут поесть.

— Нет, не нужно, — видя суровое лицо Себастьяна, Кай пояснил, — понимаешь, перед боем есть не стоит, если кишки простреливают, лучше без еды...

На лице Себастьяна пробежала тень тревоги. Шер тоже отвел взгляд в сторону, чтобы по его глазам никто не понял, что он переживает.

— Да все нормально будет, не в первой... — Каю не хотелось их расстраивать.

— Ты, кстати, с Ирккой помирился? — виновато спросил Шер.

— Да, у нас с ней все нормально, — это действительно было так, как и ожидал Кай, Ирка просто продолжила их отношения без лишних расспросов и выяснения тех слов Шера.

— Это хорошо, — сказал Шер.

Лицо Кая стало грустным, он спросил:

— Новости от Прохора есть?

Себастьян знал, что Каю часто очень тяжело самому звонить Прохору, а узнавать о новостях через него было намного проще, не так болезненно. Кай очень скучал по той его прошлой жизни.

Себастьян стал рассказывать о планах Прохора о налаживании канала сбыта оружия и наркотиков и то, как они здесь должны все это отработать.

Кай слушал, понимая: то, что делает Прохор, — плохо, но Прохор всегда был таким, и Кай знал, кто его друг. Но главное, что знал Кай — что бы ни делал Прохор в этой жизни, он всегда будет с ним и всегда будет ему во всем помогать, как бы это ни противоречило его мировосприятию. Вот и сейчас Кай понимал, что это несет смерть людям — то, что хочет продавать Прохор, — но если это не сделает его друг, это сделает другой. Этот мир жесток, здесь всегда будут продавать наркотики и оружие, и он не изменит порядок вещей. Поэтому Кай смирился с этой мыслью и жил надеждой на слова Прохора о том, что когда у Прохора будут большие деньги и власть, он сможет вырвать Кая из рук спецслужб и сделать его свободным.

Глупая, абсурдная надежда — но только она давала Каю силы жить в этом аду.

Кай сидел в кресле, затягиваясь сигаретой, глаза его блестели, непокорный локон спадал на лоб, автомат небрежно стоял, прислоненный к креслу. Ему шла эта форма, и все оружие, которое было на нем еще больше подчеркивало его утонченную юношескую красоту и контраст с окружающими вокруг его людьми.

Себастьян пристально посмотрел на него, посмотрел еще раз, но уже по-другому — как мужчины смотрят на то, чем хотят обладать — и тогда понял, что, возможно, эта глупая сплетня, в которую он не верил, может оказаться очень даже правдоподобной. В какой-то момент он даже залюбовался им.

Но для него Кай всегда будет только друг. Он никогда не интересовался такими связями и, даже когда при нем опускали очередного бедолагу, он не принимал в этом участие, считая, что лучше женщин может быть только много женщин. Другое дело, что как мужчина он мог понять то, какими глазами смотрят на Кая, кому такие отношения интересны.

«Неужели Кай пойдет на это? Нет, стоп! Как я мог такое о нем подумать, он же не виноват, что

так выглядит. Я никогда в нем не сомневался и теперь я твердо знаю одно, что он настоящий пацан.»

Себастьян устыдился собственных мыслей и порадовался, что его оценивающий взгляд Кай не заметил на себе.

За окном слышался шум БТРов.

— Это за мной, — Кай встал.

— Пойдем, провожу тебя, — вставая, сказал Себастьян.

Остальные тоже вышли на улицу.

На улице перед раскрытыми воротами стояла вереница из десяти БТРов.

На пороге казармы Кай обнялся с Себастьяном и Шером, махнул остальным ребятам и пошел в сторону БТРов.

— Что-то слишком масштабно, — Шер закурил, стоя на крыльце.

Себастьян тоже закурил, говорить не хотелось.

Они смотрели, как Кай залез и сел на броню БТРа. Колонна тронулась, подняв столбы пыли.

***

Ехали в ночи. Долго. Ближе к месту разделились. Дальше все действовали четко по плану.

БТР Кая остановился в ущелье. С пятью бойцами он двинулся к заданной высоте. Сначала шли, потом ползли. Вышли на заданную точку. В контрольное время двинулись дальше к первому часовому, которого успешно сняли. Здесь начался обстрел БТРов с левого фланга.

Моджахеды бросились туда. У Кая и его бойцов было время незамеченными продвинуться дальше, к первому орудию, снять там охрану и развернуть его на девяносто градусов. Затем они открыли огонь по расположенным на высоте огневым точкам духов. Их подержал другой БТР, который успел за это время доехать до заданной точки.

Духи метнулись к их флангу, но было уже поздно: они укрепились, время было упущено. Кай с двумя бойцами, прикрываясь камнями, доползли до стреляющих духов сбоку от них.

Духи не ожидали получить автоматные очереди практически с тыла. Продолжалась беспорядочная стрельба, потом рукопашный бой. Судя по раздающейся с разных точек канонаде, Кай понимал, что очередной БТР вышел на точку и ведет огонь. Занятая духами высота была освобождена за полчаса. Еще полчаса они прочесывали местность и отстреливали укрывающихся в засаде моджахедов.

На рассвете все было закончено.

Собрались у БТРов. Кай по радиации сообщил обстановку. Ему выслали вертолет и взвод солдат, которые в ближайшей месяц должны будут держать эту высоту под своим контролем. Чтобы больше таких накладок не происходило. Только тогда, когда духов удастся оттеснить дальше в горы, можно отсюда убрать блокпост.

Вертолет забрал раненых. Убитых из своих не было. Это было очень хорошо, такого не предполагали, но Кай верно все просчитал. Конечно, могла быть случайность — значит, сейчас повезло.

Еще сутки сидели на высоте, ждали сначала прибытие взвода, потом грузовиков с вещами для обустройства высоты. Затем ждали, пока ребята там обстроятся, окопаются, выставят орудия. Так их бросать было нельзя. Моджахеды могли напасть в любой момент, чтобы вернуть себе высоту. Поэтому БТРы стояли на заданных точках. Каждый на своем месте держал определенный участок местности под контролем.

***

Кай полулежал на БТР, изредка просматривая местность в бинокль. Солнце было в зените. Жара, сухой воздух, пропитанный мелким песком, вернее, песчаной пылью. На небе ни облачка. Вокруг однотонно желто-коричнево-серый пейзаж. Камни, камни, камни и песчаная пыль.

Все одинаково, глазу не за что зацепиться. Впереди долина, уходящая за горизонт. С трех сторон скалы и предгорье скал: каменистые холмы, переходящие в горы.

Он привык видеть все это и вдыхать этот сухой пыльный воздух.

В душе промелькнуло воспоминание:

«Ранее утро, еще солнце не взошло, но уже светло. Поле с легким налетом тумана. Трава в серебристых каплях росы. Воздух, упоительно свежий, вдыхаешь — и кажется, пьешь чистую влагу из окружающего тебя пространства.»

В груди привычно защемило.

«Нельзя разрешать себе об этом думать!»

Кай сосредоточился на просмотре местности через бинокль.

— Федь, выпить что есть? — понимая, что воспоминания не уходят, Кай, увидев, что молодой лейтенант сидит рядом на соседнем БТР, решил спросить у него живительной влаги для души.

Федя, потянулся за флягой, но потом, видя лицо Кая, постучал по броне БТРа.

— Сань, заначку дай!

Из глубины БТРа вылез Саня с фляжкой в руке.

Федя ловко бросил фляжку Каю на соседний БТР.

— Кай выпил несколько глотков. Коньяк, дешевый, но какое счастье, что он есть. Потом так же бросил фляжку обратно.

— Спасибо, спас!

— Всегда рад помочь, — Федя был рад, что Кай обратился к нему. Он в первый раз с ним был в бою. Его впечатлило все в Кае. Он не ожидал, что можно быть настолько безрассудно-бесстрашным. А бывал Кай без сожаления, даже страшно становилось. А сейчас совсем

другой, уставший, грустный...

Так они просидели до вечера, потом распределили несение караула на ночь. И только в полдень следующего дня выдвинулись обратно в гарнизон.

Доехали так же без происшествий, за исключением незначительной перестрелки, которые здесь уже стали обыденными. Кто-то из-за скал пустил очередь по дороге, ему в ответ дали пару очередей. Такая местная традиция.

Приехав, сразу пошли в штаб на отчет о проделанной работе.

Кай это не любил, поэтому просто сидел за столом, подробно рассказать о произошедших событиях и без него есть кому.

Уже ночью им разрешили идти отдыхать.

Кай попросил, чтобы его подбросили до его квартиры. Зайдя в нее, свет включать не стал, глаза и так болели от напряжения дня. Устало сел на диван, снял душивший его сейчас платок с шеи, расстегнул португепю, дотянулся до бутылки коньяка и бокала. Плеснул коньяк, посмотрел, как в отблесках уличных фонарей поблескивает темная жидкость, вдохнул ее пьянящий запах и отпил глоток.

Его мучила совесть. Ведь тогда, в больничной палате, он хоть и не хотел этого, но нагрубил им. Его ответ, то, как он о них отозвался, можно было расценивать как оскорбление. Назвать педи**ми двух людей, которые спасли его, беспомощного, на дороге и потом нянчились с ним. Кай понимал, что был неправ. Но поведение Тоями, все это выбило его из колеи, и он решил, что его грубость решит все его проблемы. Он вспомнил искреннего Коджи — он и его обидел своими словами.

«Нехорошо, конечно, получилось», — думал Кай.

Но как он мог прекратить все это? То, с чем он столкнулся и не знал, как найти выход. Он запутался, не понимал, как правильно себя вести. Эти глаза Тоями, его слова, прикосновения — все рушило его внутренние устои, и то, в чем он был убежден, рассыпалось, как карточный домик. А он старался это собрать, опять соорудить эту стену и сказать, что она нерушима. Что он точно знает, что правильно, а что — нет. И, оттолкнув от себя людей, грубо, жестко, он оправдывал себя своими принципами и правилами в своей жизни.

Вот только почему-то на душе было муторно. Он залпом выпил коньяк. Потом еще и еще и, наконец, достиг желаемого результата, когда алкоголь и усталость заглушили все, что его терзало и мучило. Свернувшись калачиком на диване, он уснул.

Глава 9 (1 часть)

За эти месяцы диспозиция по фронтам поменялась. Были достигнуты договоренности о взаимовыгодном сотрудничестве между японскими и русскими войсками.

В целом, все это Каю было безразлично, пока его не вызвали в штаб, где полковник стал подробно рассказывать о его предстоящем задании.

Суть его заключалась в том, что при подписании договора о сотрудничестве одним из условий с японской стороны, было предоставление им возможности инспектировать участки фронта русских.

Из штаба пришло секретное донесение, что на Кая возлагают миссию проехать по заранее оговоренным участкам с японским представителем и предоставить ему возможность их инспекции.

Кай понимал, что это глупая затея и пустая трата времени, но высшее командование, которое сидело далеко и слишком высоко, всегда придумывало какие-нибудь задания, главное, чтобы их исполняли.

Поездить по разным участкам их фронта — займет неделю, если не больше. Их огневые позиции были раскинуты на достаточно большой территории. Еще и не везде туда можно легко попасть.

Но в целом эта идея Каю понравилась. Наконец, была возможность выехать из гарнизона, а то который месяц уже здесь. И конечно представилась возможность побывать на других участках фронта, где у него много знакомых и друзей.

«Может, думать о всяком некогда будет», — подумал про себя Кай.

Поэтому это задание он воспринял с энтузиазмом. Уточнил, когда нужно ехать. Петр Иванович сказал, что завтра к двенадцати утра сюда приедет японская делегация и привезет своего представителя, который поедет с Каем.

Дальше они в течение нескольких часов подробно обсуждали маршрут их движения. Полковник сказал, что об их приезде будут все в курсе. Им будет оказан соответствующий прием, и японскому представителю будет показано только то, что он должен видеть. На Кая возлагалась миссия шофера и сопровождающего в одном лице, так как он знал всю местность и многие ее особенности и, главное, знал, что можно говорить и что не следует. Это Кая тоже вполне устроило.

Выйдя от полковника в позитивном настроении, он остаток вечера провел у Себастьяна, где у одного из ребят был день рождения. Столы ломились от еды и напитков. Кай много говорил, рассказывал и смеялся. Такое настроение очень порадовало Себастьяна — Кая он все чаще привык видеть грустным и молчаливым.

***

На следующий день Кай был готов к поездке. Закинул сумку с необходимыми вещами в багажник и по максимуму затарился оружием. Сам оделся в темный военный френч с брюками, заправленными в высокие армейские ботинки. На френче не было особых знаков отличия и его принадлежности к какой-либо армии. В такую поездку лучше не надевать то, что сразу станет мишенью — лучше не светиться.

Его джип помыли — об этом очень просил полковник — чтобы машина выглядела соответствующе. Хотя Кай не понимал зачем, ведь через километр пыльной дороги она станет еще более пыльной, чем была до этого. И еще батяня попросил навести порядок внутри машины, зная о склонности Кая к полному беспорядку. Вот этого Кай даже для него сделать не мог. Он вспомнил, насколько после уборки в машине, когда он был в госпитале, все было идеально и непривычно чисто и уютно. Но поддерживать такой порядок он долго не смог, и все пришло в прежнее состояние — полного бардака.

В штабе в кабинете полковника уже все собрались, только ждали приезда японской делегации. Кай, получив завершающие ЦУ от Петра Ивановича, со скучающим видом сидел за столом, тоже ожидая их прихода.

Наконец, в кабинет вошли пять японских военных, учтиво поклонились.

Среди них был Тоями!

Внутри у Кая все похолодело, но он и виду не подал. Так же как и Тоями, который тоже его увидел, но равнодушно скользнул по нему глазами и стал смотреть в другую сторону.

Кай понимал, что его поведение там, в больничной палате, было не очень правильным. А мягко говоря, просто грубым, ведь он реально обозвал Коджи и Тоями пидор***ми, хоть и выразил это в мягкой форме. И вот теперь ему предстояло взглянуть опять этому человеку в лицо.

Кай сидел, кусал губы, даже не замечая этого, и нервно вертел ручку в руке.

Тоями еще раз скользнул по нему взглядом:

«Ну что, мальчишка, совесть замучила? Нагрубил взрослым дядям, думал, никогда больше не встретимся, а вот нет — встретились. Кусай теперь губы», — Тоями улыбнулся про себя, смотря на Кая.

Говорили на английском. Сначала пошла долгая официальная часть приветствия и представления всех со стороны японской делегации, потом с их стороны. Потом обмен любезностями. Затем перешли к вопросу инспекции их фронта японским представителем.

Тогда полковник сказал, что с их стороны на данную инспекцию едет Кай. Представитель японской стороны сказал, что их представителем они назначили господина Тоями Такеру.

Кай понял, что он попал! Вот это издевка судьбы, ничего не скажешь!

«Почему из всех японцев едет Тоями? Или он специально все подстроил? Нет, специально не мог».

О назначении Кая на эту миссию не знал никто.

«И с этим извращенцем мне придется быть наедине столько времени! Все, хватит, что я как девица извелся! Полезет с глупостями — сразу огреbet по полной, несмотря на то, что представитель дружественной стороны», — решил про себя Кай, стараясь успокоиться.

Кай попытался придать своему лицу равнодушное выражение. Бросил взгляд на Тоями, тот так же равнодушно смотрел в другую сторону.

Наконец, встреча подошла к концу, все вышли на улицу.

Принесли сумку Тоями, Кай открыл багажник джипа, чтобы ее туда положили, так же сохраняя на лице маску безразличия.

Потом с ними долго прощались, и наконец, они пошли к машине.

Открыв дверцу машины справа, Тоями увидел бардак в машине Кая.

— Сейчас не все так плохо, как в первый раз, — смотря на разбросанные по салону вещи, сказал Тоями.

Кай молча сел на водительское кресло и, сгребая все, что лежало на сиденье рядом, просто

бросил назад. Тоями усмехнулся такому решению проблемы.

Когда машина миновала ворота гарнизона, Кай включил внутреннюю аппаратуру, все датчики и, убедившись, что все нормально, стал набирать скорость.

— Ремень пристегни, — буркнул Кай и нажал на включение музыки.

Во все колонки ударила волна музыки. Звук был громким, играл очередной забойный эстрадный трек. Кай выставил маршрут на навигаторе и еще добавил скорости.

Краем глаза он увидел, что Тоями все-таки пристегнул ремень безопасности.

Через полчаса прослушивания очередного музыкального хита, Тоями приглушил звук.

Кай бросил на него злой взгляд.

— Не любишь такую музыку?

— Не люблю, когда так громко, — безразлично смотря в окно ответил Тоями.

После этого никто не стал дальше продолжать разговор. Кай не хотел начинать первым, да и о чем говорить? Он просто выполняет свою работу. Поэтому, сосредоточившись на дороге, он старался не думать о том, кто рядом с ним.

— Я не знал, что ты будешь в инспекции от русских, — закуривая очередную сигарету и выпуская дым в приоткрытое окно, задумчиво сказал Тоями, — ты можешь не переживать, я никогда не смешиваю работу с личным.

— А с чего я должен переживать? И о каком вообще можно говорить личном? Между нами нет ничего!

— Тогда тебе стоит вести себя по-другому. Я здесь не твой друг. У меня задание и у тебя тоже, мы выполняем работу.

Кай понял, что ему нечем ответить на разумные доводы Тоями. Он его загнал в тупик.

Он был прав. Кай не имеет права себя так вести. Он на работе.

Кай выключил музыку.

— Извините, господин Такеру, за громкую музыку. Если у вас есть вопросы по первому месту вашей инспекции, можете их задать.

Тоями бросил на него быстрый взгляд. Лицо Кая было серьезно, он не шутил, говоря все это.

— Можно не так официально — нам все-таки работать вместе, и музыку можно оставить, только не так громко, — Тоями протянул руку и включил музыку, убавив громкость до приятного тихого звучания, — итак, раз мы все между собой выяснили, приступим к работе. Первый пункт моей инспекции гарнизон в долине Эльбрас. Меня интересует...

Дальше он стал подробно расспрашивать Кая о дате организации там гарнизона, численности военного состава, основных операциях, в которых участвовали военные дивизии с этого гарнизона, и еще о многом.

Кай понял, что Тоями решил на нем оторваться по полной! Вот он попал! И послать нельзя, а как хотелось!

В течение нескольких часов Кай отвечал на вновь возникающие вопросы Тоями.

***

В маршруте их движения была оговорена остановка на отдых. Они проезжали сейчас достаточно безопасную от военных действий местность. Здесь располагался небольшой городок с приличным заведением, где можно было перекусить и передохнуть.

Кай остановился у него.

— Здесь запланирована первая остановка на отдых, — кратко пояснил он.

— Хорошо, пойдём.

От Тоями не ускользнуло то, как Кай устало откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. Видно, его расспросы достигли своего результата — он его хорошо вымотал.

Кай собрался с силами и пошел за Тоями в местную закусочную.

Внутри все было в национальном стиле, но вполне прилично и цивилизно.

Пока Кай был в туалете, где поливал лицо холодной водой, чтобы прийти в норму, Тоями сам заказал все для них двоих.

Увидев столько еды, Кай устало сказал:

— Ты еще не знаешь, я столько не ем.

— Ты будешь есть! Тебе меня возить по гарнизонам, я не хочу чтобы ты от голода сознание потерял.

Каю опять было нечего возразить. Он молча стал есть, не поднимая глаз от тарелки.

Тоями ел с аппетитом, его забавляла данная ситуация и то, как просто он загоняет Кая в тупик.

«Зря ты решил со мной тягаться, — думал Тоями, — я опытнее и расчётливее тебя.»

Каю движут эмоции. Он же, в отличии от Кая, прекрасно управляет своими. Он понял Кая, понял, что тот испытал, когда узнал, что они едут вместе.

«Думал меня больше не увидеть в своей жизни? — Тоями коварно улыбнулся. Но, видно, судьба решила по-другому. Ты сам у меня попросишь пощады! Я научу тебя быть покладистым.»

Тоями понимал, что с таким щитом самоуверенности и надменности, который Кай вокруг себя выстроил, у него нет шансов пробиться к нему. Значит, Кай сам должен пойти навстречу.

«Начнем хитростью разрушать эту стену.»

Закончив обед, они поехали дальше. По графику движения прибыть в гарнизон они должны были к восьми вечера. Но случилось несколько непредвиденных обстоятельств в виде частично

разбомбленной дороги, где пришлось снизить скорость и буквально ползти, еще пары объездов и заминированный участок. В результате в гарнизон они приехали к часу ночи.

Хорошо, что их ждали.

Для размещения им выделили отдельные комнаты в здании офицерского общежития. Кай был несказанно этому рад. Ему хотелось только одного: дойти до кровати и упасть спать. Хорошо, что хоть оставшуюся часть дороги Тоями прекратил донимать его расспросами, но напряжение от опасных участков и объездных дорог дало о себе знать. Доплеться до кровати он провалился в сон.

На следующее утро поспать ему не дали. За ним прислали, сказав, что господин Такеру требует его присутствия на инспекции гарнизона.

Быстро одевшись и ругая в душе Тоями, он поплелся в штаб, где его ждали.

Началась инспекция.

Зачем он нужен был Тоями, было понятно — для издевательств над ним! Вся информативную часть на себя взял майор гарнизона, Кай просто ходил рядом, понимая, что вполне все могли обойтись без него.

Они ходили по частям, казармам, осматривали размещение военнослужащих, техники, построек. Потом поехали на позиции укреплений. Ходили по окопам и огневым точкам. Затем был обед, потом все опять продолжилось.

Но это еще не все!

Потом его присутствие было обязательным на торжественном ужине, посвященном приезду представителя дружественной стороны.

К двенадцати ночи Кай, опять полностью измотанный всем этим, еле доплелся до кровати и провалился в сон, не забыв поставить будильник на шесть утра — это было оговоренное время их выезда.

Засыпал он с одной единственной мыслью в голове:

«Тоями, я тебя ненавижу»!

***

В шесть утра они выехали в сторону следующего гарнизона. Все повторилось в точности так же, как и в первый раз.

В дороге Тоями опять начал расспрашивать Кая все о гарнизоне у реки Тонар. Эта попытка продолжалась до обеда.

На обед они заехали к своим на блокпост у пересечения дорог. Там был развернут полевой лагерь. Их ждали и покормили.

Потом они продолжили путь.

Иногда Каю казалось, что Тоями ждет, когда Кай попросит его прекратить эти бессмысленные

расспросы.

«Или только казалось?»

Тот бросал на него изредка взгляды, Кай это чувствовал. Почему-то ему казалось, что Тоями все-таки ждет от него просьбы о пощаде.

«Не дождешься!»

Кай решил не сдаваться. Хотя было тяжело. Напряжение дороги и постоянные расспросы Тоями выматывали. Но он никогда не станет просить его пощады.

Тоями видел, что Каю тяжело, он явно достиг своего результата. Эти бесконечные расспросы выматывали его.

«Глупый мальчишка! Тебе только стоит попросить меня — и я прекращу тебя мучить!»

В гарнизон у реки Тонар они приехали опять поздно ночью, опять из-за тех же особенностей военных дорог.

А утром все началось по тому же сценарию, что и в предыдущем гарнизоне.

Кай выдержал все. Хождение по гарнизону, боевым позициям, обед, затем ужин. Так же упал спать, поставив будильник на шесть. В мозгу опять сверлила одна единственная мысль.

«Тоями, я тебя ненавижу!»

***

Пятый день.

Все тоже самое. Теперь расспросы были о их новом месте, куда они ехали — о укреплении на горном перевале Эль-Рашад.

К полудню Тоями попросил сделать остановку. Каю не нравилась эта местность. Но что поделаешь, если Тоями нужно выйти.

Машину он остановил у обочины, с двух сторон были валуны и небольшие насыпи — это было предгорье, впереди были горы.

Кай пошел в другую сторону от Тоями. Он всегда старался при таких остановках держаться от него подальше.

К машине вернулся первым. Закурил. Сзади слышались шаги Тоями и характерный щелчок — это сработало устройство на mine.

— Замри, мина! — крикнул Кай, обернувшись.

Тоями сам услышал щелчок и сразу остановился.

— Ты под ноги не пробовал смотреть? — зло сказал Кай, открывая багажник.

— Что ты делаешь?

— Ты достал меня уже со своими вопросами. Стой теперь и молчи!

Кай порылся в багажнике и, достав отвертку, медленно стал приближаться к Тоями.

— Что ты хочешь делать?

— Тебя спасти. Ты против?

Тоями смотрел на приближающегося к нему Кая.

— Стой, не подходи, я не хочу чтобы и ты погиб, — Тоями понимал, что он обречен, если он чуть ослабит давление раздастся взрыв.

— Заткнись и стой тихо.

В тот миг Кай не осознавал, что именно тогда он сделал свой выбор на перепутье судьбы. Он сделал шаг, который навсегда изменил его, его жизнь, его судьбу. Шаг, который изменил мир вокруг него и его в этом мире. В этой жизни так бывает, когда мы даже не осознаем, что именно в это мгновение судьба дает нам выбор и мы сами принимаем решение, за которое потом расплачиваемся всю свою жизнь. Никто никогда не знает, правильным было то решение или нет. Но выбор сделан. Черта пройдена, и часы начали отсчет другого времени для тех, кто сам подписал договор с судьбой.

Кай аккуратно приблизился к Тоями, сел на землю у его ног и стал руками очень медленно разгребать мелкие камешки с песком. Тоями сверху наблюдал за его действиями. Теперь их жизни были объединены в одну, и это уже было навечно.

Кай не спешил, он отодвинул весь мешающий песок и камни от мины, а затем начал что-то в ней откручивать. Затем опять стал руками откапывать бок мины.

Тоями видел, что его руки уже сбиты в кровь, пальцы были поцарапаны мелкими острыми камнями и на них выступили кровавые бороздки. Кай даже не обращал на это внимание.

Через какое-то время он просто сказал Тоями, что тот может отойти.

Тоями не стал ничего спрашивать, он ему верил. Он отступил назад.

— Отойди от меня, — тихо сказал Кай сосредоточенно что-то окручивая в мине, которую продолжал держать руками.

Тоями медленно подошел и сел с ним рядом. Кай поднял глаза.

— Я буду с тобой, — просто сказал Тоями, смотря в глаза Кая.

Через пять минут, Кай раскрутил мину и вынул зарядное устройство, которое аккуратно отнес и положил на камень. Взрывать он это не хотел. Лишний шум им был не нужен.

— Спасибо.

— За что? — практически равнодушно спросил Кай.

— Ты спас мне жизнь.

— Так бы каждый поступил.

— Нет. Не каждый.

— Поедем, здесь мы и так слишком долго, — отряхиваясь, Кай пошел к машине.

В багажнике была бутылка воды, он открыл ее, чтобы полить на руки.

— Давай, я помогу, — Тоями забрал у него бутылку воды и полил ему на руки. Затем достал аптечку, — нужно обработать.

Кай хотел возразить, но подумал, что кровоточащие пальцы будут мешать вести машину и протянул руки Тоями.

Тот промыл их антисептиком и каждый порезанный палец обмотал пластырем. Получилось очень забавно.

— Давай я поведу машину, — видя его перемотанные пальцы, предложил Тоями.

— Нет. Это моя работа.

«Вот упрямый!» — но спорить с ним не стал. Просто сел, но уже не донимал расспросами.

Кай это оценил. Эта была лучшая благодарность от Тоями.

В укрепление Эль-Рашад по плану они должны были приехать ночью, но опять дорога внесла свои коррективы.

Они много времени потеряли, разминировав мину. Потом Тоями заставил его остановиться на обед в местном придорожном заведении, а затем на вечерние горы спустился туман. И они ползли в нем, в результате сбились с дороги. В этот момент спутник не работал, что-то сбоило, а когда появилась связь, они поняли, что свернули не на ту дорогу, и сейчас было глупо возвращаться. Самое безопасное — это заночевать здесь.

Найдя ответвление от дороги, Кай поехал по нему, и за кустарником и камнями фары осветили небольшую нишу в горе в виде пещеры. Здесь они и решили остановиться на ночь.

Костер было нельзя разводить, это привело бы к непредсказуемым последствиям. Ночные гости, пришедшие на огонек, им были не нужны.

Сначала решили спать в машине, но потом передумали. Даже при мягких сиденьях это неудобно — потом тело затекает так, что на следующий день еле разогнешься. Уж это Кай знал по себе.

Дно пещеры было устлано мелким песком. Он прогрелся за жаркий день и сейчас приятно отдавал тепло. Тоями принес из багажника два армейских одеяла и две куртки, чтобы их подложить под голову.

Была светлая лунная ночь. Туман рассеялся. Луна освещала спящие горы. Это зрелище завораживало. Кай стоял и смотрел на эту вечную красоту.

Почувствовал, что начинает замерзать. Ночью в горах было холодно. Он вернулся в пещеру и взял одеяло, завернулся в него, понимая, что это нужно было сделать раньше. Теперь ему будет тяжело согреться. Холод он не любил, вернее, переносил очень плохо. Мерз всегда — даже когда другим было тепло, он чувствовал, что замерзает. Первыми у него мерзли пальцы рук, с руками всегда была проблема. Хотя, когда холодно, он всегда надевал перчатки.

«Может, и сейчас стоит надеть?» — промелькнула здравая мысль, когда он почувствовал, что пальцы рук еле шевелятся.

Тоями воспринял это по-другому, все это время он краем глаза наблюдал за ним.

— Я сейчас еще раз перевяжу твои пальцы.

— Не нужно, сами заживут.

— Нет, нужно, — Тоями принес аптечку и указал рукой на бревно перед входом в пещеру, здесь было светло практически как днем, настолько ярко светила луна на безоблачном небе.

Кай хотел начать спорить, но почувствовал, что усталость и напряжение дают о себе знать.

«Пусть делает, поскорей от меня отстанет», — он сейчас хотел лечь, завернуться в одеяло и попробовать заснуть.

Кай протянул руку. Тоями взял ее и поднял глаза на Кая.

— Тебе холодно? У тебя ледяные пальцы и рука, — сейчас Тоями держал его руку в своей, аккуратно растирая ее своими теплыми руками.

— Я плохо переношу холод, — таким разумным ответом Кай хотел завершить эти расспросы, — ты хотел перевязать пальцы, — Кай попытался убрать свою руку из рук Тоями, но тот ее не отпустил.

— Да, сейчас, — он, наконец, приступил к отклейке лейкопластыря с пальцев, — ты же русский, у вас всегда холодно, а ты мерзнешь, хотя сейчас просто прохладно?

— У тебя странное представление о России, там не всегда холодно, — Кай замолчал.

Тоями увидел, как по его лицу пробежало напряжение, когда он произносил слово Россия, видно, для него это было болезненное воспоминание.

Кай продолжил немного грустным голосом:

— Там бывает холодно, зимой. Зимой мне там тяжело было... но это было давно.

Он замолчал, вспоминая зиму, снег, мороз. Хруст снега под ногами. Прохора, который всегда над ним подшучивал из-за его «мерзлявости», как он это называл.

Как однажды Прохор отобрал у него варежки, сказав, что он мужик и должен не бояться мороза, а потом, когда они пришли в их подвал и Прохор увидел, что пальцы у Кая не шевелятся, как он испугался. Извел на него всю бутылку водки, растирая ему руки. Потом ребята долго бурчали, что в пустую такое добро перевели. Как это было давно, в другой жизни в другом мире...

Тоями видел, что Кай что-то вспомнил, он не мешал ему погрузиться в эти воспоминания, лишь наблюдал за его лицом, продолжая заниматься перевязкой его пальцев.

Когда все было закончено, Кай буркнул «спасибо» и плотнее запахнул на себе одеяло. Стало еще холоднее, его начало потрясывать от проникающего под одежду холода.

Тоями это видел. Он отложил аптечку в сторону, взял свое одеяло и обернул им Кая, затем, сев с ним рядом на бревно, обнял его.

— Что ты делаешь,пусти! — Кай попытался вырваться, но два одеяла сковывали его движения.

— Согреваю тебя. Прекрати дергаться! Я не хочу чтобы ты заболел. Мне нужен здоровый водитель, — говоря это, Тоями с легкостью сдерживал шебуршания Кая в одеялах.

Опять Тоями воспользовался запрещенным приемом и поставил Кая в тупик. Кай притих.

«Хорошо. Тогда немного согреюсь, поблагодарю его за заботу и пойду спать.»

Решив так, Кай замер.

Тоями почувствовал прекращение сопротивления и, перехватив руки, сильнее прижал Кая к себе.

Кай почувствовал тепло. Сегодня был тяжелый день. То, что произошло с Тоями, очень сильно напугало его. Да, он давно так не пугался за кого-то. Он даже себе боялся в этом признаться.

Когда он увидел Тоями стоящим на mine, внутри у него все оборвалось. Он ведь знал, что малейшая оплошность — и взрыв. И когда он шел ее обезвреживать, он не был ни в чем уверен. Все дело случая: можно спасти человека, а можно и самому подорваться, но тогда он не думал о себе. Он хотел спасти его. Тогда думать или переживать было некогда.

Даже потом, в машине, он не думал о произошедшем. Нужно было ехать. Теперь все напряжение того момента накатило на него. Он почувствовал слабость от пережитого нервного напряжения и тепло, которое окутывало его, а еще руки, которые его держали, и в этих объятиях было так непривычно хорошо.

Тоями почувствовал, что Кай заснул. Как своенравный ребенок, который сначала сопротивлялся, но стоило его вот так прижать к себе — и все, оборона рухнула, он прекратил сопротивление, сдался, приняв его тепло.

Тоями аккуратно снял с него одно одеяло, кинул его на песок и, подняв на руки Кая, положил его на одеяло. Затем лег с ним рядом, подлез в его одеяло и прижал его к себе. Кай даже не проснулся. Тоями понимал, что он устал, устал от дороги, устал от его расспросов, и эта мина — он же понимал сколько отняла она у него напряжения и внутренних сил.

Он чуть приподнялся на локте, посмотрел на лицо Кая, освещенное светом луны и нежно прикоснулся губами к его виску.

— Спасибо тебе, — затем замолчал, задумался и тихо прошептал, — я люблю тебя.

Лег, плотнее прижал к себе спящего Кая, заботливо поправив на нем одеяло. Спать не хотелось, он лежал и смотрел на луну и ночное небо в огоньках звезд.

«Неужели, правда, я его полюбил? Полюбил. Что это, ведь я никогда никого не любил. Мимолетные увлечения, физическая тяга, страсть, похоть. Да, все это было в моей жизни. Почему сейчас к нему я чувствую что-то другое? Такое, что никогда не чувствовал ни к кому. Это любовь? Не знаю. Ничего не знаю. Не понимаю себя. Не понимаю, что происходит со мной. Но знаю одно: я так счастлив быть с ним рядом».

Он еще долго лежал и думал обо всем, что с ним сейчас происходит.

Глава 9 (2 часть)

Тоями проснулся первым, но не захотел вставать. Ему было хорошо вот так сейчас — лежать и обнимать Кая, слыша его ровное дыхание.

Кай проснулся и понял, что его кто-то обнимает сзади. Он резко дернулся, обернулся, увидел лицо Тоями, дернулся еще раз и, запутавшись в одеяле, отполз в сторону.

— Мы так спали всю ночь? — с ужасом спросил Кай.

— Да, — Тоями продолжал лежать, только приподнял голову и облокотился на руку. Его позабавило лицо Кая, — ты вчера замерз, я согрел тебя, и ты заснул. Что, мне нужно было будить тебя?

— Можно было просто оставить меня, — Кай чувствовал себя сейчас очень неудобно. Вместо сугубо рабочих отношений между ними происходит непонятно что. Но явно то, чего Кай так старался избежать.

— Оставить тебя, чтобы ты замерз? Не переживай, я с тобой ничего не делал, просто вдвоем теплее спать.

Каю было нечего ответить. Он встал и стал складывать одеяло.

— Вставай, нужно ехать, — не оборачиваясь, бросил Кай, идя к машине.

***

До укрепления Иль-Рашад при свете дня они доехали быстро. Там их ждали, накормили, и, когда Кай уже приготовился таскаться за Тоями с осмотром всего, Тоями, развернувшись к нему, произнес, что на сегодня он в его сопровождении не нуждается.

Это означало то, что он может идти в отведенную ему комнату отдыхать. Кай растерялся и побрел к себе. Еще он вспомнил, что по дороге сюда Тоями его ни о чем не расспрашивал. Они просто ехали молча, лишь изредка обмениваясь незначительными фразами, и слушали музыку.

«Решил отблагодарить меня за мину?» — подумал Кай. Вполне достойный подарок, он его оценил.

В отведенной ему комнате он провалялся остаток дня в кровати.

Вечером, отдохнувший, он пришел на торжественный ужин.

Тоями был занят разговорами с командованием — это порадовало Кая. Он мог спокойно пообщаться со знакомыми ему офицерами, которых он встречал раньше. Они тоже были рады видеть Кая. Было о чем вспомнить и поговорить.

Чтобы не мешать командованию, они пошли на улицу. Там был разведен костер, вокруг которого все и сели.

Принесли закуску, водку. Они долго вспоминали былое и делились новостями друг с другом, потом принесли гитару. Все знали, как хорошо Кай поет. Ребята начали просить его спеть. Делать было нечего — он запел.

Шумит сосна, река жемчужная течёт,
А вдоль по ней парнишка с девушкой идёт...
Они идут, чуть замедляя быстрый шаг,
А у того парнишки слёзы на глазах...
Я ухожу, — сказал мальчишка ей сквозь грусть, —
Ты только жди, я обязательно вернусь...
И он ушёл, не встретив первую весну,
Домой пришёл в солдатском цинковом гробу.
Рыдает мать, и, словно тень, стоит отец,
Для них он был, для них он был ещё юнец.
А сколько их, не сделав в жизни первый шаг,
Домой пришли в солдатских цинковых гробах.
Когда-то он с одной девчонкою гулял,
Дарил цветы, и на гитаре ей играл,
И даже в миг, когда на белый снег упал,
Он имя той девчонки кровью написал.
Он до рассвета всего лишь часа не дождал,
Упал на снег и грудью Родину закрыл,
Упал на снег не в дни войны, а в мирный час,
И для него весны рассвет навек погас...
Развеет ветер да над могилой серый дым,
Девчонка та уже целуется с другим.

Девчонка та, что обещала — подожду...
Растаял снег, исчезло имя на снегу...
Я ухожу, — сказал мальчишка ей сквозь грусть, —
Ты только жди, я обязательно вернусь...
И он ушёл, не встретив первую весну,

Домой пришёл в солдатском цинковом гробу.

Афганистан, ах сколько жизней ты унёс,

Афганистан, ах сколько материнских слёз,

Афганистан, зачем война на свете есть...

Афганистан, ты кровью поливаешь месть...

Еще в середине песни Кай почувствовал на себе очень пристальный взгляд. Он поднял глаза от струн гитары и сквозь пламя костра, за спинами сидящих увидел Тоями. Тот стоял и смотрел на него, замерев.

Кай допел песню и, сделав завершающий аккорд, отдал гитару.

Тоями ушел, больше сегодня вечером он его не видел. Да он и сам долго не стал засиживаться у костра — завтра опять рано вставать.

***

Следующий день у них был распланирован как посещение огневой точки на холме в квадрате 132, а затем вечером они должны были переночевать в японском лагере, расположенном в той местности.

Кай опять обратил внимание, что Тоями больше не мучает его дурацкими расспросами о предстоящем объекте посещения.

Тоями краем глаза наблюдал за Каем. Он сразу заметил, еще когда в первый раз сел в его машину, то, как Кай элегантно, сам не замечая этого, кладет руки на руль. Его длинные тонкие пальцы аристократично лежали на мягкой коже руля, нежно проводили по нему, как бы лаская его поверхность, и скользили в повороте, а потом сжимали руль при наборе скорости.

Эти красивые руки на руле — Тоями понял насколько это возбуждающе и эротично. Он смотрел и восхищался такими, как казалось, простыми, но в то же время завораживающими движениями — когда Кай клал руку на переключатель скорости, обхватывая тонкими пальцами рычаг и делая плавное движение, а потом опять возвращал руку на кожаную поверхность руля.

Тоями засмотрелся на это. Чувствуя эстетическое наслаждение и возбуждение. Врожденный аристократизм Кая проскальзывал даже в вождении машины.

Потом он вспомнил его голос, когда Кай пел: бархатный, глубокий, волшебный.

— Ты очень красиво пел, у тебя удивительный голос, — вдруг неожиданно заговорил Тоями, — тебе нужно было выбирать карьеру певца, а не военного.

— Мне выбора никто не давал, — неожиданно зло произнес Кай.

— Извини, я не хотел тебя ничем задеть, — Тоями был огорчен, что его слова вызвали у Кая такую негативную реакцию, — может, расскажешь, почему ты здесь?

— Тоями, мы договорились — у нас рабочие взаимоотношения. Давай и останемся в этих рамках, и так уже всякое лишнее произошло, — Кай вспомнил о ночевке в объятиях Тоями.

«Интересно, как это можно отнести к рабочим отношениям?» — почему-то этот вопрос его очень мучил.

— Тяжело быть только в рабочих отношениях, иногда полезно просто поговорить, может, станет легче? — за эти дни Тоями увидел, что есть то, что Кай упорно прячет внутри себя — его скрытая боль.

— Да мне отлично! С чего ты взял, что у меня проблемы? — Кай завелся и сейчас говорил жестким холодным голосом, — единственная проблема — это ты! — выпалил он и пожалел, что сорвался.

— И в чем же я тебе создаю проблему в твоей такой безмятежной жизни? — Тоями тоже стал говорить холодным сухим голосом.

— Что ты от меня хочешь?!

— Ничего. Не стоит так заводится. Я от тебя ничего не хочу.

Кай чувствовал себя полным идиотом. Нужно было оставаться в рамках рабочих отношений. А сейчас он перешел на выяснение отношений между ними, это перебор!

Между ними не может быть никаких отношений, и Тоями это подтвердил. Кай не стал отвечать, сделав вид, что занят дорогой.

Рука Тоями легла на его правую ногу. От неожиданности он дернулся, его нога слетела с педали газа. Он выровнял машину на дороге и схватил руку Тоями своей правой рукой, пытаясь ее убрать со своей ноги.

— Руку убери!

— Смотри — впереди блокпост, мы уже приехали, — как будто ничего не происходит, сказал Тоями, убирая руку с его ноги перед шлагбаумом поста.

Кай выровнял дыхание, приоткрыл окно и объяснил часовому на въезде кто они.

Тоями видел лицо Кая, который пытался справиться с волнением, объясняя что-то часовому.

«Упрямый мальчишка! Вот получил за свой тон. Со мной не стоит так разговаривать. Я знаю, что тебя меняет.»

Их, как всегда, уже ждали, радушно встретили. Тоями практически официально при всех обратился к Каю с просьбой его сопровождать при осмотре объекта. Кай понял, что Тоями решил опять на нем отыграться.

Закончив все здесь, они поехали в сторону японского лагеря, где им предстояла ночевка. Тоями сидел с равнодушным лицом и курил в окно. Кай нервно на него косился и дергался при каждом его движении, вспоминая о его утреннем поступке.

Тоями это видел, и его это забавляло.

«Да, Кай совсем еще ребенок. Такая невинная вещь просто выбила его из колеи», — Тоями опять скосил глаза на Кая и протянул руку к выключателю музыки. Кай нервно вздрогнул и дернулся.

В японский лагерь они приехали не поздно. Здесь их ждали накрытые столы и праздничный ужин. Застолье затянулось допоздна. Кай несколько раз порывался уйти, но его останавливали, говоря, что его присутствие здесь, в их лагере, для них честь. С ним пытались поговорить все присутствующие офицеры и, конечно, выпить. Пили саке. Он пил понемногу, но звучали постоянные тосты, и желающие с ним выпить постоянно просили их не обижать и пить до дна. В результате Кай понял, что пора уходить, чтобы позорно не отключиться за столом.

Его проводили в отведенную ему палатку. Он подошел к кровати и, не раздеваясь, завалился на нее с одним желанием — заснуть и моментально провалился в пьяный сон.

***

Сколько он проспал, не знает, скорей всего, недолго. Проснулся от прикосновений к своему лицу, открыл глаза и увидел над собой лицо Тоями.

— Только не это! — вырвался у него стон отчаянья.

Кай дернул рукой и понял, что обе его руки подняты вверх и наручниками прикованы к спинке железной армейской кровати.

— Ты что делаешь, совсем сума сошел?! — прошипел Кай, глядя в глаза Тоями.

— Тише, не шуми, через ткань палатки все слышно, — Тоями закрыл его рот рукой, — или ты хочешь, чтобы тебя увидели в таком виде?

— Мне все равно! Интересно, что ты на это скажешь? — Кай зло мотнул головой, скидывая руку Тоями со своих губ.

— Здесь такими отношениями никого не удивишь. Скажу, что развлекались, — коварно улыбаясь, сказал Тоями.

Кай опять почувствовал себя в ловушке. Мышеловка захлопнулась. Если для Тоями такие отношения естественны, то он не хотел бы, чтобы его застали в таком неоднозначном виде.

«Зачем я напился?!», — поздняя мысль раскаяния пришла к нему.

Тоями понял, что загнал Кая в ловушку. Он понял, что Кай не будет кричать. Он не захочет, чтобы его увидели вот таким.

Тоями нежно провел рукой по его щеке, шее. Потом подушечки его пальцев прикоснулись к тонкой линии губ, и он почувствовал возбуждение, которое пронзило его тело.

— Я, вообще-то, доверял тебе, считаешь, нормально так поступать? — сказал Кай, гоня от себя мысль, что от рук Тоями, ласкающих его, ему так хорошо, они так приятно касались его кожи.

— Чем же я предал твое доверие? Вот этим?

Тоями не дал ему опомниться, резко склоняясь, припал к его губам.

Кай даже не успел сжать зубы, как язык Тоями проник в него и начал медленно ласкать.

Кай замер от неожиданности и от того, что почувствовал такое странное приятное ощущение внутри себя.

Тоями продолжал — он стал покусывать его нижнюю губу, потом опять проник в него языком, но уже более агрессивно, страстно лаская его все глубже и настойчивее. Потом резко отстранился.

Кай судорожно перевел дыхание и отвел глаза в сторону.

— Хватит, отпусти меня, — голос Кая предательски дрожал, слова прозвучали не убедительно, он и сам это понял.

Тоями тоже это видел, видел, как Кай тает от его поцелуев. Он стал медленно расстегивать его френч, когда Кай попытался что-то сказать. Тоями опередил его, прижался своими губами к его губам, потом, чуть отстраняясь, прошептал:

— Не бойся, это только ласка, я хочу дать тебе немного нежности, — он стал прикасаться губами к его щекам, скулам, затем, дойдя такими легкими поцелуями до уха, прошептал в него, — просто лежи тихо, договорились?

Кай чувствовал непонятную дрожь в своем теле, он хотел возразить Тоями, но тот начал ласкать своим горячим влажным языком его ухо, покусывать мочку, заводить язык в глубь и медленно обводить им ушную раковину, и Кай задохнулся от волны удовольствия. Тоями почувствовал эту дрожь в его теле.

Опять припал к губам Кая, но сейчас целовал не спеша, наслаждаясь им, зная, что он уже не окажет сопротивления.

Потом отстранился, смотрел, как Кай ловит ртом воздух.

— Ну что ты, глупенький, — дыши! — Тоями нежно провел рукой по его щеке.

Затем медленно расстегнул его френч и распахнул его. Залюбовался его телом. Худоба Кая не портила: впалый живот, небольшой рельеф мышц, тонкая талия, гладкая кожа. Тоями провел рукой, задержал ее на животе. Опять наклонился и стал покрывать поцелуями его тело, медленно, не спеша, сначала шею, выступающие ключицы, потом спустился ниже к солнечному сплетению, затем к животу.

Тоями услышал тихий стон, от которого по нему пробежала болезненная волна возбуждения. Он приподнялся, посмотрел на Кая, на его чуть приоткрытые губы, и резко припал к ним. Сейчас он целовал его жадно, не сдерживая себя и не жалея его. Его руки ласкали его тело — грудь, живот, талию. Он завел свою руку ему за спину, чтобы прижать его к себе, почувствовать его дрожь, его сбившееся дыхание, то, как он трепетал от его прикосновений и поцелуев.

Затем Тоями отстранился, посмотрел на Кая: затуманенные поволокой глаза, пылающие щеки, чуть припухшие алые от прилива крови губы, неровное дыхание. У Тоями начинала кружиться от этого голова.

«Нет! Хватит. Я не должен продолжать! Я действительно не хочу потерять его доверие. Я не хочу потерять его...»

Он расстегнул наручники, продолжая сидеть рядом с Каем, отвернулся от него.

Сейчас ему было тяжело сдерживать себя, но он знал, что не хочет поступать с Каем вот так —

воспользоваться его слабостью, его доверием к нему. Если сейчас он продолжит, он разрушит все, все то, что начинало возникать между ними, то неуловимое болезненно-прекрасное. Он понимал, что сейчас может с Каем сделать все, что он захочет, но потом, когда Кай это осознает — он потеряет его навсегда. Он понимал, что Кай не готов к большему и ему нельзя спешить с ним, нельзя переступить ту черту, которую Кай не готов перейти сам. Он должен подойти к ней вместе с ним, только так их отношения будут иметь смысл, только так между ними возникнет что-то большее — то, чего он так боялся и так хотел.

Но как тяжело сдерживать себя, как тяжело сейчас не сорваться и не окунуться в пучину страсти, отменяя от себя все мысли и всю действительность. Еще недавно он бы так и поступил, а сейчас что-то в нем поменялось, он становился другим. Сейчас он не мог, не хотел сиюминутное удовольствие разменять на постепенное достижение того, чего в его жизни еще не было.

Может, он обманывает сам себя? Может, ничего нет? Может, стоит сейчас воспользоваться моментом, а потом просто жить и вспоминать этот случай как приятное времяпровождение?

Неправда, все не так, и он это понимал. С Каем все по-другому. Он не хочет получить этот обрывок удовольствия, когда его цель — получить все. Да, он хочет получить всего Кая, он хочет, чтобы он его полюбил, он хочет получить его сердце, его душу. Он хочет завоевать его, такого непокорного, своевольного, упрямого. Хочет одержать над ним победу, чтобы Кай сдался, признал себя побежденным в этой их войне. Признался ему, а главное, себе в том, что он так хочет отвергнуть, делая вид, что он этого не чувствует. Он хочет полной капитуляции Кая, чтобы тот осознал всю бесплотность своих попыток отрицать очевидное — и вот тогда он примет его, потерявшего все, во что он так верил и хотел продолжать верить. Он хочет знать, что Кай повержен в этой битве, причем повержен в битве с самим собой. Он хочет видеть его, потерянного, запутавшегося, поверженного. Тогда он примет его и откроет ему новый мир, даст ему свою поддержку, опору для пути дальше. Он даст ему свое чувство, которое он готов отдать ему и только ему. И ради этого он будет ждать, здесь время не имеет значение — истинное чувство бесценно, для истинного чувства не существует времени...

Кай медленно стал приходить в себя. Он понимал, что потерялся в пространстве, времени, все стерлось, растворилось...

Потом ясность сознания вернулась к нему. Он понял, что лежит на кровати с расстегнутым френчем, а рядом сидит Тоями. Кай резко дернулся, но странная слабость помешала ему встать, он опять повалился на кровать.

Тоями развернулся и хотел помочь ему приподняться.

— Уйди, — голос Кая прозвучал сухо и бесцветно.

Тоями встал и, не оборачиваясь, вышел из его палатки.

Кай свернулся калачиком на кровати, почему-то его начало трясти, он судорожно натянул на себя одеяло.

«Ну почему он со мной такое делает?! Зачем?»

Кай понимал, что сейчас был в полной власти Тоями.

«Один поцелуй — и я перестал себя помнить. Почему со мной такое происходит? Что со мной не так?»

Он вспомнил Аршада.

«Нет, с Аршадом было не так!»

Здесь он чувствует все по-другому. И это его пугало.

Сладкая волна возбуждения ушла, осталось опустошение и болезненное ощущение от произошедшего. Он потерял голову только от одного прикосновения этого мужчины, его поцелуя, руки, которой он провел по нему. Ему стало противно от себя, от того, что он не в силах контролировать себя, свои эмоции, свое тело.

Кай понимал, что сейчас был в полной его власти и если бы он захотел пойти на большее, все бы произошло.

«Почему Тоями остановился?»

Хотя, неважно, для него сейчас важно то, что он, как оказалось, не знает себя, что он так слаб и так податлив на такие ласки.

«Но я же этого не хочу! Я не виноват, что такое со мной происходит!»

Все эти мысли сумбуром смешались в его голове. Ему было мерзко от себя, от того, что произошло, и от того, что он не может разобраться в том, что происходит. Он потерял контроль над собой, своими чувствами, своими ощущениями. Его внутренний мир разрушался, и та иллюзия спокойствия, с которой он жил, исчезала, а он, как утопающий, хватался за соломинку, пытаясь спастись и не попасть в этот водоворот, в который его затягивало что-то возникающие, такое новое и неизвестное, в его жизни...

Он еще долго лежал, пытаясь унять дрожь внутри, потом забылся тревожным сном.

***

С утра они выехали в сторону последнего гарнизона, откуда Тоями должны были забрать свои, а Кай один поедет обратно, правда, не по такому маршруту, а на прямую, по основной трассе.

Каждый из них делал вид, что ничего не произошло. Они долго ехали в тишине. Первым нарушил молчание Тоями.

— Вчера между нами...

— Стоп! Не нужно продолжать! — резко сказал Кай, понимая, что не хочет слушать то, что будет говорить Тоями.

— Вчера между нами, — настойчиво продолжил Тоями.

— Хватит! Я не хочу это слышать! — Кай зло сжал руки на руле.

— Почему? — Тоями это начинало бесить, такое поведение Кая, — ведь я не первый мужчина, который тебя целует! Ведь это так? Почему тогда ты корчишь из себя девственника-недотрогу?
— сейчас Тоями уже злился на Кая.

— Прекрати! Тебя вообще это не касается!

— Что не касается? — Тоями бесило такое поведение Кая, он чувствовал, что Кай уже познал

сладость мужских поцелуев, так почему он сейчас так себя ведет? Тоями этого не мог понять! — ты уже был с мужчиной, ты знаешь, что это такое, твое тело говорило вчера за тебя! Это был Аршад? Я прав?

Кай резко нажал на педаль тормоза. Машину чуть занесло на пыльной дороге, затем она остановилась. Пыль, поднятая такой остановкой, начала медленно оседать на капот.

— Да, первым был Аршад, — ты это хотел услышать?! — Кай развернулся к Тоями, затем, смотря ему в глаза, медленно произнес, — я был у него в плену. Ты знаешь, что такое плен? Я был в полной его власти, — потом, помолчав, добавил, — это было давно. Так мы и познакомились.

Кай откинулся на спинку водительского кресла и прикрыл глаза, казалось, эти слова выпили из него душевную силу и теперь он сидел опустошенный.

— Но ведь ты с Аршадом не переспал. Почему?

— Он хочет моего согласия, он хочет это получить по любви... — Кай замолчал, продолжая сидеть с закрытыми глазами.

— Я понимаю его, — странным голосом произнес Тоями.

Эти слова оживили Кая, он бросил взгляд на холодное лицо Тоями. Затем достал сигареты, нервно вынул одну. Тоями поднес зажигалку. Кай закурил.

Тоями молча наблюдал за ним.

Докурив сигарету, Кай положил руку на переключение скорости. Тоями опустил свою руку на его.

— Может, мы пообедаем вместе в Камрате? Я тебя еще не отблагодарил за спасение. И Коджи был бы рад, он очень хочет тебя видеть, — голос Тоями звучал ровно и спокойно.

— Тоями, я не хочу больше встречаться с тобой, — спокойным бесцветным голосом произнес Кай.

Тоями убрал свою руку с руки Кая.

— Ты просто боишься себя! Ты боишься признаться самому себе, что тебе это нравится. Ведь так? И сколько ты будешь трусливо прятаться от самого себя?

— Тебя это не касается. Я не хочу продолжать разговор на эту тему. Останемся в рамках деловых отношений.

Кай медленно тронулся с места, постепенно набирая скорость.

— Ты так легко хочешь все решить? Ты думаешь, вот так сказав, можно просто оставаться в рамках деловых отношений? — Тоями был взбешен решением Кая, — знаешь, если ты привык вот так просто все перечеркивать, то я не готов. Я видел, как тебе вчера было хорошо со мной.

— Заткнись! — перебил его Кай.

— Что, задел за живое? Да, тебе вчера было хорошо! И я хочу продолжить это делать с тобой! И

поверь мне, я всегда добиваюсь того, чего хочу.

Оставшуюся дорогу они ехали молча, каждый был погружен в свои мысли.

***

После возвращения Тоями к себе прошла неделя.

Он обедал в отеле Ривьера Плаза в Камрате с Коджи, который только вернулся из Японии и ждал рассказа от своего друга о последних событиях в его жизни.

— Вы были вместе неделю, а ты мне даже ничего не рассказываешь? Что ты узнал о нем нового? — Коджи попросил принести себе еще кофе и сейчас изящными пальцами, которые держали тонкую ложечку, мешал в нем сахар.

— Знаешь, Кай такой удивительный, я каждый раз узнаю о нем что-то новое. Ведь такого не может быть? Но я каждый раз удивляюсь. Понимаешь, такого раньше со мной никогда не было — он меня постоянно удивляет, — Тоями налил воды в бокал и, глядя, как она играет в лучах солнца, отпил глоток, — хотя, я это уже говорил тебе, — Тоями улыбнулся.

— И чем он тебя так поразил на этот раз? — Коджи тоже отметил эту особенность в Кае.

— Он удивительно поет, — видя сомнение на лице Коджи, продолжил, — ты же знаешь, у меня идеальный слух. Я могу тебе сказать, что у него идеальное исполнение, ни нотки фальши, а какой голос! Это нужно слышать — бархатный, глубокий, и он им прекрасно владеет, любую высоту берет, — отпив еще воды, Тоями добавил, — он и на гитаре играл просто восхитительно. Я сразу поразился его тонким пальцам, как у музыканта, и, видишь, не ошибся. Интересно, он на других музыкальных инструментах играет?

— Думаю, он тебя еще многим поразит, — Коджи смотрел на кофе в чашке, — а что он пел?

— Он пел на русском, но это было очень красиво, — Тоями поставил бокал с водой на стол, еще раз залюбовался искорками света, которые он отражает, — хочу еще услышать как он поет.

Смотря на задумчивое лицо Тоями, Коджи произнес:

— Что еще было интересного за ваше путешествие?

— Было еще, — лицо Тоями помрачнело, — но это неважно.

Тоями вспомнил о мине, но решил не расстраивать друга этим рассказом, зная, как Коджи за него переживает.

— Тоями, что ты недоговариваешь? Рассказывай, или я обижусь!

Коджи почувствовал по тону Тоями, что что-то произошло в их поездке.

Тоями понял, что уже поздно скрывать это от друга, и сказал:

— Я наступил на мину, — видя, как Коджи побледнел, продолжил, — шел к машине и не заметил, только услышал щелчок. Я знал, что означает этот щелчок. В тот момент, я понял, что это конец, но мне было не страшно, я смотрел на Кая и был счастлив, что вижу его в последние мгновения...

Тоями достал сигарету, чиркнул зажигалкой. Коджи молчал, понимая, что это тяжелые воспоминания для его друга.

— Кай ее обезвредил. Сидел у моих ног и раскапывал ее руками. Я видел, что у него уже все пальцы в кровь разодраны о камни. Потом долго что-то в ней раскручивал. И все. Я живой, как видишь, вернее, мы живы. Ведь он ради меня рисковал.

Коджи тоже нервно закурил, услышав это. Он прекрасно знал, что обезвредить такую мину, когда на нее наступили, очень маленький шанс.

— Он рисковал ради тебя — ты это понимаешь?

— Думаю, он это сделал бы для любого, но я ему обязан жизнью.

Тоями замолчал, еще раз вспоминая о произошедшем, Коджи тоже не стал что-либо говорить. Он был счастлив, что все обошлось, его лучшей друг жив и сейчас здесь с ним.

— Давай больше не будем о грустном, — Коджи опять стал таким же, как обычно — позитивно настроенным на жизнь, — между вами что-то было за это время? Ну же, не скрывай от меня, я же вижу по тебе, что было!

— Да, мы переспали, — видя удивление на лице Коджи, Тоями улыбнулся, — в прямом смысле этого слова. Оказывается, Кай очень плохо переносит холод. Вот видишь, он опять меня удивил. Нам пришлось заночевать в горах. В машине было мало бензина, костер не разведешь. Вообще-то, было не холодно, но у него были холодные руки, и он сидел в двух одеялах и стучал зубами. Я его обнял, он согрелся и заснул.

— Мило, очень мило, — лукаво улыбаясь, сказал Коджи.

— Ты бы видел его лицо, когда он проснулся и понял, что спал со мной.

— Наверное, ты опять напугал его, — шутливо сказал Коджи, — еще что-то было интересного? — он почувствовал, что это не все.

— Да, потом, на другой день. Я немного позволил себе. Знаешь, решил, если не воспользуюсь моментом, потом буду жалеть. Это было у нас в лагере, ему пришлось любезно пить со всеми. К ночи от саке и усталости он был немного пьян, но сам ушел к себе. Там я его и настиг, — видя горящие глаза Коджи, пояснил, — ничего не было, лишь поцелуи. Я не хочу спешить, зачем. Он такой дикий, ты и сам это видишь.

— Да, — Коджи улыбнулся, вспоминая испуганные глаза Кая на их приглашение пообедать вместе.

Тоями, немного подумав, продолжил:

— Но я почувствовал, что он уже был с женщиной. Его тело знает мужские ласки, он это не смог от меня скрыть, вернее, сдержаться, — Тоями поднес бокал с водой к губам и выпил глоток, чтобы подавить волну возбуждения от воспоминания.

— Это Аршад? — напрямую спросил Коджи.

— Да. Аршад. Кай попал к нему в плен.

— Но, я понимаю, Аршад не воспользовался своими возможностями?

— Нет.

— Почему? — Коджи заинтригованно посмотрел на Тоями.

— Он хочет это получить по любви.

— Ну, тогда я его понимаю, — многозначительно произнес Коджи, вспоминая светящиеся зеленые глаза Кая.

Тоями пристально посмотрел на него, затем отвел взгляд.

«Я тоже это понимаю, — Тоями вспомнил глаза Кая, затуманенные поволокой страсти. Теплая волна пробежала по его телу, он перевел дыхание, — Кай, я хочу, что бы ты мне сказал — да!»

Тоями еще раз нервно втянул в себя ноздрями воздух.

Коджи отпил кофе и посмотрел на Тоями.

— Мне кажется, Аршад не оставил попыток этого добиться.

— Я это знаю.

— Не боишься такой конкуренции? Ведь, в отличии от тебя, Кай давно знает Аршада и их многое связывает.

Тоями не стал отвечать, понимая, что в словах Коджи есть доля истинны. Он и сам много думал об этом. Наверное, сейчас он уже жалел, что не пошел на большее. Понимание того, что Кай может быть с другим, начало разъедать его разум изнутри. Он гнал от себя эти мысли, но Аршад, с его черными горящими глазами, смотрящий на Кая, все чаще и чаще стал возникать перед его мысленным взором. Теперь ему стала ясна картина их взаимоотношений. Он понял Аршада — тот как охотник решил поиграть со своей жертвой, сам же выпустив ее из ловушки, но, четко давая себе отчет в том, что она никуда от него не убежит. То, как он смотрел на Кая, давало Тоями все основания полагать, что Аршад уверен в своей победе и в том, что это его добыча. Аршаду доставляет удовольствия такая игра, он не спешит и в то же время не отпускает то, что принадлежит ему.

Осознав все это, Тоями пришел к своему плану действий, который он решил осуществить. Он тоже охотник и не упустит своей добычи, и тем более, не отдаст ее другому.

Он не стал говорить Коджи о том, что, расставаясь с Каем, они повздорили и что он задумал свой план действий в отношении Кая. Он понимал, что этот план Коджи явно не одобрит.

Глава 10

Тихий щелчок зажигалки в руке Кая в подземном коридоре прозвучал оглушительно, эхом отозвавшись в дальних закоулках разветвлений туннелей. Он замер, прислушался — сверху продолжали бомбить. С потолка посыпалась отколовшаяся от взрыва наверху штукатурка и осыпалась ему на плечо. Далекий, заглушенный толщей земли взрыв прозвучал, отозвавшись глухим эхом в подземных коридорах. Кай вздрогнул и поднес пламя зажигалки к сигарете. Курить не хотелось — хотелось дымом сигареты перебить этот запах, который пропитал все подземное пространство вокруг. Запах человеческих тел — больных тел, которые были здесь повсюду. В плохо проветриваемых подземных коридорах, где стояла удручающая жара и

влажность от стекающего по стенам конденсата, запах больных людей усиливался во сто крат.

Кай затаился, только сигареты приглушали постоянное тошнотное ощущение внутри. От очередного взрыва сверху слабомерцающие лампочки в коридоре замигали, потухли, а затем опять вспыхнули, освещая своим тусклым светом грязные обшарпанные коридоры подземного бункера.

Он стряхнул с уже давно не белого медицинского халата осыпавшуюся сверху штукатурку и затаился еще раз, зная, что краткий миг перекура, который он себе позволил, — практически непозволительная роскошь в таких условиях. Но он не железный, он еле все это выдерживает, вернее, он давно готов бежать отсюда — от этих лежащих везде раненых людей, их криков, стонов, от этого ужаса вокруг него. Иногда он хотел просто подняться на поверхность, пусть там он попадет под взрывы, но это будет там — наверху, где будут свежий воздух, солнце и небо.

«Какой же я слабый, что готов вот так со всем разом покончить, — думал Кай, понимая, что больше не в силах быть здесь, — нет, я не позволю себе так поступить.»

Кай потушил сигарету и пошел по коридору в сторону железных дверей, ведущих в операционный отсек. Там, на операционном столе, его ждал очередной искалеченный войной человек. Как хорошо, что он не будет видеть его лица — медсестры уже загородили его лицо ширмой. Как хорошо, что сейчас он лишь ассистирует доктору — хотя, какая разница, кто будет резать живую плоть? Ведь слышать эти крики и видеть эту боль он все равно будет.

Он на секунду замер перед дверью, а затем, повернув ручку, шагнул внутрь.

Посередине операционной стоял стол, на котором лежал раненый. Руки и ноги его были накрепко перетянуты ремнями. Два мускулистых помощника в грязно-белых халатах стояли рядом, готовые в любую минуту с помощью своей силы удерживать человека на столе. Ведь обезболивающие практически закончились, и им приходилось оперировать без него.

— Где ты ходишь? — устало спросил Владимир Викторович, смотря на моющего руки антисептиком Кая, — хотя, ладно, не говори, тебе тоже нужен отдых. Он грустно, по-отечески взглянул на Кая.

Владимиру Викторовичу было уже за шестьдесят, он был с седыми волосами, аккуратной седой бородой и такими же седыми усами. Несмотря на свой возраст, все еще сохранял прекрасную физическую форму и мог проводить многочасовые операции, не отходя от операционного стола. К Каю он относился по-отечески сурово. Хотя Кай знал, что в душе он его любит, практически как своего сына, который погиб у него здесь на войне уже много лет назад. Потеряв все, Владимир Викторович так и остался здесь, изводя себя работой на износ и тем самым забывая о своей невосполнимой утрате.

— У нас сегодня осколочное в бедро, — кратко пояснил доктор.

Кай внимательно рассматривал рентгены, где четко было видно нахождение в бедре раненого, осколка. Он понимал, что это очень сложная и очень болезненная операция.

Кай поднял глаза и столкнулся со взглядом Владимира Викторовича.

— Ему вкололи одну ампулу, сейчас начнет действовать. У нас немного времени.

Они понимали друг друга без слов. Владимир Викторович понял, что хотел спросить Кай, и сам

ответил на этот вопрос. Им было легко работать вместе, когда достаточно кивка головы, поворота, движения — и они понимали друг друга.

Владимир Викторович был рад, что Кай ему ассистирует в этих операциях. Когда он сам валился с ног, а поток раненых не ослабевал и приносили все новых и новых, тогда Кай заменял его.

Как бы Кай этого ни хотел, но сейчас у него не было выбора. Люди умирали. Его выбор: или им оказать помощь или смотреть, как они, истекая кровью, корчатся, лежа в длинных коридорах, так как в палатах уже не было места.

Кай делал только самые простые операции, все сложное брал на себя доктор. Все это продолжалось уже вторую неделю, после того, как убили помощника Владимира Викторовича и доктор остался без ассистента. Его помощник попал под бомбардировку, когда оказывал помощь очередному раненому — на них рухнула часть дома. Их так там и похоронило. Сейчас даже не было возможности достать их тела из-под завалов.

Эти две недели ада и кошмара. Наверху не прекращающиеся бомбежки, а внизу, в подземных бункерах, люди, скрывающиеся от них. Иногда Кай не выдерживал и хотел туда, на воздух, пусть там везде смерть, но здесь смерть была медленной и мучительной. Сюда приносили раненых отовсюду. Это были и солдаты, державшие оборону города, и местное население, которое еще осталось в этом городе, которое сейчас попало под общую бойню.

Зерос — древний город. Он был здесь всегда, археологи затруднялись сказать год его возникновения. Этот город пережил всех — все войны всех веков и времен, всех правителей и властителей. Кай не сомневался, что этот город переживет и все, что сейчас творят с ним люди.

Город был огромен, он простирался как над землей, так и под ней. Его древние лабиринты до конца не знал никто. Проще было достраивать новые, чем вникать в расположение старых туннелей, которые вели по легендам к самому аду.

В мирное время город восстанавливали и обустроивали современными благами цивилизации, а потом опять все разрушали. Наверное, это была извечная судьба этого города.

Их госпиталь располагался в подземном бункере, соединенным с древними ходами и коридорами, ведущими в никуда. Наверху, над ними, располагалось основное здание госпиталя, но оно было практически разрушено, а вот все, что находилось под землей, могло пережить и «конец света», настолько все было сделано надежно и на века.

***

Операция закончилась, Кай снял одноразовые перчатки и под тоненькой струйкой воды еще раз помыл руки, стараясь смыть с них физическую боль человека, которого они оперировали по живому. Кай знал, что этот пациент не выживет. Рана была глубокой и начинала воспаляться. Лекарств практически не осталось. Город был в осаде — те редкие прорывы к ним бойцов со скудными пакетами лекарств были ничто по сравнению с таким объемом раненых и нуждающихся в помощи людей. И, конечно, жара, которая помогала убивать даже тех, кто мог бы выжить. Казалось, жар солнца проникает через толщу земли прогревает все, что укрыто от него.

Владимир Викторович тоже знал участь сегодняшнего пациента. Он подошел к Каю, положил ему руку на плечо, чуть сжав его, этим говоря, что он все понимает, но не всемогущ и они

сделали то, что должны были сделать, а дальше, если не поступит лекарств, пациент умрет, медленно и мучительно.

— Подежуришь за меня? — заглядывая в глаза Кая, спросил Владимир Викторович, — пойду посплю немного.

Кай утвердительно кивнул головой, смотря, как, пошатываясь от скопившейся усталости, доктор пошел в сторону комнаты, где они спали по очереди, сменяя друг друга.

Уточнив у медсестры кто у него следующий, он включился в работу. Хорошо, что сейчас пока не поступало никого с земли. Только те, кто был здесь, а этим раненым нужно только осмотреть и обработать раны и сменить повязки. Он делал эту работу практически механически, ведь у него была хорошая медицинская практика. С самого начала работы на спецслужбы его этому обучали и, видя его талант к медицине, способствовали более расширенным знаниям в этой области. Он проходил обучение с лучшими военными хирургами, хотя это и был ускоренный спецкурс, но таких знаний вполне хватало для проведения несложных операций и, тем более, для перевязок раненных. Свои знания в области медицины он совершенствовал в дальнейшем уже сам, много читая из этой области, ну а практики, как оказалось, после его нахождения в Афгане у него было предостаточно.

Вот и сейчас, несмотря на то, что в этот город он приехал совершенно с другой миссией, ему волею судьбы пришлось опять применить свои знания.

Приезд в Зерос был его очередным заданием из центра. Он забрал данные у курьера и успешно переправил их в центр, а потом оказалось, что город взят в кольцо и все дороги, ведущие из него, перекрыты. Началась бомбежка всего живого. Он чудом добрался до этого госпиталя, зная, что под ним находится сеть бункеров. Туда он и спустился на своем джипе.

Владимира Викторовича Кай знал давно. Тот очень обрадовался ему, но не просил его помощи: тогда был еще жив его помощник, и поток раненых был еще не такой масштабный. А потом все закрутилось. Непрекращающиеся бомбежки, смерть помощника, отсутствие лекарств и полная безысходность тех, кто остался в этом подземелье со слабой надеждой, что блокаду прорвут и город останется незахваченным.

Видя все это, Кай не смог остаться в стороне, он стал помогать с ранеными, а потом и заменил помощника Владимира Викторовича. Они это даже не обсуждали с доктором, просто Кай встал за операционный стол и стал ему ассистировать в проведении операций.

Так все и продолжалось уже две недели.

Здесь интернет практически не брал, информации было очень мало. Но вроде появилась надежда, что в скором времени оборону прорвут. Вот только когда?

Сколько прошло часов с момента того, как ушел спать Владимир Викторович, Кай не знал. Он лишь понял, что доктор вернулся и готов сменить его.

— Иди, теперь ты поспи, — видя уставшего Кая, стоящего у перевязочного стола, сказал доктор, — иди-иди, я справлюсь. Если будет что-то сложное, тебя разбудят.

Кай пошел в их комнату. Это была процедурная. В комнате стояли медицинский столик, стул и кушетка, и даже здесь был небольшой душ с тонкой струйкой чуть теплой воды. На медицинской кушетке они и спали по очереди. Кай подумал о душе, но понял, что просто хочет

лечь и заснуть. Сейчас ему было все равно, что он мокрый от пота и мылся несколько дней назад. Какая разница, если сил хватает только на то, чтобы вот так рухнуть и отключиться от всего.

Кушетка была узкая и жесткая, под головой лежал свернутый халат в виде подушки, другим халатом он укрылся сверху.

Странные далекие воспоминания опять вернулись к нему.

«Ты вообще способен чувствовать?!» — он опять услышал этот голос.

«Нет, Тоями, я давно уже ничего не чувствую. Иначе я сошел бы сума.»

Прошло уже много времени после его поездки с Тоями. После этого они не виделись. У Кая было достаточно дел в гарнизоне. Регулярно шли боевые выезды, в которых он участвовал. Казалось; жизнь его шла обычным чередом. Но только это было не так, что-то в нем изменилось. Он запрещал себе думать об этом, бежал от воспоминаний и мыслей. Был рад, когда работа поглощала его полностью, а вечерами он падал от усталости и сразу засыпал. Но его память находила лазейки в его графике жизни, и тогда он вспоминал, вспоминал его: его глаза, слова, руки...

Кай прогонял это от себя, старался не думать, забыть. Но не мог!

Ему казалось, он и сейчас чувствует его касание к себе, дыхание на своей щеке, а потом этот поцелуй, от которого все потемнело в глазах.

Вот и опять его память подстерегла его и набросилась, терзая этими воспоминаниями.

Но все это время он боролся с собой. Он вел борьбу с тем, что пробудил в нем Тоями. Он ненавидел себя за свою слабость, за те секунды, когда он позволил себе просто чувствовать. Это непростительная роскошь — позволить себе чувства. Он не имеет на это права. Только убрал все эмоции, все ощущения, можно жить той жизнью, которой он обречен жить.

Кай ненавидел себя за свою слабость, презирал себя за то, что он тогда почувствовал от прикосновений этого человека. Все это время он боролся с собой, убирая из памяти эти воспоминания и заставляя себя взять свои эмоции под жесткий контроль.

«Ты вообще способен чувствовать?!»

Это как проклятье звучало в его мозгу. Он знал, что не имеет права что-либо чувствовать, он не имеет права позволять себе терять контроль, позволять себе эмоции.

Но самое главное, он не имеет прав на такие чувства, которые претят его миру, его жизни, его друзьям — всему тому, что он ценил и что для него являлось незыблемым и неприкосновенным.

Он знал, что сможет побороть в себе эту слабость. Он сильный, и это мимолетное безумие больше не повторится. Этот человек ничего не значит в его жизни. Ничего!

Так, убеждая себя в этом, Кай провалился в сон.

***

— Вставай! Оборону прорвали! Город свободен!

Сонного Кая тряс за плечи Владимир Викторович.

Проснувшись от такой новости, Кай вскочил с кушетки и пошел за доктором в операционную, на ходу расспрашивая подробности всего.

Это были очень хорошие новости. К ним ехали несколько бригад медиков, везли нужные медикаменты, и скоро прилетят вертолеты, чтобы вывезти тех, кто готов к перевозке в госпитали.

Кай понял, что он может ехать! Это была самая главная и самая лучшая новость для него.

Обменявшись с доктором рукопожатиями и теплыми объятиями, он сказал, что уезжает немедленно. Доктор не стал его отговаривать, понимая, что это не в его компетенции.

Кай вернулся в их комнату, предварительно захватив из джипа чистую форму, и полез в душ. Хоть было и жарко, но вода была чуть теплая. Он ненавидел холодную воду. Это для него была пытка, но еще большей пыткой было бы не смыть с себя эту накопившуюся грязь.

Он смывал с себя весь этот ужас последних двух недель, боль, кровь, смерть.

Выехав из подземного бункера, он понял, что на улице ночь. Для него эти две недели слились в один кошмар, и он уже не различал, когда был день, когда была ночь, там, в подземелье, это и не важно.

Кай поехал вперед, подальше от этого места, надеясь, что сможет уехать от самого себя, но понял, что это ему вряд ли удастся — его стало накрывать всем, что было за эти две недели...

Шел дождь, хотя дожди здесь редкое явление. Было темно. Он вел машину по извилистой горной дороге. Вода заливала лобовое стекло, дворники работали, но не справлялись с потоками воды. Фары выхватывали из темноты мокрую дорогу.

Сейчас он не спешил — это не из-за дождя и плохой видимости. Его мысли были далеки от дороги. Он думал, вернее, пытался прогнать от себя постоянные всплывающие воспоминания. Это было тяжело. В ушах он слышал крик человека, крик боли, когда скальпель в его руке разрезал живую плоть человека, который кричал, а перед глазами он видел лежащее и корчащееся от боли тело, которое он резал. Мысли в голове окончательно добивали его постоянным прокручиванием происшедшего за эти две недели и осознанием собственной вины в боли, причиняемой этим людям.

То малое оправдание для себя, что он делал это ради их спасения, не облегчало его душевных страданий. Он понимал, что причинял боль людям, и это терзало его.

«Кому это интересно, что это ради их жизни? Тем людям, которых он резал без наркоза?» — этот вопрос он сам задавал себе и знал ответ на него.

Так он и ехал в полубреду, уже не понимая где реальность, где видения. Мокрая дорога перед ним или окровавленные белые простыни...

Свет фар ослепил его, Кай крутанул резко руль вправо, забыв, что это узкая горная дорога и справа обрыв. Его машина на полном ходу влетела в каменистую насыпь и чудом застряла в подвешенном состоянии над обрывом.

Это Кая привело в чувства, он понял, что его машина наполовину висит над обрывом и

малейшее движение или нарушение равновесия приведет к ее падению вниз.

***

— Господин Изоа, машина может сорваться в пропасть в любую минуту, ваш приказ? — спросил помощник Изоа у своего начальника. Они стояли сбоку от машины Кая и наблюдали эту картину.

— Вытащите водителя, посмотрим, кто это, может, кто ценный попался, — сказал Изоа, оставаясь стоять на месте и наблюдая, как заворачивающе покачивается тяжелый джип, зависший над пропастью.

Поскольку произошла передислокация войск, отряд его господина Тоями Такеру базировался лагерем на горном плато вверх по дороге. Все знали, что эта дорога контролируется господином Такеру. Поэтому Изоа было даже интересно посмотреть, кто это был в такой дорогой машине, кто был не в курсе или, наоборот, целенаправленно ехал здесь и для чего?

Кунайо, помощник Изоа, распорядился накинуть трос на фаркоп джипа, при этом дал четкие указания о том, чтобы, как только машину дернут обратно на твердую землю, солдаты открыли дверь и вытащили водителя, пока тот еще не пришел в себя и не стал оказывать сопротивление. Он предупредил, что водитель пока нужен был живым.

То, что в машине всего один человек, было видно под светом фар, которые пронизывали машину насквозь.

Если бы не всплывающие воспоминания этих недель в мозгу у Кая, он бы давно выпрыгнул из машины и вступил в бой с теми, кого он видел стоящими на дороге в боковое зеркало и зеркало заднего вида.

Но его состояние было сейчас не для боевых действий. Пока он пытался сосредоточиться и решить что делать, последовал резкий толчок, и машина оказалась на дороге, одновременно с этим все двери открылись, и его достаточно грубо вытащило множество рук из-за водительского сидения.

Кая поставили на колени перед господином Изоа, заломив ему руки назад и надев наручники.

Дождь немного поутих, Кай почувствовал отрезвляющие струйки холодной воды на своем лице. И понял, как глупо он попался. О чем он только думал?!

Изоа не поверил своим глазам, что перед ним Кай

— Поднимите его, — Изоа шагнул поближе и взглянул в лицо пленника, которого держали с двух сторон его солдаты.

Да, это Кай! Это утонченно красивое лицо и выразительные глаза, которые даже в ночи при свете фар мерцали зеленым светом.

«Странно, почему он так глупо попался? А в прочем, какая разница! Это невероятная удача преподнести своему господину то, что он так долго желал, — Кая.»

— Наручники не снимать, но аккуратно — это очень ценный человек для господина Такеру. Посадите его в мою машину, едем прямо сейчас в лагерь, и машину Кая заберите, — отдал

распоряжения Изоа, продолжая разглядывать Кая.

Кая посадили в машину Изоа на заднее сидение между двумя солдатами и тронулись в путь.

Сидя в машине спереди, Изоа повернул зеркало так, чтобы видеть в нем лицо Кая, не оборачиваясь.

— Странно — ты попался...

— Здравствуй, Изоа. Куда мы едем? — спросил Кай, смотря в глаза Изоа через зеркало.

От этого взгляда Изоа стало не по себе:

«Эти глаза — в них боль и смятение, он не ошибается, и этот спокойный тихий голос — в нем тоже боль, что такое случилось с Каем?»

— Мы едем к господину Тоями Такеру, — ответил Изоа.

«Только не сейчас!» — мысленно воскликнул Кай, и его аж передернуло от такой новости.

— А он здесь?

— А ты не знал? Мы здесь уже давно стоим лагерем, сейчас это наша территория. И с вами мы вроде сейчас не очень дружим, — по лицу Кая Изоа понял, что это новости для него, — а где ты был, что не в курсе всего этого?

— Изоа, может, ты меня просто пристрелишь? Можно тебя попросить о таком одолжении? Как самурая.

— Кай я не хотел бы когда-либо вообще лишать тебя жизни, даже если мы встретимся в бою, и, тем более, лишать тебя жизни как пленника, у которого руки связаны, — Изоа говорил это искренне, он уважал Кая как воина, и сейчас ему было приятно общение с ним даже в таких не совсем для Кая благоприятных обстоятельствах. Вернее, очень неблагоприятных. Он чувствовал на себе молящий взгляд Кая.

Но он служит Такеру, и это было его личное тайное распоряжение к нему, его верному слуге: поймать Кая. Для чего — Изоа прекрасно догадывался.

Их странные отношения, вернее, это безумие, которое охватило его господина Тоями, было неприемлемо для Изоа, несмотря на то, что он был воином клана Сэндай, древнего клана, где отношения между мужчинами были основой жизни воина. Он сам это отвергал.

Сейчас просьба Кая тронула его, но долг перед своим господином превыше всего, и он отвезет Кая к Тоями.

Кай понял, Изоа больше говорить не будет и делать что-либо тем более. Спасения нет. Он откинулся на подголовник заднего сидения. Влажные волосы спадали на его лицо.

Изоа видел в зеркале аристократические черты Кая и понимал, почему Тоями совсем слетел с катушек, — Кай идеал воина. Связь с таким воином — это высшее наслаждение души и тела.

Изоа усмехнулся — вот только Кай не пойдет на это. Тогда Тоями обречен на вечные страдания...

Кай, понимая, что он попал, причем по собственной глупости, просто позволил себе уйти в эмоции вместо того, чтобы вникнуть в военную обстановку в период его отсутствия. И теперь он напрямик едет к Тоями.

«Вот хороший подарок он ему сделал — себя, — Кая опять передернуло, — только не сейчас! Когда ему так плохо, когда он еще не пришел в себя после двух недель этого ужаса, когда в ушах стоит крик измученного болью человека. И вот именно сейчас он еще увидит Тоями со всем его безумным бредом и приставаниями!»

Машина остановилась, солдаты вытащили Кая и повели его к огромному шатру.

«Какой большой лагерь, — промелькнуло у него в голове, — и когда они успели все это установить здесь? Ах, да, он же две недели резал людей... Ну почему опять он вспоминает это... хоть на секунду забыть бы все...»

Глава 11

Господин Такеру вел военный совет в шатре, на котором присутствовали его основные военачальники.

— Извините, господа, — сказал, заходя, Изоа и склонился в поклоне, затем выпрямился, перевел взгляд на господина Такеру, — у меня для вас ценный подарок, — Изоа отошел в сторону, чтобы пропустить солдат, которые ввели Кая.

Глаза Тоями и Кая встретились.

На долю секунды глаза Тоями сверкнули, и могло показаться, что они расширились от изумления, но он взял под контроль свои эмоции и холодным ровным голосом, равнодушно смотря на Кая, сказал:

— Спасибо, Изоа, за верную службу. Проводите Кая под охраной в мой шатер и оставьте с охраной до моего прихода.

Никто не посмел возразить своему начальнику, все лишь молча наблюдали, как Кая увели, а затем Тоями продолжил совещание.

Солдаты, конвоирующие Кая, повели его через лагерь к огромному шатру. Кай понял, что это и есть шатер Тоями. Зайдя внутрь, они остановились, Кай огляделся.

«Какой большой шатер, хотя, при современных технологиях и наличии денег можно позволять себе даже на войне такую роскошь.»

Пространство внутри разделялось палантинами. Сейчас они стояли в центре гостиной с диванами, столом и креслами, впереди, за приподнятым палантином, Кай увидел край кровати, видно, это была спальня, повернув голову в сторону, он рассмотрел еще один приподнятый палантин и часть помещения с диваном и креслами. Все было в красно-золотых тонах с роскошью японского дворца и в то же время с современными деталями интерьера. Ковры, пуфики, мягкие кресла и диваны. Видно было, как владелец этого шатра ценит роскошь и в то же время обладает изысканным вкусом.

«Видно, Тоями не привык себе ни в чем отказывать. Ненапряжно он воюет, если позволяет себе такую роскошь, хотя, чего удивляться — они особо и не воюют, так, держат небольшие местности под контролем. Для Тоями это больше экзотическая поездка, чем война», — такие

мысли пронеслись в голове Кая при виде окружающей его обстановки.

Быстро закончив совещание, Тоями направился в свой шатер. Зайдя внутрь, увидел Кая, стоящего под охраной посреди комнаты.

— Вы свободны, — сказал он, обращаясь к солдатам рядом с Каем, — ключи от наручников положите на стол.

Охрана вышла из его шатра, Тоями перевел взгляд на Кая, на котором был влажный от дождя черный военный френч его мокрые волосы крупными непокорными кудрями лежали на голове, несколько локонов упали на лицо.

«Задуманный мной план сработал — ты теперь полностью в моей власти!» — он смотрел на Кая, пожирая его глазами.

Да, это был его план. Поняв, что он может проиграть Аршаду в этом поединке, Тоями решил играть на опережение. Ведь идет война и попасть в плен может каждый. И он, пользуясь своим положением, дал секретное распоряжение своему верному помощнику Изоа, если сложатся обстоятельства — захватить Кая в плен и доставить ему. Изоа давно уже обо всем догадывался, и ему не пришлось долго что-либо объяснять.

И вот, по прошествии столького времени, его план сработал. Кай попал к нему в плен. Неважно, что отношения с русскими вроде опять восстанавливаются, это там, наверху, а здесь, на фронте, все по-другому. На войну можно списать все. Он слишком долго ждал этого момента. И теперь он уже не отступит. Готов ли он сейчас дойти до конца? Наверное. Эта игра в кошки-мышки затянулась. Кай несговорчив, даже на обычные встречи не пошел, что же, тогда стоит попробовать сменить тактику. Тем более, он так этого сам хочет. Он хочет его! Хочет так, что все это время сходил с ума от воспоминаний о его губах, шелковой коже, его тихих столах и сбившемся дыхании...

За это время Тоями, как влюбленный мальчишка, извел себя воспоминаниями о том, кем он хотел обладать. И, наконец, пришел к выводу, что не готов быть мечтательным юнцом, ожидающим чуда. Он взрослый, ему скоро уже будет тридцать, он многое повидал и испытал и сейчас готов вести себя как человек, чье самолюбие было задето и чьи искренние чувства были отвергнуты. Он готов взять то, что хочет. А потом уже решать, что с этим делать дальше. Он хочет насытить свою страсть, дать волю своей темной стороне. Если Кай отверг его светлую сторону, может, он примет темную? Может, его низменная страсть, его развратные желания будут для Кая более привлекательны, чем романтические чувства?

Но было и еще одно, то, что сделало окончательный перевес в таком поступке — это Аршад. Он не уступит ему Кая. Никогда! Аршад и их затянувшаяся игра — Тоями ее понял, и это толкнуло его сейчас на решающий шаг. Он не уступит того, кого он хочет, другому.

Тоями продолжал рассматривать Кая, стоящего перед ним. Его заведенные назад руки, скованные наручниками, влажные волосы, затемненные ресницами блеск изумрудных глаз. Он мысленно раздевал его, наслаждаясь этим чувственным зрелищем. У него была достаточно хорошая фантазия, чтобы представить сейчас Кая без одежды, только с наручниками на руках.

Тоями шагнул к нему, пристально смотря Каю в глаза. Ему показалось, что он видит там боль и страх.

«Кай меня боится! Он боится того, что я хочу ему предложить. А боль, почему в его глазах

столько боли? Сегодня он странно выглядит... Не важно! Я на эту уловку не поведусь! Он не хотел ответить на мои чувства, когда был свободным, — теперь он в моей власти.»

Тоями медленно приблизился к Каю, и, практически касаясь его, стал обходить по кругу. Вдыхая его запах и наслаждаясь такой близостью человека, которого он так долго хотел видеть рядом, и вот, наконец, это сбылось.

Военное кимоно Тоями шуршало при каждом его плавном движении. Кай чувствовал безумную энергетику, которая исходила от него, и это его действительно пугало. Пугало наваждение Тоями, его безумие!

«А я сейчас беспомощен, с наручниками на руках. Как глупо я попался!» — понимая все это, Кай не знал, что теперь делать.

Опять перед глазами всплыли воспоминания:

«Стол, свет ламп, скальпель, он должен сейчас сделать надрез и продолжать дальше...»

Кай очнулся от прикосновения руки Тоями, который убрал мокрую прядь с его лица. Их глаза встретились. Тоями провел пальцами по лицу Кая, линии скул, по нервно сжатым губам.

— Здравствуй, Кай. Тебе не кажется, что в последнее время мы стали часто встречаться с тобой? Зачем ты ехал сюда? Впрочем, это не важно! Это судьба! — Тоями помолчал, улыбаясь, — как я рад тебя видеть, особенно, когда ты полностью в моей власти! — он продолжал прикасаться к лицу Кая, — помнишь, я тебе сказал, что всегда добиваюсь своего?

— Здравствуй. И чего ты хочешь добиться? — Кай пытался отстраниться от руки Тоями на своем лице.

— Того, в чем ты мне отказывал все это время, — коварно улыбнулся Тоями, — но сейчас ты мне в этом уже не сможешь отказать.

— Я, кажется, военнопленный? Разве это нормально — такое обращение с пленным?

— Ты что, заявишь, что тебя изнасиловал японский офицер? — Тоями рассмеялся, глядя в глаза Каю, — я же не убивать тебя собрался.

Услышав это, Кай отвел глаза от Тоями, понимая, что все складывается не в его пользу, затем обвел взглядом шатер, ища выход из сложившегося положения.

— Ты, наверное, ищешь «выход»? — Тоями улыбнулся коварной улыбкой, — тебе даже Коджи не поможет. Он в Японии, у него отпуск.

Да, Кай надеялся, что Коджи где-то рядом, он бы явно стабилизировал ситуацию с Тоями. Но теперь и эта надежда исчезла.

Тоями грубо схватил Кая за форму и потащил в сторону кровати, а затем швырнул его на нее. Кровать была мягкая, Кай упал на нее спиной, попытался отползти, но оказался моментально придавленным Тоями, который теперь смотрел на него сверху вниз.

Глаза Тоями и все его действия выражали не только безумную страсть, но и холодную жестокость.

Да, он посмеялся над чувствами Тоями, хотя, вернее, ему до него и всех его страданий не было

никакого дела. Да и еще грубил ему — Кай это понимал и осознавал, что своим грубым поведением обозлил Тоями.

Затем опять всплыли воспоминания последних дней:

«Свет лампы... простыни... скальпель и крик человека...»

Тоями увидел, что Кай сначала был здесь, с ним, а потом опять эта боль в глазах, этот взгляд в никуда, сквозь него.

«С ним что-то не так? — подумал Тоями. — А когда со мной было не так? Когда я сходил с ума все это время, не находил себе места, не находил покоя ни в чем?! За это сейчас я буду беспощаден и жесток с ним — я просто возьму, что хочу.»

Тоями, удерживая Кая за плечо одной рукой, приподнял его подбородок другой и жадно прильнул к его губам. Поцелуй был бесконечно длинным.

Это вернуло Кая в реальность.

«Дергаться глупо с наручниками и заломленными назад руками. И это еще больше раззадорит Тоями, и тогда достучаться до его разума будет нереально. Хотя, когда Тоями адекватен, он вполне вменяем и разумен. Вот только как привести Тоями в этот адекват?» — думал Кай, не сопротивляясь проникшему в его рот языку Тоями.

«Хорошо целуется, но сейчас это было не так, как тогда в палатке», — промелькнула в мозгу Кая.

За это время столько всего произошло, и последние события постоянно возвращали его в ужас этих двух недель. Сейчас он ничего не чувствовал, он просто ждал, пока Тоями это прекратит.

«Достал уже с поцелуем! Вот если бы на месте Тоями была бы Ирка, вообще было бы отлично, — это была следующая мысль Кая, который дожидался, когда Тоями оторвется от его губ, — ну как он не поймет, не интересуется он меня в таком плане. Конечно, у Тоями вековые традиции и воспитание, о которых ему рассказывал его сэнсэй, но у меня другие традиции, которые не допускают такого рода отношения!»

Кай, ощущая на своих губах жар поцелуя, чувствуя его язык у себя во рту, вспомнил опять о Ирке — и ответил на поцелуй.

Тоями отшатнулся как ужаленный.

— Ты что? Тебе понравилось? Ты меня тоже любишь хоть немного?

«Как его с любовью-то поднакрыло ко мне!» — подумал Кай и закрыл глаза, чтобы не видеть счастья на лице Тоями, ведь он его обманул, это не ему он ответил на поцелуй. Нет, он его не любит нисколько, но он не хочет выяснять это сейчас. Зато его действия привели Тоями в нормальное состояние, это ему на руку.

«Нужно воспользоваться моментом», — подумал Кай.

— Сними наручники, пожалуйста, — Кай открыл глаза и посмотрел в глаза Тоями, — пожалуйста, руки затекли, больно.

Тоями уже начал привставать, чтобы дойти до ключей от наручников, но разум напомнил ему о

поведении Кая при их встречах, его упрямство и полное отвержение всего, что он ему предлагал.

«Ну нет! Я не поддамся на твои чары! Пусть теперь ты помучаешься. И от боли тоже. О, какую боль я тебе доставлю, боль наслаждения!»

Кай видел, как Тоями меняется в лице, он видел, что уже достучался до его разума, а потом опять Тоями стало накрывать. Эта жестокая улыбка, блеск холодных чуть раскосых серых глаз.

«Вот блин, засада какая! Вот его с этой любовью накрыло. Вот что значит — тонкая душевная организация.»

«Свет лампы в глаза... белые простыни...стол... кровь на его руках... стон... кровь...»

Тоями смотрел на Кая и понимал, что он опять не здесь, где-то там, и там боль, она в его глазах.

«Это уловка! — подумал Тоями, — не поддамся на нее. Это игра. Не верю! Будем играть по моим правилам!»

Тоями жадно смотрел на Кая, который лежал перед ним на огромной кровати. Это прекрасное лицо в неярком свете ламп, влажные локоны, красивые высокие скулы, такая линия губ.

Тоями начал расстегивать пуговицы френча Кая, затем грубо расстегнул пряжку портупеи и, наконец, распахнул френч.

— Псих, что ты делаешь? — эти действия Тоями опять вернули Кая в реальность.

— Хочу посмотреть на тебя.

Взгляд Тоями задержался на золотом кресте на шее у Кая. Затем он положил руку на его грудь и медленно повел ей вниз, чувствуя теплую кожу под своей ладонью. Сейчас его рука вспоминала эту шелковую кожу.

— Как бьется твое сердце, какая гладкая кожа... Это прекрасно, — чуть охрипшим от возбуждения голосом произнес Тоями.

Кай чувствовал жар его руки на своей груди, животе...

— Подожди! Послушай меня, — Кай предпринял еще одну попытку «достучаться» до Тоями.

Тоями замер, посмотрел на него.

— Послушать о чем? Ты меня не слышал, когда я говорил с тобой? Ты меня знать не хотел. Даже просто ради человеческих отношений мог бы хоть пересечься, не первый день знакомы. Или это так тяжело — вести себя по-человечески с теми, кто к тебе хорошо относится? А ты просто исчез — и все!

— Все это время я был занят, я потом объясню... Да прекрати меня лапать! — это уже начинало бесить Кая.

— Как я люблю эту неподдельную страсть, когда ты такой настоящий, если бы не наручники я бы испугался тебя. Ты сейчас грозен, — лицо Тоями опять стало холодным и жестоким, — ты

мой! Теперь я буду издеваться над тобой, и моя пытка будет мучительной и долгой.

Тоями решительно схватился за ремень брюк Кая и резкими движениями расстегнул его, затем пуговицу на брюках и ширинку.

— Тоями! — сейчас голос Кая источал мольбу и прерывался, — Тоями, послушай! Бывают минуты в жизни, когда секс — не важно с кем — не совсем вовремя. Вернее, вообще не до него. Ты это можешь понять?! — почти прокричал Кай.

Этот крик отчаянья отрезвил Тоями. Он замер. Внимательно посмотрел в его глаза.

— Что у тебя случилось? — сейчас Тоями был прежним.

— Я не готов говорить об этом, лежа перед тобой на кровати с расстегнутыми штанами. И руки очень затекли. Действительно больно, — Кай взглянул в глаза Тоями.

«Что-то произошло у Кая», — Тоями это понимал. Он замер, задумался.

«Разве я могу так с ним поступить? Странно, что со мной? Раньше бы и не задумался, сделал то, что хотел. Но сейчас не могу. Я чувствую к нему намного большее, чем физическое влечение, и хочу от него намного большего, чем просто удовлетворение моего желания...»

Он еще раз посмотрел на Кая. Тот лежал перед ним с заломленными назад руками полураздетый. Тоями стало стыдно за свое поведение. Его страсть затмила ему разум. Он не имел права так поступать. Пользоваться силой над беззащитностью положения Кая.

«Но Кай опасен в гневе. Я не имею права подвергать риску своих людей.»

— Я не могу рисковать жизнями моих солдат, если ты начнешь бушевать. Пойми меня. И я сам не хочу с тобой драться, — он смотрел в глаза Кая. — Дай слово, что уедешь от меня только с моего согласия.

— Даю слово.

Руки, сведенные за спиной, сильно болели. Глаза Тоями пристально смотрели на него, он понимал его опасения, но лучше связать себя словом, чем это безумие еще раз.

— Даю слово, что уеду отсюда только с твоего согласия, — еще раз повторил Кай.

Тоями встал и, стыдясь из-за собственных действий, подошел к столу, чтобы взять ключ от наручников.

«Опять крик... белая простынь в крови, и он режет... кожа... мышцы...»

Тоями понял, что Кай не здесь.

— Кай, что с тобой?

Кай вздрогнул от его голоса и постарался увести взгляд, чтобы он не увидел его глаза.

Тоями склонился над ним и, аккуратно взяв за плечи, приподнял, освобождая ему руки.

Руки сильно затекли. Кай потер следы от наручников и начал, сжимая и разжимая пальцы, восстанавливать кровообращение.

Тоями смотрел на него с печалью, коря себя за свои действия.

Сейчас он понимал, что вел себя как «похотливая скотина», как об этом как-то выразился Коджи.

Кай, немного придя в себя, понял насколько глупо и неоднозначно все выглядит: Тоями, сидящий с ним на кровати, и он, с расстегнутым френчем и расстегнутыми штанами сидящий с ним рядом.

— Бред какой-то, — вырвалось у Кая, пока он вставал и приводил свои одежды в порядок.

Португее он не стал застегивать — какой в ней толк, когда оружие забрали. Снял и кинул в сторону. Френч застегнул на несколько нижних пуговиц, так, что было видно, как на шее поблескивала золотая цепь с крестом.

— Ты о чем, — от падающей португеи Тоями вздрогнул. Сейчас он даже боялся Кая.

«Его владение мечом совершенно, он истинный воин, именно поэтому я так хочу обладать им, но не только телом, но и душой. Как я хочу, чтобы он согласился быть со мной.»

Кай поймал на себе этот взгляд

— Прошу тебя, хватит! Второй части не нужно! Приди в себя.

— Я больше не поддамся эмоциям. Тебе уже не о чем беспокоиться. Ты обещал рассказать, что с тобой происходит.

— Выпить есть?

— Что ты хочешь?

— Виски есть? И кола?

— Зачем тебе эта гадость, — но увидев Кая, который опять со стеклянным взглядом смотрел сквозь него, он быстро принес и налил бокал виски и в другой бокал колы, как любит Кай — это он запомнил.

— Вот, возьми, — Тоями протянул бокал с виски.

Кай вздрогнул, его воспоминания опять унесли его туда, в операционную. Он взял бокал и быстро выпил. Виски обожгло горло, это немного привело его в чувства. Он отпил колу, чтобы убрать раздражающее действие в горле.

Сам налил себе еще и опять залпом выпил.

— Ты хочешь напиться? — Тоями молча стоял и наблюдал за действиями Кая.

— Нет, и вряд ли мне это удастся. Ты просил рассказать тебе то, что я хочу забыть, не вспоминать и, тем более, говорить об этом.

Кай, захватив бутылку виски со стола, пошел к невысокому дивану в другом конце комнаты. Плюхнувшись в угол дивана среди бесчисленного множества подушек, он налил себе еще. Но, не став пить, поставил бокал на столик перед диваном.

Тоями сейчас даже и в мыслях не мог допустить, чтобы сесть рядом с Каем на диван. Он сел на кресло напротив, поставив на стол колу, которую забыл Кай.

— Если тебе так больно об этом вспоминать — ненужно, не говори, — сказал Тоями, видя душевные муки на лице Кая. Что толку от его желания узнать, если этим желанием он причиняет боль тому, кому он не хотел делать больно?

— Буду я говорить об этом или нет — оно со мной, оно мучает меня сейчас, — Кай помолчал, потом заговорил, — я все это время был в Зеросе. Две недели, пока город был в осаде.

Тоями побледнел, он знал, что Зерос окружили и две недели там шли отчаянные бои по его захвату и непрекращающиеся бомбежки города.

— Я помогал с ранеными, вернее, сначала помогал, а когда убили помощника хирурга, встал на его место, — он говорил отрывисто, запинаясь от нахлынувших воспоминаний, затем отпил виски, закашлял, — закурить есть?

Тоями принес и положил перед Каем пачку сигарет, длинные, с ароматом корицы, как он любит. Кай нервно стал теребить пачку в руках. Тоями забрал пачку, достал сигарету, прикурил и дал Каю. Тот даже этого не заметил. Взял сигарету на автомате и нервно затаился.

— Там закончились лекарства. Основной склад с медикаментами был взорван, того, что успели спасти, хватило ненадолго — поток раненых увеличивался с каждым днем, — Кай замолчал, а потом посмотрел в глаза Тоями, — ты понимаешь, что значит оперировать человека без обезболивающего, как это — резать человека, который все чувствует? — Кай замолчал, опустил голову, — я это две недели делал...

Тоями теперь понял, почему Кай в таком состоянии, что он увидел в его глазах, почему он постоянно как будто проваливается в воспоминания. Тоями понял его боль. Он встал и, подойдя, хотел обнять его за плечи.

— Не прикасайся ко мне! — прошипел Кай. Это было действительно страшно — сейчас он не шутил и еле сдерживал свой гнев.

Тоями убрал руку и практически бесшумно вернулся на свое кресло.

— Ты доволен? Я рассказал все, — Кай посмотрел в глаза Тоями, — ты теперь понимаешь, что мне не до тебя, вообще ни до кого сейчас! Я и дорогу-то смутно помню. Зачем я сюда поехал? Просто ехал... — он устало откинул голову на подушки, — налей мне еще.

Тоями наполнил его бокал виски, понимая, что Каю нужно самому пережить эту боль и идти дальше.

А затем Тоями вспомнил свои недавние действия. Он не мог простить себе своего эгоистичного поведения.

«Как он мог так вести себя с Каем. Ведь он видел, что ему плохо! Ну нет! Он хотел слышать лишь себя и свои грязные помыслы. А теперь перед ним сидит Кай с больной, истерзанной душой, которому его присутствие после всего произошедшего противно. Да, он ему противен. Вот, чего он добился своими действиями. Глупец! Теперь Кай не простит его, он будет его ненавидеть.»

— Виски творит чудеса — я уже не слышу их голоса и не вижу перед собой окровавленных простыней... Где у тебя можно переночевать? — Кай чувствовал, что его просто рубит от усталости и пережитого напряжения. Сейчас ему было все равно, что с ним будет. Он хотел спать.

— Моя кровать вот там или, если хочешь, вот этот диван. Ванная направо, — растерянно произнес Тоями, тоже понимая, что сейчас Каю уже все равно.

— Сам спи на этом диване, — это прозвучало как приказ.

Пошатываясь, Кай пошел в сторону кровати, не раздеваясь упал на нее.

Тоями, как побитая собака сидел тихо в кресле, понимая, где его место. Затем встал и медленно подошел к уже спящему Каю, снял с него ботинки, накрыл пледом.

«Как глупо все вышло. Я пыжился, изображал из себя беспощадного деспота, а он просто сказал — твое место вот там, у моих ног, и заснул. Да, такого человека невозможно не любить!»

Он счастлив, что встретил его в своей жизни, и он будет довольствоваться малым. Быть рядом с ним, охранять его сон и пока не претендовать ни на что большее.

«Но ведь был поцелуй, и он ответил, ведь это было?»

Сегодня счастливый вечер в его жизни. Тот, кого он так хотел видеть рядом с собой сейчас здесь. Пусть он будет просто рядом с ним. Даже в этом огромное счастье.

С этими мыслями Тоями стал устраиваться на диване.

***

Настало утро. Выпитый алкоголь сделал свое дело — Кай спал крепким сном. Проснувшись, прокутил в голове события вчерашнего вечера.

«Бред какой-то! Нет, не бред», — Тоями спал на диване.

«Все равно бред!»

С этими мыслями он пошел в ванную. Ванная комната, на его взгляд, была как девчачья — такое количество кремов, тубиков и флаконов он уже давно не видел.

Его одежда была мятая, поэтому после душа он надел одно из многочисленных кимоно Тоями, решив, что нужно сказать, чтобы его вещи привели в порядок.

— Эй, хватит спать, — проходя мимо спящего Тоями, Кай пихнул ногой его диван.

Тоями вскочил, еще до конца не понимая, что происходит.

— Я твой ужас, кошмар! Ты хотел меня видеть — вот, я здесь, что дрыхнешь?

У Кая были мокрые волосы, а одет он был в кимоно на голое тело.

— Блин, хватит пялиться! Скажи своим, чтобы привели мою одежду в порядок. Твое кимоно длинное. Дай мне что-то более удобное. Где минералка? Сушняк после виски.

Да, это был страшный кошмар Тоями. Он сейчас это осознавал. Столько распоряжений, когда он еще и проснуться не успел. И он понимал, что выполнит их все беспрекословно.

Тоями вскочил, дернул за веревку колокольчика, вбежали его личные слуги. Он отдал им распоряжения.

Кай, видя всю эту картину, хихикал у стола.

— Что тебя рассмешило? — грустно спросил Тоями.

— Ты понимаешь, как это смотрится со стороны? Ты видел их глаза? Я мокрый, в твоём кимоно с утра, мягая постель. Короче — ты герой дня! Поздравляю! Я, конечно, в дер**е, но в целом весело.

Тоями понял, о чем подумали его слуги, увидев все это.

— Я не хотел... — начал он говорить, но его перебил Кай.

— Что не хотел? Запятнать мою репутацию голубой темкой?

Опять зашли слуги — принесли одежду — это было военное кимоно самурая.

— У меня только такое, — извиняющимся голосом сказал Тоями, но оно подойдет тебе по размеру.

— Пофигу, как его надеть?

— Я помогу, — увидев холодный блеск зеленых глаз Кая, Тоями осекся, — слуга поможет тебе одеться, я выйду.

Дождавшись, когда Тоями закроет за собой дверь ванной, Кай разрешил помочь себя одеть. Слуги сделали каменные лица, хотя их взгляды он чувствовал на себе.

Одевшись, Кай упал на диван перед накрытым невысоким столиком с едой.

— Принесите красного вина.

Когда из ванной в свежем кимоно вышел Тоями, у него перехватило дыхание от вида Кая. Как грациозно он полулежал на подушках и держал бокал вина и то, как шла ему эта одежда.

Увидев взгляд Тоями на себе, Кай отпил красного вина из бокала и, глядя ему в глаза, сказал:

— Садись, что, так и будешь стоять?

— Ты пьешь с утра? — спросил опять тихим грустным голосом Тоями, сжавшись под пристальным взглядом Кая.

— А что мне еще делать? Моя честь уже потеряна после проведенной с тобой ночи, поэтому мне уже терять нечего, — Кая веселила в целом вся ситуация своей абсурдностью.

— Я заслужил твои издевки, извини за вчерашнее.

— За что? За то, что чуть не трахнул? Ты, конечно, прикольный! Вносишь разнообразие в мою скучную, обыденную жизнь. У тебя вчера совсем крышняк снесло. Правда, и меня поднакрыло,

— Кай стал серьезным, отпил еще вина из бокала, — но не будем о грустном. Теперь все знают, что ты меня отымел. Можешь гордо ходить по лагерю. Принимать комплименты. Там, наверное, все ждут рассказа, как это было.

— Хватит! — в голосе Тоями звучали нотки надлома, — пожалуйста — хватит!

— Чувствительная натура? — издевательски-злобно сказал Кай и допил вино, — наливай, я вроде как в гостях.

Тоями забито сидел на диване.

«Он заслужил это! А что он хотел? Это Кай, вот именно за все это он его и полюбил. Другой бы... Да нет таких других! Кай — только он после всего произошедшего и не произошедшего мог так себя вести. Такой красивый в этом кимоно.»

— Хватит на меня так смотреть — достал! — в голосе Кая слышалось раздражение.

— Почему ты ничего не ешь? — Тоями увидел нетронутую тарелку еды перед Каем.

— Аппетита нет после ночи с тобой.

У Тоями тоже не было аппетита, он опустил глаза и уткнулся в свою тарелку.

Кай видел сейчас перед собой печального молодого человека с побледневшим лицом и растерянным взглядом.

«Зато вчера как хорохорился, — вспомнил он, — не растрогаешь, вот теперь сиди и мучайся, в следующий раз будешь не рад меня видеть. Я уж приложу все усилия, чтобы достать тебя до печенок. Может, и любовь пройдет. Как жалко, за столько лет встретил человека, которого хочется считать своим другом, а здесь такая фигня — бывает же. Бред. Крыша от этого едет.»

— Телек работает? — командный голос Кая вывел Тоями из ступора, в который тот впал от такого утра.

— Да, но я думал, может, ты хочешь выйти подышать?

Кай, который уже пошел в сторону телевизора, резко обернулся на эти слова.

— Ты мне предлагаешь милой парочкой под ручку с тобой прогуляться по лагерю — этакая идеалистическая картинка: двое влюбленных голубков после страстной ночи любви! Я просто валяюсь над тобой.

Тоями сидел, не шевелясь, на диване, он услышал, как включился телевизор.

— Эй, Тоями.

Он быстро встал и подошел к Каю.

— Принеси бутылку вина, я ее на столе оставил... и сигареты захвати.

Тоями послушно исполнил приказ. Затем он понял, что Каю сейчас хорошо с бокалом вина на диване перед телевизором, и в нем он более не нуждается, поэтому решил заняться работой — пойти в основной шатер его штаба.

***

Изоа и все пристально посмотрели на вошедшего господина Такеру и поняли по его виду побитой собаки о том, что его отвергли. Да никто и не сомневался в этом!

Изоа тоже это знал, может, поэтому он не стал вмешиваться вчера вечером, хотя искренне хотел помочь Каю, но решил, что Кай сам за себя постоит.

Все поклонились, приветствуя своего командира. О том, что происходит в шатре господина Такеру знал весь лагерь, более того, делались ставки на разворот событий. И в целом все предсказывали полный облом их господина. Хотя они любили и уважали его как воина и их командира, но они уважали и Кая.

Видя затравленный вид своего начальника, все поняли исход ночи, это еще больше повысило уважение к Каю.

Тоями чувствовал на себя взгляды и даже, как показалось, пару смешков за спиной, но сделал вид, что ничего не замечает. Он просто включился в работу.

Во второй половине дня Тоями уже хотел возвращаться к себе, как на пороге появился его руководитель — господин Юзуру со своей свитой.

Обменявшись поклонами со всеми, Юзуру спросил у Тоями:

— Почему вы не доложили мне, что захватили в плен Кая? Или это не важное событие? Где он?

— У меня в шатре, — невозмутимо ответил Тоями, понимая, что информация просочилась из его лагеря и начальство приехало незамедлительно — ведь у него сам Кай.

— Почему он у вас в шатре? У вас там что, место для содержания военнопленных? — голос Юзуру был холоден и строг, он злился на Тоями, вернее, он был взбешен. Когда до него дошли слухи о любовных притязаниях Такеру, он тогда даже не поверил к кому — к Каю?!

Да, он тоже имел связи с юношами, но его любовники были воинами его клана, его веры и это были обоюдные чувства. Здесь же он услышал дикую историю о бесплотных ухаживаниях Тоями за Каем. Этот поцелуй при всех. А сегодня рассказ о том, что Кая, связанного, привезли вечером в шатер Тоями. Он бросил все и немедленно приехал, чтобы понять насколько все плохо.

— Итак, почему военный заключенный у вас в шатре?

— Вы же знаете, это необычный заключенный. У меня ему удобнее. Вы же не хотели бы узнать, что он содержится в сарае?

— Что с ним? — Юзуру не спрашивал напрямую, обходя эту скользкую тему.

— Все в порядке.

— Господин Такеру, вы, наверное, понимаете, что сейчас с новой политической ситуацией по фронтам нам лучше иметь Кая в союзниках.

— Чем иметь его, — это было произнесено грозным голосом.

Все обернулись в сторону человека, позволившего себе перебить разговор двух военачальников, да еще в такой грубой форме. Эти слова произнес Рэйко.

Тоями явно не повезло — в его лагерь, услышав о пленении Кая, приехал господин Рэйко Никайдо. Рэйко было позволено все — за его боевые заслуги. Хоть Рэйко и не был стар — ему было около сорока лет — но война и суровые испытания прибавили ему возраста. Своей храбростью и боевым искусством он превосходил их всех, и поэтому ему многое дозволялось. Когда он услышал о происходящем, он поехал с Юзуру, чтобы на месте самому во всем разобраться. Ведь он был другом Кая. Уже столько лет они воевали плечо к плечу и столько раз спасали друг друга от неминуемой смерти.

— Пусть приведут Кая, немедленно! — отдал распоряжение Рэйко, — хватит пустых разговоров, я хочу его видеть.

Рэйко зло смотрел на каменное, спокойное лицо Тоями. Да, Рэйко тоже имел связи, как положено в его клане, с более молодыми воинами, но о Кае он всегда думал только как о друге, который вытаскивал его из лап смерти не единожды. И он не хотел бы узнать, что Тоями перешел грань, ведь тогда он убьет его, даже несмотря на то, что это преступление против своего клана.

Глава 12

Когда за Каем пришли два солдата, он бесцельно слонялся по шатру, уже не зная чем заняться. Бежать он не мог, так как дал слово. Для Кая это была не пустая фраза — за годы здесь он зарекомендовал себя как человека, который «держит слово». И ничто не заставит его нарушить данное слово. Это был его жизненный принцип — принцип чести.

Солдаты учтиво поклонились и жестом попросили пройти вперед. Из этого он сделал вывод, что он не пленник, а почетный гость или гость-пленник. Это уже стало интересно, тем более он слышал шум подъезжающих машин — кто-то приехал и хочет его видеть.

«Если меня так учтиво ведут, а не тащат в наручниках, значит, не все так уж плохо. Даже интересно, кто приехал в гости к Тоями?»

Все эти мысли мелькали у него в голове, пока они шли через лагерь.

Зайдя внутрь шатра, Кай увидел стоящих с одной стороны господина Юзуру и его свиту, с другой стороны — Тоями и его свиту, а в центре — Рэйко. Он его узнал бы всегда, несмотря на то, что виделись они последний раз чуть ли не год назад, причем не в лучших обстоятельствах. Он вспомнил, как тащил его на себе через ущелье под градом пуль и взрывов. Тогда Рэйко сильно ранило.

— Рэйко! — Кай шагнул вперед, они обнялись по-мужски крепко, как два воина, прошедшие ад войны, — как я рад тебя видеть.

Затем он повернулся к Юзуру.

— Здравствуйте, господин Юзуру, — Кай всегда соблюдал традиции этой страны и всегда с уважением относился к людям, которые перед ним стояли, хотя знал, что сейчас они разговаривают, а уже завтра могут быть по разные стороны окопов.

Затем повисла неловкая пауза. Все смотрели на Кая, а он понимал, что они хотят понять — что произошло между ним и Тоями.

Кай стоял под перекрестными взглядами. Кимоно Каю очень шло: тонкая талия, темный шелк, белая оторочка, оттеняющая лицо и руки, смоляные волосы, зеленые глаза, благородные черты лица.

Рейко поймал себя на мысли, что понимает Тоями, почему его так накрыло. Все это время он видел Кая обычно в крови, грязи, темени и в пылу сражения, хотя и тогда он был красив, но сейчас...

— Скажите, господин Такеру уважительно отнесся к вашему пребыванию у него в гостях? — наконец спросил Юзуру, нарушив затянувшуюся паузу.

— Да, с должным уважением, — Кай понимал, о чем он хочет узнать.

— Прощу извинить за ваше пленение, давайте считать это недоразумением — вы свободны. И если окажете нам честь — останьтесь на ужин, а также есть предложение по сотрудничеству, которое хотелось бы с вами обсудить.

— Спасибо, — ответил Кай и учтиво поклонился, — я приму ваше приглашение остаться на ужин.

— Я хочу поговорить наедине с моим боевым товарищем, мы придем к ужину, — сказал Рейко и жестом пригласил следовать Кая за ним в другую часть шатра, отгороженную палантином.

Все это время Тоями молча стоял и с холодным спокойным лицом наблюдал за происходящим, а внутри у него бушевала буря. Он не знал, что у Кая такая искренняя дружба с Рейко. Насколько они искренни, он увидел по светящимся радостью глазам одного и другого. И почему Кай не стал обвинять его? Он же мог сказать господину Юзуру о непочтительном к нему отношении, и тогда Тоями мало бы не показалось — судя по такому спешному приезду, господин Юзуру был решительно настроен.

Когда Кай и Рейко ушли в другую часть палатки, Тоями вспомнил, что у него долг хозяина всех разместить и дать распоряжения о предстоящем ужине — этим он и занялся, хотя мысли его были о Кае, он понимал, что сейчас у него будет спрашивать Рейко.

***

Кай сел в кресло, рядом с которым стоял столик, и смотрел, как взволнованно ходит Рейко. Пытаясь найти слова, чтобы начать разговор.

Так и не найдя подходящих слов и кипя от бешенства, Рейко резко обернулся, остановившись прямо перед Каем, и спросил:

— Точно все в порядке? Ты ничего мне не хочешь сказать?

— Спасибо, что ты так искренне волнуешься за меня. Точно все в порядке, — Кай открытым взглядом посмотрел в прищуренные, мечущие молнии глаза Рейко, — пожалуйста, присядь, ты меня уже начинаешь пугать своим состоянием.

— Ты мой друг, ты столько раз меня спасал, мы дрались плечом к плечу. Я готов убить Тоями, если ты только скажешь, — говоря это, Рейко сел в кресло напротив.

— Если бы было нужно, я бы и сам убил Тоями, — Кай достал пачку сигарет, тонкими пальцами вытащил одну и прикурил.

— Мне жаль, что Тоями так себя ведет, — тихо сказал Рейко, волна агрессии схлынула, Кай развеял окончательно его сомнения — с ним все нормально.

— Я знаю вашу культуру, традиции, историю, я понимаю Тоями, я его не осуждаю, я на него даже не обижаюсь, но и принять я это не могу, так как у меня другая вера, — Кай искренне хотел объяснить все Рейко, чтобы тот понял, перестал волноваться и, тем более, оставил мысли убивать Тоями. Что он может сделать это, Кай даже не сомневался.

— Я понял тебя, я рад, что как образованный человек ты понимаешь поступок Тоями, я уважаю тебя за твое решение и терпение к нему в его безумии.

— Ну, если честно, этим он меня уже поддостав.

Они вместе рассмеялись, понимая всю абсурдность этой ситуации. Смех убрал последние остатки напряжения. Оставшееся время они разговаривали о том, где и кто был за этот год и о событиях последних сражений. Им было о чем поговорить. Столько общего. Вернее, одно общее — бесконечная война...

***

Потом их позвали к ужину. Ужин был накрыт в национальном японском стиле. Низкие столы, за которыми все сидели на коленях в позе сейдза. Кая это не смущало, он не только прекрасно знал язык, но и все традиции этого народа, кому кланяться, как есть палочками и правильно отвечать на тосты, чтобы не оскорбить более старших гостей, этому его обучил его учитель.

Тонкое соблюдение этикета Каем поразило всех. Такое знание традиций и уважение к ним — у многих японцев сейчас этого не встретишь.

На таких ужинах было принято за столом говорить только о прошлых исторических событиях Японии, войнах кланов прошлых веков, военачальниках, их битвах, их жизни. Многие удивленно косились на Кая, когда в очередной раз нужно было продолжить беседу, он с легкостью продолжал любые темы разговора, прекрасно ориентировался в сложных именах бывших полководцев, идеально помнил даты и подробности исторических битв.

Тоями был тоже удивлен и поражен, как вел себя Кай, эти манеры истинного самурая, хотя он не был им, — ни одной осечки.

Кай сидел рядом с ним, по правую руку, такова традиция — гость хозяина должен сидеть справа от него. Вот только Кай практически ничего не ел, только чуть пригубливал пиалу с саке, когда поднимали тосты. Это немного насторожило Тоями, но он не придал этому большого значения.

Сидевший справа от Юзуру его советник был раздражен всеобщим восхищением Каем, он считал его врагом. И все, что сейчас происходит здесь, было лишним. Он этого не понимал и не принимал, но терпел, так как его господин так решил.

Пытаясь найти повод подловить хоть в чем-то Кая, чтобы тот попал в просак и, наконец, облажался перед всеми, Макота завел разговор о поэзии прошлых веков. Ведь не мог же Кай знать все — всю поэзию!

— Кай, вы сказали, что любите японскую поэзию, я вспомнил один стих, но не помню его окончания, не можете ли мне в этом:

«В грезах весенней ночи

Воздушный мост возник»

Нависла тишина, все поняли, что Макота, который всю дорогу сюда твердил, что Кай — враг и с ним нужно разобраться как с врагом, а не искать дружеского взаимодействия, сейчас хочет выставить Кая в невыгодном положении.

— *«И вдруг распался, —*

Вершиной разделенные плывут

Пряди облаков в небе.»

Это Фудзивара Тэйка, мне нравится его поэзия, одиннадцатый век, — в задумчивости сказал Кай, даже не придав виду, что это была ловушка.

Тоями обернулся и восхищенно посмотрел в глаза Каю, услышанное окончательно его сразило. Он пытался держаться весь вечер, но чтение стихов, да еще в идеальной японской манере с идеальным произношением! Он уже не мог отвести взгляда от лица Кая.

Все смотрели на них.

Кай понимал, что Тоями опять слетает с катушек. Он не думал, что своим поведением, так впечатлит его. Нужно было что-то предпринять, чтобы Тоями пришел в себя, так как Рейко начинал закипать, видя, как Тоями пялится на Кая.

«Если любишь ты меня,

Помашу тебе я рукавом,

Но в стране Мусаси на лугах

Укэра от глаз скрывают цвет —

Так и ты скрывай свою любовь».

— И это стихотворение мне очень нравится, — холодным голосом сказал Кай, читая его, смотря в глаза Тоями.

«Тоями, приди в себя!» — посылал ему мысленный сигнал Кай.

Он совсем не хотел, чтобы Тоями пострадал из-за своей глупости.

Сверкающие гневом глаза Кая читающего стихотворение, как ушат холодной воды отрезвили Тоями. Его лицо приняло маску безразличия, и он перевел взгляд перед собой в пространство.

— Кай, я с вами хотел обсудить возможность сотрудничества по одной военной операции — сказал господин Юзуру, прервав затянувшуюся паузу.

Далее господин Юзуру рассказал Каю ее суть:

Противоборствующий клан Миота сейчас был не в лучшем положении, недалеко отсюда располагался их лагерь, как оказалось, очень малочисленный. По данным разведки, в лагерь

привезли схемы подземных лабиринтов, находящихся под горой Айшар. Сейчас схемы хранятся там, в лагере, их информатор это подтвердил. Но была одна загвоздка — схемы хранились в сейфе. Взрывать сейф нельзя — там система самоуничтожения всего содержимого. Забрать тоже нельзя — это многотонная громадина, прибудет подкрепление, чтобы его вывезти, — им не дадут уйти. Единственный выход — подобрать код и вскрыть сейф. С помощью компьютера можно было пытаться подобрать код, но это долго, пока программа начнет просчитывать все многомиллионные комбинации, компьютеру нужно время.

Господин Юзуру много слышал о математических способностях Кая и знал, что уже один раз Кай вскрывал такой сейф буквально за несколько минут. Только человеческий ум может путем логики и разума подобрать верный код. И таким умом обладал Кай. Поэтому он и предлагал сотрудничество, причем взамен он обещает Каю не только свободу, но и возможность забрать копии схем лабиринта. Так как считал, что это пойдет всем на пользу. С тем, что водилось в этих туннелях, им одним не справиться. Им вообще нужен лишь один туннель, чтобы по нему выйти к озеру, тем самым зайдя в тыл основного лагеря Миота.

Кай внимательно выслушал поступившее предложение. Получить схемы лабиринтов — это было бы очень здорово. Гору они бы очень пригодились, а то уж сколько раз они блуждали по туннелям как слепые котята. Имея схемы, они бы нашли тогда, где может располагаться секретная лаборатория Гюнтера и положили конец ее существованию и тем опытам, что он там ставит. Да и своим стоит часть схем туннелей привезти. Все, естественно, он сдавать не будет, а то наделают делов.

— Какое будет ваше решение? — спросил Юзуру, глядя на спокойное лицо Кая.

— От такого предложения глупо отказываться. Есть фотографии сейфа?

— Да, — Юзуру обернулся к помощнику, — покажите Каю.

Взглянув на фотографии, Кай понял, что худшие его опасения сбылись. Он знал эти сейфы, изучал их, проходя обучение у спецслужб. Была разная модификация таких сейфов с разными системами самоуничтожения. Это был сейф с одной попыткой. То есть, при вводе неправильного кода он взрывался.

— Вам знакома эта модель? — Юзуру пытался понять по лицу Кая, что не так. Глаза Кая чуть расширились, когда он взглянул на фотографию, Юзуру всегда очень внимательно наблюдал за каждым, ведь по эмоциям человека можно понять намного больше, чем тот говорит.

— Да, знакома. Будет только одна попытка.

— Что это значит?

— Если код неверный, сработает механизм самоуничтожения.

У Тоями внутри все похолодело, он понимал, что где-то будет подвох. Так просто Юзуру ничего не делает. Отпустить Кая взамен на смертельную услугу.

— Когда поедем? — спросил Кай.

— Я не знал, что здесь всего одна попытка, — Юзуру действительно не знал, что здесь все намного серьезнее.

— Это война, здесь везде игра в рулетку. Мне нравится эта игра, — глаза Кая вспыхнули

зелеными шальными искрами, — когда едем?

— Завтра вечером, там планируем быть к часу ночи. Но подробный план операции предлагаю обсудить завтра днем, так как положение по фронтам постоянно меняется. Завтра будут последние сводки и данные по наблюдению за лагерем Миота.

Юзуру поднялся, показывая всем о завершении ужина, все последовали его примеру.

Обращаясь к Тоями, Юзуру сказал:

— Найдите для Кая другой шатер для ночевки.

— Я предпочел бы остаться в шатре господина Такеру, если вы не против?

Все, уже уходившие остановились и обернулись, на такое заявление Кая.

— Желание гостя — закон, — Юзуру не стал возражать, он понимал, что самое безопасное место для Кая, это быть рядом с тем, кто тебя любит.

Юзуру усмехнулся, идя рядом с Рейко к выходу, сказал:

— Он использует Тоями и будет им крутить и вить из него веревки.

— Я это уже понял, — Рейко теперь был спокоен за Кая и его ночь с Тоями, но вот предстоящий поход его действительно все больше начинал волновать всплывшими подробностями про сейф.

— Я поеду завтра с ними, — обратился Рейко к уже уходящему в сторону своего шатра Юзуру.

— Ваше право, господин Никайдо Рейко. Такой воин там будет очень кстати.

***

Тоями отдал распоряжение, чтобы Кая проводили в его шатер, а сам остался доделывать дела. Приезд таких гостей внес определенные коррективы в его планы.

Мысль о Кае, о его решении, которого он не ожидал, постоянно возникало в сознании.

«Почему он решил остаться с ним? Значит, он ему не противен после вчерашнего?»

Вернувшись в шатер, он застал Кая, дремлющим на диване с включенным телевизором.

Странно, ведь то, что он так спокойно у него расслабляется, значит, что он ему доверяет. Ведь другой бы, находясь у врага, никогда бы не стал выпадать в осадок, а Кай ему верит, несмотря ни на что, полностью доверяет себя, не сомневается в нем. Он сам в себе сомневается, а Кай — нет.

От шума шагов Кай проснулся и увидел Тоями, который стоял напротив и смотрел на него печальными серыми глазами.

— Опять ты пялишься, — раздраженно сказал Кай.

— Ты запретил любить тебя, разреши хоть смотреть.

— Псих! — огрызнулся Кай, затем более спокойно сказал, — сегодняшний ужин был очень утомителен, я, кажется, даже заснул у телека.

— Ты ничего не ел, тебе не нравится наша еда? Хочешь, тебе что-нибудь другого принесут?

— Шоколадные конфеты есть? — видя лицо Тоями, Кай улыбнулся, — что здесь такого, ты же знаешь, я люблю шоколад.

— Как девчонка... — Тоями осекся, — ты сама противоположность. Ты меня сводишь с ума.

— Ты сам как девчонка, у тебя в ванной столько всего.

— Но тебе же понравилось, — Тоями втянул воздух ноздрями, — от тебя до сих пор пахнет моим ванильным гелем.

Кай промолчал, затем сказал:

— И вино красное полусухое пусть принесут. У меня сегодня будет бессонная ночь, — Тоями напрягся от таких заявлений, — расслабься. — Кай засмеялся, видя лицо Тоями, — ну а теперь о серьезном. За эту ночь мне предстоит разгадать шифр сейфа. Ты же понял, что при вскрытии сейфа есть всего одна попытка. Я знаю эти сейфы — там комбинация из восьми чисел и контрольное слово из пяти букв. Вот и нужно путем нехитрого анализа понять, что за цифры там закодированы и какое слово.

— Это невозможно!

Разворачивая конфету, Кай ответил:

— Все возможно, там будут слышны щелчки подтверждения, практически неуловимые, но слышны. А вот угадать, что там зашифровано нужно мне за сегодняшнюю ночь, — договорил он, жуя конфету. — Этот код нужно помнить и владельцу сейфа, а то бам — и все! Поэтому это должно быть что-то значимое для него, важное, что он не может забыть никогда... Ты должен мне помочь, рассказать все, что знаешь о владельце сейфа, больше деталей. Мне нужен компьютер, выход в сеть, бумага, ручка... и где вино?

— Почему ты согласился? — спросил Тоями, наливая Каю вино в бокал и выполняя все его указания.

— Мне нужны эти схемы, они спасут много жизней.

— Почему ты остался в моем шатре?

Кай стал серьезным.

— Я доверяю тебе, ты мне сейчас действительно можешь помочь, ты нужен мне.

Тоями замер от таких слов, он не ожидал и растерялся.

Затем опомнился, принес ноутбук, бумагу и ручку.

Кай сел за стол и уткнулся в монитор.

— Ну что ты там все стоишь, времени мало, садись, рассказывай. Не обращай внимание на то, что я в компьютере. Я тебя слышу, я могу делать несколько дел одновременно.

Тоями сел напротив и, понимая, насколько это важно и практически нереально в его понимании, стал подробно рассказывать о владельце сейфа господине Миота. Он достаточно хорошо его знал, был с ним знаком лично до серьезных разногласий в их кланах. И даже был в его шатре, на переговорах, где видел этот сейф краем глаза за палантинном.

Кай действительно делал все одновременно, водил мышкой, что-то ища в интернете, потом резко начинал записывать и практически не смотрел на Тоями, но когда из рассказа его интересовало что-либо, он переспрашивал его и просил углубиться в детали.

— Интересная фотография. Это его семья? Кто на ней изображен? — Кай нашел ее интернете.

Тоями подошел к спинке стула и склонился, чтобы рассмотреть поближе. Как бы невзначай положил руку на плечо Кая.

— Да, это его семья, — практически склоняясь к уху Кая, сказал Тоями. Потом убрал руку, пошел и сел на свое место.

— Если бы я не был так занят, получил бы ты, но сейчас не до этого, — Кая разозлило поведение Тоями, но тратить на него время и силы он не захотел, — рассказывай о них все.

Тоями стал говорить, его воспоминания растянулись часа на два. Казалось, он вспомнил все. Помолчал, затем сказал:

— Мне больше нечего тебе рассказать.

— Хорошо. Ничего не спрашивай и не мешай, иди, — Каю нужно было время осмыслить полученную информацию и еще покопаться в интернете — там многое можно найти, — ты можешь занять мою... свою кровать, мне она сегодня не понадобится, — сказал Кай уходящему Тоями.

«И это все, что можно получить от Кая? Командный тон и распоряжение, где его место на сегодня.»

Тоями с грустью посмотрел на него. Кай сосредоточенно писал на бумаге, поглядывая в интернет.

Понимая, что завтра ответственный день и нужно выспаться, чтобы держать все под контролем, Тоями еще раз взглянул на Кая, затем пошел ложиться спать. Конечно, сон на диване был не очень удобен. Понимая, что Кай будет искать пароль к коду всю ночь, Тоями решил воспользоваться разрешением Кая — лечь на свою постель.

К рассвету, когда мозг Кая уже отказывался анализировать, он понял — нужно ложиться и поспать хоть немного. Всю ночь он пытался понять, что этот человек мог закодировать в шифре, что ему было близко и дорого. Что?! Он искал любые подробности в интернете, детали, мелочи. Слушал рассказ Тоями. Он слышал детали и к ним цеплялся, стараясь понять суть владельца сейфа, его образ мышления, его психологию, жизнь, ценности, которыми он дорожит. Тем более, у Кая была подсказка — это восемь чисел и слово из пяти букв. Он выписывал на бумажку предполагаемые варианты чисел и слов и сразу отметал те, которые не соответствовали данным требованиям.

К утру бутылка вина была уже выпита, пачка сигарет выкурена. Мозг плавился от полученной информации. Кай чувствовал, ответ где-то рядом, но он устал, нужно было поспать

Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать рядом со спящим Тоями. Сейчас ему было все равно. Он знал, нужно поспать и ответ появится...

***

Ложась спать, Тоями включил будильник, чтобы встать пораньше, так как было много дел. От его пиканья он проснулся и понял, что в постели он не один. Повернув голову, он увидел лежащего рядом с ним на спине Кая, который спал сном младенца.

Скорее всего, он недавно лег спать, понял Тоями по еще дымящейся, плохо затушенной сигарете в пепельнице.

Тоями смотрел на спящего Кая, это красивое лицо... тонкие губы...

«Нет, я должен держать себя в руках!.. Но сегодня Кай может погибнуть, если неправильно наберет код... Погибнуть... Тогда есть ли смысл сдерживать себя? Я буду там, у сейфа, с Каем до последнего. А сейчас они здесь, вместе, рядом... его губы...»

Тоями перевернулся и лег сверху, приподняв подбородок Кая, накрыл его губы поцелуем.

От поцелуя Кай проснулся, понял, что Тоями лежит на нем и держит его руки. Положение для освобождения было невыгодное, да и силы после такого мозгового штурма его покинули. Ведь он только провалился в сон, а здесь опять Тоями!

Поцелуй Тоями был страстным, Кай почувствовал это.

«Нет — только не сейчас! Он еще код от сейфа не разгадал, поспать хотел, а здесь Тоями со своей любовью. Его даже бить жалко, да и сил сейчас нет на него...»

— Пожалуйста, прошу, не сейчас, — тихо прошептал Кай, когда губы Тоями отпустили его губы, — я очень устал, разгадка шифра рядом, но я еще до конца не понял. Мне нужно поспать. Времени на все мало... У меня даже сил нет тебя скинуть... тяжелый какой и сильный, — он все же попытался освободить руку.

Тоями слушал, глядя в уставшие, сонные глаза Кая, он понимал, Кай искренен, говорит правду, это не игра. А он опять поддался своим эгоистичным желаниям. У Кая времени уже на сон не остается, а здесь он еще к нему лезет.

Тоями откатился с Кая и, согнувшись над ним, стал его раздевать. Кимоно с множеством шелковых лент и поясов снять не так просто.

Кай устало открыл глаза.

— Что ты делаешь? Тоями — прошу тебя! У меня сейчас даже нет сил на борьбу с тобой...

Тоями остановился, прекратил разматывать с его талии шёлковый пояс.

— Мне жаль, что ты меня считаешь таким чудовищем. Я просто хочу снять с тебя эти тряпки, чтобы ты нормально поспал.

Кай сонно взглянул в глаза Тоями.

— Спасибо, — напряжение спало, он начал проваливаться в сон.

Тоями снял с него кимоно, стащил сапоги, оставив в рубашке и шароварах. И накрыл шелковым покрывалом. Это доверие, полное, безграничное. Ему так никто не доверял, никогда. Ну почему он доверяет!?

Он сидел на кровати, склонившись над спящим Каем. Затем резко отвернулся, встал, нашел свои сигареты и закурил...

С блуждающим взором подошел к ноутбуку, посмотрел на листки бумаги, лежащие рядом. Они были исписаны очень красивым, ровным почерком. Это не английский — русский, да, точно, именно так выглядят надписи на русском. Он когда-то это видел. Ведь Кай русский. Загадочная нация...

***

Вернувшись в шатер к одиннадцати часам, Тоями обнаружил Кая все так же спящим.

— Просыпайся, скоро господин Юзуру соберет военный совет.

Кай открыл глаза и увидел Тоями, стоящего у подножья кровати.

— Дай закурить.

Тоями послушно принес сигареты Кая и прикурив, дал ему. Кай затянулся и откинулся на подушку. Глядя в потолок, он сказал:

— Я, кажется, понял шифр... Принеси вина бокал, холодного, красного.

— Я еще не совсем знаком с твоими аристократическими привычками. Вино есть. Оно теплое. Буду знать и ставить его в холодильник. Думаешь, пить с утра правильно?

Кай выпустил струйку дыма после затяжки.

— А умирать сегодня ночью правильно? А шампанское холодное есть? Хочу бокал холодного шампанского!

Принесли шампанское, дорогое, французское. Кай отпил из бокала, затем опять откинулся на подушку и еще раз затянулся сигаретой.

— Обожаю Krug Clos d'Ambonpay, — на прекрасном французском произнес Кай, угадав по вкусу название шампанского, — особенно с утра.

— Ты долго собираешься валяться в кровати? — Тоями это забавляло, он поймал себя на мысли, что каждый раз Кай делает непредсказуемые для него действия, и это ему нравилось. Он впервые встречал такого удивительного человека. Такая противоположность во всем.

— Что принести тебе поесть?

— Не знаю, все равно, что-нибудь.

— У тебя нет любимых блюд? Что ты любишь из еды?

— Мне все равно.

— Знаешь, я перед тобой пляшу, угодить стараюсь. Ты можешь себя по-нормальному вести?

Просто сказать — что ты любишь есть! — Тоями начало все это злить.

Кай очень серьезно посмотрел в глаза Тоями.

— Я давно уже не чувствую вкуса еды, я не хотел тебя обидеть. Извини.

— Как не чувствуешь?! — Тоями растерялся, услышав это.

— После того, как попал сюда... это из области нервного расстройства психики, — Кай помолчал, затем сказал, — обычно я ем рыбу и овощи.

— Хорошо, тебе это принесут. Завтракай, за тобой придут, когда начнется обсуждение вечернего плана. У меня дела. Оставляю тебя, — Тоями чуть задержался в проеме шатра. — Ты на меня не сердись за утро? Ты был так близко. Я не смог сдержаться.

— Забей. Я уже даже начинаю привыкать к твоим странностям.

«Странности? Это чувство к нему он считает странностью!»

Идя по лагерю, Тоями думал об этом. Как легко Кай ранит, вот так, по-детски, даже не задумываясь, считая, что это все несерьезно. Обидеться на него за это? Разве на него можно обижаться? Иногда он был таким грозным, а потом вел себя как мальчишка. Сплошные противоречия. Он не мог понять его, и это еще больше тянуло его к Каю, просто находиться рядом с ним — и это было счастьем. Да, он сейчас счастлив. За долгие годы он счастлив рядом с человеком, который не разделяет его чувств.

В его культуре, традициях, воин мог иметь близкого друга, но не с целью плотских удовольствий, они должны быть едины душой. То есть, связь между мужчинами приветствовалась только тогда, когда две души находили друг друга и помогали друг другу расти, совершенствоваться и сражаться вместе. Если связь строилась только на физическом влечении, за это была жестокая кара и осуждение, а иногда и смерть.

После Коджи у него было несколько достаточно длительных связей с юношами, но он их прекращал сам, понимая, что предел достигнут и дальнейшего совершенствования душ не происходит. Также у него были и связи с женщинами, которые не запрещались, и здесь уже не требовалось высокой моральной оценки взаимоотношений. Связи с женщинами как раз и были для удовлетворения мужских потребностей, без духовного начала. Хотя и здесь не отрицалось единение душ, но это было редко, так как воины клана обычно женились на выбранных для них родителями женщинах и просто исполняли свой долг в виде продолжения рода.

От участи жениться он несколько раз уходил, хорошо, что отец уважал его мнение, хотя и был расстроен таким поведением сына.

Женщины его не интересовали, не волновали так его душу. Только физическая близость — и все. Для него это было мало. Поэтому женщины были, но после наступало опустошение, и он старался побыстрее остаться один.

С самой первой встречи Кай странным образом запал ему в душу. Он стал его наваждением, кошмаром, болью. И из гордого, надменного воина Тоями превратился в слугу у ног своего господина. С радостью выполняющего все его приказы, будучи счастливым только быть рядом с ним. С каждым днем общения, да что там днем — минутой — он все больше и больше поражался Каем как человеком, воином, а главное, его необъятным внутренним духовным миром. Каждая секунда давала новые моменты его многогранной личности. Это завораживало.

Влекло. Он хотел физически прикоснуться к нему — пусть просто прикоснуться — к его лицу, плечам, обнять за тонкую талию, держать за руку. Эти поцелуи, которые он добился силой, невероятное ощущение овладения человеком, которого ты хочешь каждой частичкой своего тела. Как он хотел бы почувствовать слабость в его теле, сладкую дрожь, увидеть в его зеленых глазах не жесткий блеск, а пелену нарастающего наслаждения, как тогда...

Размечтался! Тоями, принеси это, подай то и пошел прочь. Вот и вся любовь. Да еще говорит такое, не думая, что ранит его.

Но разве он может сердиться на него? Он просто будет рядом с ним, когда его господин позволяет. Он сам так решил. Он не хочет избавляться от этого наваждения.

Избавляться? От любви, которую он так долго искал и хотел всем сердцем?! Теперь он будет с ним, всегда.

Глава 13

Наконец, Кай заставил себя выбраться из постели. Увидел оставленный на столе завтрак, вспомнил, что должен поесть. Это нужно — вечером бой.

Он и не подозревал, что творится сейчас в душе у Тоями. Ему было чем заняться и о чем подумать, а о Тоями он забыл, как только тот вышел.

Еще раз просматривая свои записи, он собирал воедино, как мозаику, шифр кода. Он не может ошибиться. Не должен. И он не ошибется! Кай улыбнулся, понимая, что разгадал шифр.

— Господин Кай, вас ждут на военном совете, — учтиво поклонился Кунайю, который сам лично пришел за Каем, выразив тем самым свое уважение к нему.

В шатре все уже собрались, когда вошел Кай. На столе были раскинуты карты, сводки с фронтов. Работали мониторы компьютеров, показывая последние донесения.

Обменявшись поклонами, Кай подошел к столу и, не спрашивая разрешения, внимательно начал изучать все бумаги, там лежащие. Ему было важно понять, что сейчас происходит и как они туда доберутся, не наделав шума, и, главное, выберутся, когда шум поднимется.

— Есть примерный план действий, его проработал господин Рейко, сейчас он его вам озвучит, — господин Юзуру жестом дал понять, что Рейко может говорить.

План был прост, но в этом и была реальность его исполнения. Суть была в том, что их появления там никто не ждал. А отступление им обеспечит вторая группа, которая совершит отвлекающее нападение на лагерь с другой стороны.

Началось обсуждение деталей, согласование времени, условных сигналов, расстановки всех — кто, где и за что отвечает.

Главное было — обеспечить Каю проход к сейфу. Рейко должен был быть снаружи шатра. Кай, Тоями и его люди внутри, так как внутри могли быть воины клана и их нужно было тихо обезвредить.

— Сколько тебе реально нужно времени для его вскрытия? — уточнил Рейко.

— Пять минут, — Кай просматривал по монитору обстановку, — отвлекающую группу нельзя

пускать со стороны этой ложины. Смотри! — он показал на монитор Рейко, — что нам спутник показывает — я думаю, это люди Аль-Хедина, и они сами готовят нападение на лагерь Миота. Кто еще знал о картах в этом сейфе?

— Никто. Может, совпадение?

— Я не верю в совпадения. Переносим начало операции на одиннадцать вечера — иначе можем не успеть.

— Это рано, рискованно, — все это время Тоями молчал, слушал и опять восхищался Каем. Его искусству быть лидером, командующим. Ведь сейчас здесь он взял все управление на себя, подчинив незаметно всех своей воле, и даже Рейко выполняет его указания.

Глаза Кая опять вспыхнули шальными огнями.

— Со мной пойдут те, кто не боится риска!

Тоями потупился, понимая, что Кай при всех чуть ли не в трусости его обвинил, но сам даже этого не заметил, будучи увлеченным планированием операции.

За спиной Тоями слышались смешки. Так с великим воином Тоями еще никто не обходился.

За столом опять закипело обсуждение: теперь нужно было все заново перепланировать. У Кая был свой план, и все подчинились его воли.

— Сбор ровно в девять вечера. Раньше не поедем, чтобы лишний раз не светиться, — Кай обернулся к Тоями, который с каменным лицом стоял по другую сторону стола, — ты мне хоть оружие выдашь? Или боишься рискнуть?

Тоями побледнел от очередного выпада в своей адрес. Сдерживая свой гнев, он спокойным голосом ответил:

— Выберешь сам.

Кай опять склонился к монитору, потеряв интерес к Тоями, и пока все продолжали обсуждение плана операции, он перешел к просмотру того, что его интересовало, — файла с дислокацией лагерей клана Кэзуки. Он сразу понял, что здесь есть информация не для него, и ждал момента, чтобы открыть этот файл с данными.

Макота, который держался ближе к Каю и не спускал с него глаз, первым увидел, что Кай, открыл секретный файл. Он так и знал! Поэтому и следил за ним. Кай — враг! Жаль, что все этого еще не поняли.

Макота резко оттолкнул Кая от монитора и ударил по лицу, удар был сильный. Кай отлетел в сторону, крутанулся и выхватил меч из ножен у одного из воинов, который в изумлении наблюдал за этой картиной и не успел даже среагировать на движения Кая.

В следующую секунду Кай приставил меч к горлу Макота. Макота застыл, ощущая горлом холод стали, которая болезненно врезалась в кожу.

— Макота, в чем дело? — Юзуру, как и все, стоял и молчал, не шевелясь, наблюдал за происходящим.

— Посмотрите в монитор — он читал секретные файлы! — прохрипел Макота, смотря в глаза

Кая.

— Кай, опустите Макоту, — сказал Юзуру.

В шатре наступила тишина. Все ждали.

При ударе Макота рассек Каю губу, и сейчас там выступила кровь. Кай ненавистно сверкнул глазами и резко бросил меч.

— Вы опасный и очень серьезный противник. Жаль, что в дальнейшем нам придется сражаться по разные стороны, — Юдзуру смотрел в зеленые глаза Кая, — наказать того, кто оставил лишние файлы незакодированными. Сами виноваты. Тоями, отведи Кая в шатер, пусть побудет там до начала операции. Оружие выдадите ему перед выездом, — закончил речь Юдзуру.

— Пойдем.

Поскольку Кай еще сверлил глазами Макота, Тоями чуть приобнял его за плечи, подталкивая к выходу.

— Возьми платок, у тебя губа кровит, — Тоями протянул Каю свой платок.

До шатра они шли молча, зашли внутрь.

— Я испачкал твой платок

На это Тоями печально улыбнулся.

— Ты всегда ходишь по лезвию бритвы? — спросил Тоями Кая.

Ответа не последовало, Кай отрешенно сидел на диване, погруженный в свои мысли.

Тоями достал аптечку, побрызгал на ватку антисептика.

— Разрешите, промою рану — быстрее заживет.

Он подошел к Каю, приподнял рукой его подбородок и очень аккуратно приложил ватку к треснувшей губе. Их глаза встретились. Кай увидел грусть во взгляде Тоями. Он хотел оттолкнуть его с его чрезмерной заботой о пустяковой царапине. Но, увидев его глаза, смягчился — пусть делает.

Тоями так бы и стоял вечно, держа его лицо и всматриваясь в его глаза. Там сначала вспыхнула искра гнева, но потом они смягчились, почему?

Закончив обрабатывать ранку, Тоями отстранился, понимая, что не нужно перегибать палку с этим человеком.

— Откуда у тебя эта техника боя, это движение? Я не мог ошибиться. Этому обучают только в монастыре Шао на Тибете, — у Тоями до сих пор не выходили из памяти мягкие плавные движения Кая, когда энергию падения он направил себе на пользу, выхватив меч.

— Я какое-то время жил там... обучался, — Кай улыбнулся, — думал: точно сдохну. Я даже дней там не помню. Помню только бои, потом провалы в памяти, потом холодная вода, льющаяся на тебя, чтобы очухался, и опять бои, — он опять улыбнулся, — кормили там поганно, даже я понял, что это мне не нравится — давали стручки какие-то и бурду в мисках, — он

поморщился от воспоминаний. Затем, помолчав, неожиданно сказал, — вина хочу.

Тоями хотел возразить, ведь скоро ехать.

— Не люблю вкус крови во рту, — видя возражения на лице Тоями, пояснил Кай.

Тоями принес вино, открыл и налил в бокал. Кай мельком взглянул на бутылку.

— Шато О-Брион Руж, его делают в Бордо. Одно из моих любимых. Как ты угадал? — спросил и как ребенок, сразу потеряв интерес к ответу, переключившись на другую тему, потянулся за конфетами, — вот блин, и конфетку не съешь — жевать больно. За победу! — морщась от боли, он выпил вино. Было больно глотать.

— Наливай!

— Это последний. Хватит пить на сегодня, — Тоями налил еще бокал.

— Ну, это уже слишком. Ты еще и решил, как мне жить?

— Да! Ты как ребенок: не сдерживаешь себя, кто-то должен за тобой присмотреть, — поставив в тупик Кая таким ответом, когда тот явно нарывался на конфликт, Тоями встал с кресла.

— Отдохни. Сейчас у меня дела. К восьми вернусь, — не оборачиваясь, чувствуя на себе изумленный взгляд Кая, Тоями вышел, забрав бутылку вина с собой.

«Как ребенок», — Тоями улыбнулся. Теперь ему есть о ком заботиться.

Кай откинулся на спинку дивана. Вино немного расслабило нервы. Он сильно рисковал, открывая эти файлы. Но он всегда рисует. Там была достаточно интересная и новая для него информация, которая отпечаталась в его мозгу. Об этом он подумает позже. Его память имела удивительное свойство запоминать все, что он хоть мельком увидел или прочел, и потом всплывать в его мозгу в нужный момент.

Все это время он практически не вспоминал о событиях этих двух недель. Людей, которых он оперировал. Хотя изредка воспоминания и возвращали его туда, но, наверное, присутствие Тоями рядом как-то благоприятно влияло на его мироощущение. Он даже где-то внутри благодарен ему за это. Так развеять его кошмар — наверное, нестандартное поведение Тоями и все, что происходило между ними, так благотворно повлияло на его душевное равновесие. Хотя вот словосочетание "между ними происходило" ему совсем не нравится — уж как-то оно двусмысленно звучит. Глупость все это. Размышляя об этом, Кай погрузился в сон.

***

Тоями в очередной раз вышел от Кая ошарашенный — опять он открывает в нем новое. Драка в шатре, в доли секунды реакция Кая на удар. Его вид с вытянутой рукой, которая держала меч у горла Макота. Развешивающееся кимоно, упавшие на глаза волосы, алые от крови губы. Это было красиво, очень. И остальные тоже замороженно стояли и смотрели на эту картину.

А потом признание Кая, что он был в монастыре Шао. Там вообще мало кто выживает. Там два пути: или станешь воином, или умрешь. И он прошел через это.

И в конце его сразили познания Кая в хороших винах. Он специально принес это вино, хотел проверить. Да, Кай очень хорошо разбирается в вине. Какой аристократизм. А потом эта

шоколадка — он расстроился как маленький, что не может ее съесть.

Когда Тоями вернулся в шатер, Кай уже переоделся в принесенную для ночной вылазки одежду. Это было кимоно ниндзя, все черное, чтобы слиться с ночью.

Тоями опять замер при виде Кая в этом кимоно. В черном он был грозен и красив. Черные шаровары, заправленные в сапоги, тугой пояс вокруг тонкой талии, кимоно, перчатки и черная повязка на лоб. Глядя на него, он даже забыл, что принес мечи для Кая и себя.

— Какой меч! — не обращая внимания на застывшего Тоями, Кай выхватил у него из рук один из мечей. Выдернул его из ножен и для проверки его остроты в несколько взмахов покрошил свисающую гардину.

— Я надеюсь, ты не расстроишься из-за этой тряпки?

Тоями осталось принять сие как должное, он тихо вдохнул.

— Ты выбрал самый лучший меч. Вот еще кинжалы. Выбери себе.

— И пистолет с глушаком еще нужен.

— Хорошо, сейчас принесут, — он уже даже не возражал Каю.

— Ну что, пошли! Время! — Кай уже был там, в событиях предстоящего вечера.

Тоями вроде сначала хотел задержать его, чтобы сказать, что просит его быть аккуратнее, но потом понял, взглянув на Кая, что аккуратнее он не будет. Это истинный воин в предвкушении предстоящей битвы.

***

Все были одеты в черные кимоно, только серебряные мечи тускло поблескивали на поясах. Сели в несколько машин. Кая посадили на заднее сиденье, рядом сел Рейко. Спереди ехали Тоями на пассажирском сидении и водитель. Рейко передал в машине Каю наушники для сейфа.

Ехали молча.

Выйдя заранее в ущелье, чтобы спрятать машины, пешком двинулись в сторону лагеря. Иногда Тоями казалось, что Кай не идет, а мягко плывет над землей. Ни одного шороха, треска ветки, мягкие кошачьи движения. Тоями неотрывно со своими людьми следовал за ним.

Дальше так же тихо стали пробираться по спящему лагерю. Конечно, лучше это было сделать позже, но Аль-Хедин сбил их планы.

Хотя они и знали, что по военному режиму в десять вечера все должны быть в своих шатрах, но многие еще не спали. Поэтому приходилось быть предельно осторожными.

Ползком и небольшими перебежками они добрались до основного шатра. Рейко обезвредил одного, воин Тоями — второго охранника при входе. Быстро зашли в шатер, там были еще воины. Каждый бросился на своего противника. Тоями видел, как Кай идет к сейфу, кладя на своем пути мешающих ему. Несколько взмахов меча — и противник корчился у его ног. Последнего, преградившего ему путь, когда тот замахнулся мечом, он просто пристрелил из пистолета с глушителем. Казалось, его это даже не отвлекает от основной цели — подойти к

сейфу.

Времени было в обрез. В любую секунду могут их застать, или Аль-Хедин начнет нападение на лагерь. Кай сосредоточился на сейфе. Надел наушники и начал подбирать код. Сейчас для него окружающая действительность перестала существовать. Он вспоминал все, что вчера узнал о владельце сейфа, математически просчитывал в уме теорию вероятностей и прислушивался к подсказкам — чуть слышному скрежету механизма внутри. Первая цифра была правильна. Внутри сейфа что-то хрустнуло, очень тихо, практически неуловимо.

Тоями увидел, что на Кая надвигаются двое, а он полностью сосредоточен на сейфе и перестал обращать внимание на окружающую обстановку. Тоями бросился на перехват, поразив одного сразу наповал, перехватил опускающийся на Кая клинок другого воина и, яростно нанося удары своим мечом, стал отодвигать противника на более безопасное расстояние.

«Ну вот, его чуть сейчас не прибили, а он даже не заметил», — подумал Тоями, нанося смертельный удар мечом по врагу.

Вдали загремели взрывы. Это значит Аль-Хедин начал наступление. С одной стороны, им это на пользу — начнется хаос. С другой, если они отсюда не уберутся, они попадутся его банде.

Все цифры совпали, теперь слово. Если цифры совпали, значит, только одно слово могло бы быть здесь. И Кай его набрал.

Тоями был рядом. Видя, что Кай набирает слово и сейчас нажмет подтверждение, склонился к нему и в знак поддержки положил руку на плечо.

Дверь сейфа медленно открылась.

Рейко отодвинул Кая и забрал себе содержимое сейфа.

— Так будет лучше, — сказал он, — уходим!

Они стали отступать к выходу. На улице была паника. Сначала их не заметили, а потом началось!

Махались мечами. Давно у Кая не было такой возможности порубаться на славу. Он взял второй меч и бился с двух рук. Это видел Тоями, который еле успевал за ним продвигаться в сторону ущелья.

Уже дойдя до конца лагеря, на Тоями набросилось несколько противников сразу. Его воины в пылу битвы отстали от него. Он был один — их трое. Двоих он уложил, с третьим завязалась битва, но, отступая под натиском противника назад, Тоями споткнулся о веревку, натянутую у шатра. И в долю секунды оказался лежащим. Над ним сверкнул занесенный меч.

Он даже не понял, что произошло. Рука с мечом полетела в одну сторону, голова — в другую.

К нему нагнулся Кай, протягивая руку.

— Что разлегся? Пошли быстрее, — и, схватив его за руку, увлек за собой в сторону машин.

Их машина поехала первая. Ценный груз в виде схем был у Рейко. Кай возразил, что нужно подождать остальных, но Рейко попросил его голосом, отдающим металлом, сесть в машину.

Они уехали.

***

Приехав в лагерь, решили, что все обсуждения оставляются на утро.

Вернувшись с Тоями в его шатер, Кай не выдержал и высказал все, что он думает о них, самураях, которые бросают своих и, не дожидаясь, уезжают!

— Там осталась машина — пытался устало возразить Тоями, — мы даже не знаем, кто вернется и кого ждать.

Кай гневно сверкал на него глазами.

Тоями пояснил:

— Такова традиция самураев. Основное — это выполнить задание, а это схемы. Каждый выполнял свой долг до конца.

Кай понял, что спорить глупо, и потянулся за сигаретами, лежащими на столе. Тоями увидел его ладонь. Он перехватил руку, развернул ладонью вверх, и перевел взгляд на Кая.

— Не переживай, — Кай увидел обеспокоенное лицо Тоями, — я обычно дерусь в перчатках. У меня всегда так — от меча кожа на ладонях сдирается. Это пустяк, заживет.

Кай попытался убрать руку из руки Тоями, но тот не отпускал. Тоями чуть притянул к себе Кая и взял его вторую руку. Там была та же картина — ладони были содраны.

— У тебя же были перчатки?

— Я их у сейфа забыл, вернее, снял, когда открывал сейф, а потом некогда было одевать.

— Сядь за стол, я сейчас твои ладони мазью помажу — к утру все заживет. Эта мазь из Японии, мне ее мой учитель дал. Все вылечивает, — улыбнулся Тоями, подталкивая Кая к стулу.

Кай сел, понимая, что ладони все равно нужно обработать, иначе долго заживать будут.

— У тебя такая нежная кожа — Тоями принес мазь, вату, бинты, — даже не загорела здесь.

— Да, это моя проблема. Всегда приходится перчатки надевать, а если не удастся, вот такое происходит, — Кай смотрел, как Тоями бережно удаляет с ладоней грязь ваткой с обеззараживающим раствором.

— Щиплет? — Тоями увидел, что Кай поморщился, — он наклонился к ладони и подул на нее.

— Уже нет. Сейчас хорошо, — сказал Кай и понял, что это прозвучало неоднозначно.

«Хотя, какая глупость! Мне просто обрабатывают ладони», — успокоил себя Кай, понимая, что чувствует себя странно, смотря на сосредоточенное лицо Тоями.

— Ты уже второй раз мои руки лечишь, — вспомнил Кай.

— Мне это нравится, — серьезно сказал Тоями, — вернее, я не это хотел сказать. Мне жаль, что такое с твоими руками происходит по моей вине уже второй раз, — Тоями поднял глаза на Кая, — но мне нравится о тебе заботиться.

Каю стало вдруг жарко, он отвел глаза и опять почувствовал, как Тоями дует на его ладонь, снимая действие антисептика. Он чувствовал тепло и нежность его рук, как он заботливо накладывал мазь на его содранные ладони, а потом, приложив толстый кусок ваты, аккуратно перебинтовывал его руки. Кай старался успокоить скачущий пульс и сбивающееся дыхание. Он заставлял себя считать до ста, выгоняя из головы странные мысли.

Тоями отпустил его руки.

— Ну, вот и все! Утром сниму повязки.

— Спасибо, — Кай смотрел в сторону, понимая, что его глаза выдадут бурю в его душе, с которой он боролся все это время.

— Всегда пожалуйста. А вот и ужин принесли! — Тоями обернулся к слугам, которые принесли подносы и стали накрывать для ужина невысокий столик у дивана.

Дождавшись, когда тарелки с едой установят на столе, Тоями встал и обернулся к Каю:

— Пойдем поужинаем.

Кай пошел, все еще пребывая в странном состоянии. Сев за стол, он понял, что толстая вата, привязанная к ладоням, не дает возможности сжать вилку в руке. Тоями это тоже понял.

— Я покормлю тебя, ты не против?

Тоями сел рядом с Каем, взял его вилку и, наколов на нее кусочек цветной капусты в кляре, обмакнул в соус и все это приблизил ко рту Кая.

Кай открыл рот, понимая, что еще не знает, что сказать и как поступить. Наверное, он проголодался, хотя чувство голода его давно уже не преследовало, но он съел это с удовольствием, и поднесенный кусок к губам опять был вовремя. Каю даже показалось, что он чувствует вкус еды. Да, было вкусно, и ему хотелось еще есть.

Тоями видел это и из под полуприкрытых глаз смотрел на Кая, как тот с удовольствием берет губами с вилки кусочки еды.

На тарелке лежала вареная рыба, как просил Кай. Тоями зацепил ее вилкой, но она рассыпалась, тогда он лукаво улыбнулся и посмотрел на Кая.

— Если ты не против, я руками тебе ее дам?

Кай кивнул, еще не понимая до конца смысл сказанного.

Тоями взял небольшой кусочек рыбы пальцами с тарелки Кая и, обмакнув ее в соусе, поднес это к губам Кая.

Кай открыл рот, чувствуя, как Тоями бережно кладет ему еду, и ощущая его пальцы на своих губах.

Кай медленно прожевал кусок, понимая, что сейчас все вокруг него как будто в тумане и только рука Тоями, его ухоженные пальцы с кусочками рыбы в соусе, приближается к его губам, а дальше он как во сне чувствует, как его пальцы чуть прикасаются к губам и от этого становится почему-то хорошо. Но главное, что все вокруг, все, что было важно и значимо, исчезает, остаются только эти прикосновения.

Тоями старался ничем не выдать своего состояния. Он сохранял равнодушное спокойствие, но на самом деле его давно уже кидало то в жар, то в холод. Он видел губы Кая, то, как он по-детски трогательно открывает рот и позволяет положить ему еду, как потом его губы и язык, прикасаясь к его пальцам, стирают с них сладкий вязкий соус.

— Это все, — растерянно-отрешенно сказал Тоями, понимая, что тарелка Кая пуста.

Кай услышал это и пытался понять, о чем он говорит, но потом, опустив глаза, увидел свою пустую тарелку. Кай удивился — он в первый раз съел все и даже это не заметил.

Тоями протянул руку к губам Кая. Кай впервые взглянул ему в глаза.

— Я хотел протереть тебе губы салфеткой, — также отстраненно сказал Тоями, видя лихорадочно блестящие глаза Кая.

Не дожидаясь его ответа, Тоями провел салфеткой по губам Кая, больше всего на свете мечтая своими губами слизать с них остатки сладкого соуса.

— Может, еще хочешь? — неопределенно спросил Тоями, опять смотря чуть в сторону, боясь, что Кай прочтет его мысли.

— Нет, хватит, — так же странно ответил Кай.

Повисла неловкая пауза. Тоями понимал, что он должен это сказать. Он должен ему сказать все, что он думал и чувствовал за это время. Все его внутренние муки и страдания, его сомнения и осознание того, что он полюбил. Он любит его, как бы это банально ни звучало. И он должен это сказать.

— Кай... — голос Тоями прозвучал неестественно.

Кай понимал, что сейчас он может услышать то, что боялся услышать больше всего в своей жизни. Боялся так, что сейчас от звука голоса Тоями его прошибло в холодный пот и ноги стали ватными. Он сгруппировался и резко встал.

— Я пойду спать, — Кай пошел в сторону спальни.

Тоями сильно сжал пальцы рук, понимая: что-либо говорить уже поздно. Время упущено, этот человек не хочет его слушать.

Кай шел в сторону спальни, осознавая, что сейчас «трусливо бежит», как тогда выразился Тоями, от самого себя.

Идя в сторону кровати, он нервно стал на ходу снимать с себя одежды. Оружие швырнул на стол, части одежды просто бросал по ходу движения. Оставшись в сапогах, шароварах и рубашке, плюхнулся на постель и завернулся в одеяло.

— Разденься! Сапоги хоть сними. Ну что за привычка — спать в одежде! — с горечью в голосе сказал Тоями, наблюдая всю эту картину.

Тоями сидел и смотрел в пустоту перед собой, потом очнулся, встал, подошел к Каю и понял, что тот уже спит. Он, стараясь не разбудить его, стянул сапоги и поправил одеяло на нем.

Тоями понял, что сегодня его место на диване. Вот так, как всегда — он указал ему, где его место.

***

Проснувшись, Тоями увидел Кая уже одетым. Кай оделся в свою форму, которую ему привели в порядок. Тоями почувствовал тоску в душе, понимая, что Кай собирается уезжать.

Кай нервно курил и отрешенно смотрел в пространство перед собой. Его мысли были о схемах и о том, сдержит ли свое слово Юзуру — отдаст ли схемы и отпустит его.

Тоями подошел к Каю.

— Как твои ладони?

Кай сам снял повязки и сейчас поднял ладони, показывая их Тоями.

— Мазь действительно творит чудеса.

— Древний японский рецепт, — улыбнулся Тоями, затем стал серьезным, — спасибо, что вчера спас мою жизнь. Вчера я не успел тебя поблагодарить.

— Спасибо тебе, что прикрывал меня у сейфа и тех троих покрошил, — Кай смотрел в глаза Тоями.

— Я думал, ты даже не заметил, так увлекся кодом.

— Заметил.

— А почему тогда не защищался?

— А ты зачем тогда? Я полагался на тебя.

— А если бы я не успел...

— Успел же, — равнодушно произнес Кай.

— Ты мне настолько доверяешь? Что до последнего даже не дернул себя защитить?

— Я в тебе не сомневаюсь, — Кай продолжал неотрывно смотреть в стальные глаза Тоями.

Повисла пауза и странное напряжение в воздухе, Кай это почувствовал, а затем увидел, как Тоями сделал шаг к нему.

Кай опять сгруппировался.

— Ну все, лирическая часть закончена. Когда я получу схемы, меня отпустят?

Тоями сглотнул от переполнившего его чувства и досады, что Кай так грубо все оборвал.

— Я пойду узнаю, — стараясь ничем не выдать своего состояния, ответил Тоями.

— Тоями, — позвал Кай уже уходящего Тоями.

У Тоями от этого внутри все оборвалось, он повернулся и замер.

— Ты мне разрешаешь уехать?

— Да, — поняв, что Кай только это хотел сказать, вернее, спросить, Тоями развернулся и пошел к выходу.

**

Господин Юзуру приготовил для Кая копии схем. Он всегда держал слово. Это долг чести. Его мучил вопрос кода сейфа — как Кай его разгадал?

Выслушав в подробностях отчет о ночных событиях и в душе искренне восхищаясь Каем, он попросил его привести, чтобы выполнить свое обещание.

Привели Кая, который был в своей форме, черном военном френче, брюках и ботинках на высокой шнуровке. Португепя придавала определенную элегантность его виду, не хватало только оружия на ней.

Каю вручили копии схем, он быстро их просмотрел.

— Это все схемы. Вы оскорбляете меня своим недоверием к моему слову, — голос Юзуру был недружественным.

— Не хотел вас обидеть, привычка, — спокойно ответил Кай.

Юзуру не хотел конфликта и поэтому не стал развивать эту тему.

— Вы можете ехать. Прямо сейчас. Ваша машина у входа. Там ваше оружие и телефон. Только можно один вопрос? Как вы узнали код? Что это за цифры и слово?

— Единственное, о чем думает и помнит этот человек, — это убийство его дочери. Цифры — это дата. А слово — имя убийцы, которому он так и не отомстил, — Кай не сводил глаз с Юзуру, произнося это.

Юзуру побледнел. Это он пять лет назад убил эту девушку. Война кланов не оставляет выбора. Она случайно оказалась свидетелем разговора, который никто не должен был слышать. Так получилось. Он жил с этим. Старался забыть.

— Назвать имя?

«Дерзкий мальчишка, издевается надо мной!» — Юзуру молчал. Понимая, что если скажет "нет", это вызовет подозрения, если скажет "да", его будут презирать за убийство юной девушки.

— С вашего разрешения, я его не буду называть, пусть оно останется тайной. Время все решит само, — Кай сделал паузу. Встал, поклонился, — спасибо, господа, еще увидимся, — бросив руку вверх, отдал честь, развернулся и вышел.

За ним вышел Тоями.

Кай сел в свой джип, большой, черный, с тонированными стеклами и следами пуль на левой двери. Достал из бардачка черные солнцезащитные очки, надел на руки перчатки. Ехать ему было далеко.

Он видел, что Тоями стоит рядом с машиной.

Кай опустил стекло и, смотря вперед, завел машину и так же не поворачиваясь сказал.

— Спасибо, что был со мной... Еще увидимся.

Нажал на газ и медленно поехал к выезду из лагеря.

Тоями печально смотрел вслед удаляющейся машине. Такое щемящее чувство в душе он никогда не испытывал.

Ветер поднял пыль и бросил ее ему в лицо. Глаза защипало.

Секундная слабость — это пыль.

И опять его лицо — лишь красивая холодная маска, ничего не выражающая для окружающих его людей. То, что творилось в его душе, не увидит никто.

— Конечно, увидимся, — чуть слышно произнес он.

Эпилог.

Кай срочно возвращался в гарнизон. Предстояла очередная боевая операция — все это он узнал, позвонив полковнику по телефону и отчитавшись о своем временном отсутствии. Сейчас у него было несколько часов дороги, чтобы позволить себе вспомнить события последних дней.

Он вспомнил Тоями: если бы убрать эту странную страсть Тоями к нему, то в целом он ему очень нравился. Такой взрослый, мудрый, рассудительный. Им было комфортно вдвоем, несмотря ни на что. Каю было интересно с ним разговаривать, слушать, как он рассказывает, отвечает, говорит. Его внимательные серые глаза, они завораживали, хотелось смотреть в них. Он с ним себя чувствовал спокойно и защищенно.

Этого чувства у него не было ни с кем и никогда. Он всегда ждал удара и не позволял себе расслабляться, но почему-то с Тоями все по-другому. Он просто забывал обо всем, доверяя ему.

Вот уже который раз судьба сталкивает их так надолго. Тогда — неделя поездки в обществе Тоями, сейчас — этот плен.

Это время, когда они были вместе, что-то опять менялось в нем, заставляя по-другому воспринимать окружающее пространство. Но не мог это понять и не хотел в этом разбираться.

Еще он постоянно чувствовал, насколько Тоями внимателен и заботлив. Это выражалось практически незаметными действиями: вовремя поднесет зажигалку, подаст какую-либо вещь, откроет дверь и еще масса мелочей. Что это — ухаживание или просто внимательность к другому? Кай не хотел этому вешать ярлык, ему было просто приятно, такое отношение к себе.

Потом воспоминания перенесли его в ту ночь. Кай и сейчас чувствовал на своей коже теплоту его пальцев, как нежно и умело они разжигали в нем огонь желания, и как он не мог этому сопротивляться, его тело откликнулось на прикосновения — тогда Тоями понял, что Кай знает прикосновение мужских рук к себе. Что другой до него смог раскрыть Каю удовольствие от таких ласк.

Аршад! Да, первым мужчиной в его жизни был Аршад. Как это страшно и противоестественно для Кая бы ни звучало. Но это было. До Аршада он и предположить не мог о таком — поцеловаться с парнем, мужчиной! Это было для него неприемлемо, отвергалось всем его

существом и всем его миром, в котором он жил: его воспитанием, друзьями, его верой. Он даже в мыслях не мог допустить, что к нему будет прикасаться мужчина и что это может приносить удовольствие.

Как же долго Кай сопротивлялся Аршаду, но Аршад был настойчив, терпелив и опытен. Он раскрыл Каю тайну его тела, тайну того, насколько он чувственен к восприятию ласки. Эти бесконечно долгие поцелуи, прикосновения — и его тело становилось ему неподвластным, он лишь растворялся в волнах наслаждения, забывая обо всем.

Кай вспомнил Аршада, его большие черные глаза, густые ресницы, красиво изогнутые брови, смоляные волосы, вьющиеся жесткими завитками, орлиный нос с тонкими ноздрями, пронзающий насквозь взгляд, от которого мурашки пробегали по коже, тонкая линия темных усов и аккуратная бородка по краю скул, придающая его лицу черты мужественности. И, конечно, губы, красивые чувственные губы, они не были полными, нет — это были мужские губы, сводящие с ума своим надменным изгибом, когда он разговаривал, и коварной улыбкой, когда его переполняло желание. Его высокая гибкая фигура, не очень широкие, но в то же время накаченные плечи и сильные руки, от которых не было спасения. Его объятия, в которых он задыхался и не сопротивлялся тому, что он делает с ним.

Это было давно, но он все помнит, он помнит и о их договоре, который они заключили между собой, и то, что ждет Аршад по этому договору от него.

Их первая встреча, он помнит ее...

Продолжение следует.